

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. И. ВЕРНАДСКОГО»**

ИНСТИТУТ «ТАВРИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

кафедра истории и теории государства и права

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ:
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИННОВАЦИИ, ПРАКТИКА**

**МАТЕРИАЛЫ VII ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ ПРОФЕССОРСКО-
ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА, АСПИРАНТОВ И СТУДЕНТОВ**

(10 НОЯБРЯ 2022 г.)

г. Симферополь 2022

«Актуальные вопросы юриспруденции: научные исследования, инновации, практика». Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. - Симферополь: Институт «Таврическая академия» «КФУ им. В.И. Вернадского», 2022. – 165 с.

Настоящий сборник составлен по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов «Актуальные вопросы юриспруденции: научные исследования, инновации, практика», состоявшейся 10 ноября 2022 г. в г. Симферополе. В материалах нашли отражение новые идеи в исследовании актуальных вопросов юриспруденции, рассмотрены проблемы трансформации правовых институтов государства в современных условиях в обществе; развитие российского права в процессе инновационных преобразований в различных отраслях права; рассмотрен как положительное, так и негативное влияние внешних факторов на развитие права, были проанализированы и исследованы особенности динамики развития права в условиях практического применения и др.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1

Современные проблемы истории и теории государства и права, публичного права

Филонов А.В. ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РОССИИ.....	8
Абасов Г.Г. К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	11
Фадеева Е.С. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ.....	14
Сибилева А.Ю. ТЕНДЕНЦИЯ К ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ СТАТЬИ 131 КОНСТИТУЦИИ РФ.....	16
Миронова О.А. ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ КАК ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЖИЗНЬ.....	18
Адельсеитова А.Б. МЕСТО И РОЛЬ ОППОЗИЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ.....	21
Великая О. С. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ ФИНЛЯНДИИ.....	25
Анохин А.Н. ОБ ИНТЕГРАТИВНОЙ ФУНКЦИИ ПРЕЗИДЕНТА РФ В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	27
Клименко Е. П. НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБУЧЕНИЯ ПОГРУЗО-РАЗГРУЗОЧНОМУ ДЕЛУ В ПОРТАХ СССР В 1940-Е ГГ.....	30
Пашнева В.А. ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В ТУНИСЕ.....	33
Кошман В.А. КИТАЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ НА ЗАРЕ СВОЕГО ФОРМИРОВАНИЯ: ТАОСИ.....	35
Кошкин А.С. УНИФИКАЦИЯ ПРОФОРМ ЧАРТЕРОВ КАК СПОСОБ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФРАХТОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СЭВ.....	38
Лазуткин В.А. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА РЕГИОНАЛИЗАЦИИ.....	40

Аблякимова Н.И. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ.....	42
Андришина И. В., Мурадасилова М. Э. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ СОВЕСТИ В ИСТОРИИ РОССИИ.....	44
Андруцкий А.Н. ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ЧАСТНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ И ОХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ.....	47
Анциферова Э.Ю. УРОВЕНЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА.....	49
Гришаева И.В. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ФОРМА ПРАВА» И «ИСТОЧНИК ПРАВА».....	52
Губарева Д.А. УПРОЩЕННАЯ ПРОЦЕДУРА ПРИНЯТИЯ В ГРАЖДАНСТВО: РЕШЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ ИЛИ УГРОЗА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ.....	54
Елькина А.С. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СОВРЕМЕННОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	56
Ким В.С. ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА	58
Янченко В.Д. , Алимova Н.А. СУДЕБНИК ИВАНА IV, СУДЕБНИК 1550 ГОДА – ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ РОССИИ.....	62
Шинкарук Д.А. ДЕФИНИЦИЯ «ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ В АСПЕКТЕ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	64
Кожар Е. В. ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНО-АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ 1557 ГОДА В ВКЛ.....	66
Коробчук А. И. ПРОБЛЕМА ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В ЗАКОННОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	68
Майдан В.В. , Мурадасилова М.Э. СТАНОВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ: ИХ ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	70
Майдан В.В. КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЕКТ ОСЕНИ 1917 Г.: ПОПЫТКА ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ.....	73

Назаров М.В. НЕТИПИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РОССИИ.....	75
Полгар М.А. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА	77
Иванченко С. В. К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ФОРМАЛИЗМА И ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ АКТУАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ.....	80
Сильванович Ю.Н. ПРАВО ГРАЖДАН НА ПРОВЕДЕНИЕ СОБРАНИЙ, МИТИНГОВ И ДЕМОНСТРАЦИЙ: КОНСТИТУЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ И ПРЕПЯТСТВИЯ К РЕАЛИЗАЦИИ.....	83
Символокова Д.А. ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	85
Хаяли Б. Р. ПРОЕКТ РЕШИДА МЕДИЕВА ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ.....	87
Шармоянц А. Н. О ПРОБЛЕМАХ ИНТЕГРАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В ПРАВОВОЕ ПОЛЕ РФ.....	90
Шевчук И.А. СПЕЦИФИКА ЭЛЕМЕНТОВ НОРМЫ ПРАВА: ТЕОРИИ И ИДЕИ ЕЕ СТРУКТУРИРОВАНИЯ.....	93
Шестакова Д. А. ЗАКРЕПЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ ФЕМИНИЗМА В РОССИИ И США: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	97
Казанцева Е. В., Казанцев А. Ю. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	100
Шильнов Н.Н. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ.....	102
Шумиленко А. П. О ЧЁМ МОЛЧИТ СОВРЕМЕННАЯ ДОКТРИНА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА БЕЖЕНЦЕВ.....	105

Сорокин Р.А. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИНЯТИЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ.....107

Секция 2

Современные проблемы гражданского и трудового права

Еремеев Д.В. ВОЕННЫЕ ОБЛИГАЦИИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	109
Бахриева З.Р., Муртазаева А.А. К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВАХ.....	111
Гасанова Т.И. НЕУСТОЙКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ИЛИ МЕРА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ?.....	114
Дмитриенко А.Я. ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЦИФРОВЫХ ПРАВ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	116
Лазбекина А. С., Уласень Е. О. ОТВЕСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РЕКЛАМЕ.....	118
Некрасова Е. В. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ПУТИ РАЗВИТИЯ.....	121
Муртазаева А.А. ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ ЕЩЕ НЕ РОДИВШЕГОСЯ РЕБЕНКА В НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ.....	123
Перепелицын М.Н. ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА.....	126
Салло А.А. К ВОПРОСУ О ВИНДИКАЦИОННОМ ИСКЕ КАК СПОСОБЕ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ.....	128
Самородский Е.О. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЦЕННОСТЯХ ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ..	130
Холецкая А.Ю. ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ТАЙНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ.....	132
Шипунов А.И. ПРИНЯТИЕ НАСЛЕДСТВА И ОТКАЗ ОТ НЕГО.....	135
Катренко А. И. ПРОБЛЕМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В СИСТЕМЕ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ.....	137
Сибилев Я.И. РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: АНТИМОНОПОЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И СЕТЕВЫЕ ЭФФЕКТЫ.	140

Секция 3

Современные проблемы уголовного права

Евтушенко И.И. О ВЛИЯНИИ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ УСЛОВИЙ НА СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	143
Евтушенко И.И. Мамутов Э.Э. УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ МЕР, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ПРЕСТУПНИКА КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА.....	146
Климова Д.В. МИГРАЦИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ЭКСТРЕМИЗМА.....	148
Скворцова О.В. К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЖЕСТОКОМУ ОБРАЩЕНИЮ С ЖИВОТНЫМИ.....	149
Шутьева А. О. ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	152
Кучерук В.В. ВВЕДЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОДАЖУ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЕМ И СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ.....	155
Лазарева Е.А. МОБИЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ ДЛЯ УЧАСТИЯ В СВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ.....	158
Новицкий К.Н. АРЕСТ КАК ВИД НАКАЗАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	160
Рахимджанова Д.С. КРИМИНАЛИЗАЦИЯ УКЛОНЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ.....	163

Секция 4

Современные проблемы предпринимательского и экологического права

Москвина В.И. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЛОКАЛЬНОГО МОНИТОРИНГА ПОДЗЕМНЫХ ВОД В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	165
---	-----

Секция 1

Современные проблемы истории и теории государства и права, публичного права

УДК 342

Филонов А.В

доктор юридических наук, профессор

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РОССИИ.

Аннотация: Данная статья посвящена суду присяжных в российском уголовном судопроизводстве. Показаны исторические предпосылки возникновения данного института в уголовном судопроизводстве, основные этапы его развития, а также выделены положительные и отрицательные аспекты функционирования суда присяжных в современных условиях.

Ключевые слова: суд присяжных, лавка присяжных, генезис, уголовное судопроизводство, присяжный заседатель, судебный процесс.

Annotation: This article is devoted to the jury trial in Russian criminal proceedings. The historical prerequisites for the emergence of this institution in criminal proceedings are shown, the main stages of its development, and the positive and negative aspects of the functioning of the jury in modern conditions are highlighted.

Key words: jury trial, jury shop, genesis, criminal proceedings, juror, trial.

Суд присяжных заседателей считается одним из наиболее демократических судебных институтов, применяющийся в уголовном судопроизводстве многих стран мира, в том числе и в России, суть которого заключается в том, что обычные граждане выносят обвинительный или оправдательный вердикт на процессе в отношении подсудимого и тем самым считается, что судебная ошибка в данном случае сводится к минимуму.

Кроме того, на практике в данном случае реализуется конституционный принцип участия граждан РФ в отправлении правосудия (ч.5 ст.32 Конституции РФ)[1].

В нашей стране в развитии института присяжных заседателей выделяют два периода: 1)имперский (ноябрь 1864 г.-декабрь 1917 г.) и 2)современный (июль 1991 г.-по настоящее время).

В Российской империи институт суда присяжных был официально введен в уголовное судопроизводство в ноябре 1864 года в ходе проведения судебной реформы Александром II, причем данную реформу и институт присяжных заседателей поддержало большинство прогрессивной части российского общества того периода времени, в том числе и такие известные адвокаты как Анатолий Федорович Кони, Федор Никифорович Плевако и др.

Надо признать, что появление суда присяжных во второй половине XIX века сыграло положительную роль в развитии всей судебной системы того периода времени.

Имперский период развития института присяжных заседателей характеризовался следующими признаками:

- довольно низкая по сравнению с обычным судом «репрессивность» вердиктов (большое количество оправдательных приговоров);
- негативная оценка многих подданных способности присяжных заседателей принимать верные процессуальные решения в связи с их непрофессионализмом, низким уровнем правовой культуры;
- часто меняющийся объем полномочий присяжных заседателей;
- наличие национальных, гендерных, сословных и иных ограничений для заседателей (имущественный ценз, ценз грамотности и т. д.);
- недостаточное материально-техническое обеспечение их работы.

И тем не менее, институт присяжных заседателей в Российской империи существовал в период с 1864 по 1917 гг. в уголовном судопроизводстве, и выполнял важную задачу-обеспечивал народное представительство при осуществлении правосудия. Так, с участием присяжных заседателей в Российской империи рассматривалось до 76% всех уголовных дел.

Второй (современный) этап развития института суда присяжных связывают с распадом СССР и созданием Российской Федерации.

В современной России суд присяжных начал работать с 1991 года, но фактически он заработал в некоторых регионах России (и то в экспериментальном режиме) только с ноября 1993 года. В тот период присяжные рассматривали от 170 до 420 дел в год. Но окончательное внедрение суда присяжных в судебную систему РФ состоялось лишь в 2003 году, тогда возможность рассмотрения дел коллегией присяжных заседателей появилась на уровне Верховных судов в большинстве субъектов РФ.

Основным нормативно-правовым актом, регламентирующим деятельность института присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве в РФ, является Федеральный закон от 20.08.2004 года №113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в РФ» (с изменениями и дополнениями)[2].

Начиная с 2004 года количество рассмотренных уголовных дел с участием присяжных заседателей в России постоянно росло. По данным судебной статистики ежегодно с участием присяжных заседателей с 2018 по 2021 годы рассматривалось (по основной статье предъявленного обвинения) с вынесением приговора около 635 дел в год (2018 год-280, 2019 год-717, 2020 год-675, 2021 год-870). При этом, в 2021 году сохранилась позитивная тенденция к увеличению числа ходатайств о рассмотрении судами дел с участием присяжных заседателей (в 2018 году-613, в 2019 году-958, в 2020 году-1055, в 2021 году-1114 дел)[3].

На 2023 год в состав списков кандидатов в присяжные заседатели предполагается включить 710293 человека, а в 2024 году-844389 человек[4].

Суд присяжных применяется в уголовном судопроизводстве по ходатайству подсудимого, если он подозревается в совершении особо тяжкого уголовного преступления и ему грозит вынесение судом приговора в виде высшей меры наказания. К таким статьям Уголовного кодекса РФ относятся: 1) ст. 105 ч.2 УК РФ Убийство двух и более лиц; 2) ст.353 УК РФ Подготовка и ведение войн и т. д.

Присяжным заседателем может быть гражданин России не моложе 25 лет, полностью дееспособный, в совершенстве знающий русский язык, не имеющий судимости и не являющийся подозреваемым в совершении преступления. Общие и запасные списки присяжных готовятся исполнительно-распорядительным органом муниципального образования с использованием избирательных списков ГАС «Выборы» на 4 года, и затем обязательно публикуются в СМИ. Списки направляются в соответствующие суды.

Количество присяжных на судебных заседаниях колеблется от 6 до 8 человек, так 6 человек составляет суд присяжных в районных и гарнизонных судах и 8 человек в областных и приравненных к ним судах.

Присяжные решают следующие задачи:

- устанавливают факт совершения преступления;
- определяют виновен ли подсудимый, и если виновен, то заслуживает ли он снисхождения.

Присяжные могут вынести либо оправдательный, либо обвинительный вердикт, причем при обвинительном вердикте достаточно простого большинства голосов присяжных, а при оправдательном не менее 6 присяжных заседателей.

Оправдательный вердикт присяжных председательствующий в суде отменить не может, тогда как обвинительный вердикт не является обязательным для судьи, и судья может вынести оправдательный приговор, если он уверен в невиновности подсудимого.

Следует отметить, что вопрос о целесообразности применения суда присяжных в уголовном судопроизводстве остается дискуссионным как в России, так и за рубежом. Есть как противники, так и сторонники сохранения данного института в уголовном судопроизводстве.

По нашему мнению, присяжные не всегда компетентны при вынесении вердикта, они не имеют необходимых знаний в области юриспруденции. В силу этого их решения в большинстве случаев носят больше эмоциональный характер, нежели профессиональный. С другой стороны, развитие института суда присяжных влечет за собой повышение качества доказательной базы по уголовным делам, а значит и развитие системы российского уголовного судопроизводства в целом. Кроме того, на наш взгляд, использование суда присяжных в ходе уголовного судопроизводства сводит к минимуму возможную ошибку при вынесении приговора председательствующим на процессе.

Из всего выше сказанного можно сделать вывод, что присяжные заседатели при определенных условиях имеют возможность объективно и беспристрастно оценить все обстоятельства по тому или иному делу, и вынести справедливый итоговый оправдательный или обвинительный вердикт, опираясь на свой жизненный опыт и внутреннюю интуицию.

Список использованных источников:

1. Конституция РФ 1993 года часть 5 статья 32.
2. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) //
3. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по

первой инстанции за 12 месяцев 2018,2019, 2020, 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/?id=5> (дата обращения: 01.08.2022).

4. Сверка исходных данных для распределения субвенций на составление (изменение) списков кандидатов в присяжные заседатели: данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации на 18.04.2022 г.//<http://www.cdep.ru/?id=295>

УДК 340.111

Абасов Г.Г.

доктор юридических наук, доцент

Крымский юридический институт(филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье рассматриваются подходы к определению понятия конституционно-правового статуса субъекта конституционного права, в том числе Президента Российской Федерации. Анализируется эволюция конституционно-правового статуса Президента Российской Федерации с 1991г. Определяется конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации как Главы государства и главы исполнительной власти.

Abstract: the article discusses approaches to the definition of the concept of constitutional and legal status of a subject of constitutional law, including the President of the Russian Federation. The evolution of the constitutional and legal status of the President of the Russian Federation since 1991 is analyzed. The constitutional and legal status of the President of the Russian Federation as the Head of State and Head of executive power is determined.

Категория конституционно-правового статуса является системообразующей для конституционного права. Научные дискуссии о понятии и содержании конституционно-правового статуса субъекта права носят не только теоретический, но и практический характер. Современные концепции определения статуса субъекта конституционного права являются дискуссионными и не в полной мере отражают суть современной социально-правовой реальности. Не углубляясь в дискуссию, поскольку в научной литературе существуют разные мнения, необходимо остановиться на некоторых подходах к определению понятия конституционно-правового статуса.

Так, С.А. Авакьян считает, что под статусом необходимо понимать «оформленное нормативным актом положение органа, организации, объединения, должностного лица, личности. Статус характеризует их природу, место в системе общественных отношений и субъектов права, важнейшие права и обязанности, формы (порядок) их реализации и принимаемые при этом акты или совершаемые действия»[1].

Конструкция конституционного статуса государственных органов, предложенная Б.М. Габричидзе, включает следующие элементы: 1) политическая и государственно-правовая характеристика органа государства; 2) место разных видов органов в общегосударственной системе, дифференциация систем, подсистем и видов органов, их соотношение; 3) основы взаимоотношений органов между собой; 4) важные принципы организации деятельности государственных органов; 5) основы компетенции; 6) виды правовых актов государственных органов[2, с. 10-11].

А.Н. Лебедев указывает, что под статусом субъекта права следует понимать правовое положение субъекта права по отношению к другим субъектам права, с которыми он потенциально может вступать в правоотношения. Содержанием правового статуса является совокупность прав и обязанностей субъекта права, которые он может потенциально приобретать, вступая в возможные правоотношения[3, с. 26].

Н. А. Богданова считает, что статус в конституционном праве зависит, прежде всего, от той роли, которую он играет в определенном и фиксированном положении участников конституционно-правовых отношений, и подходов к его характеристике. Но, при любом проявлении конституционно-правовой статус владеет устойчивостью, относительным постоянством, внутренней согласованностью и системообразующей значимостью[4, с. 47].

Колобаева Н.Е. определяет конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации как закрепляемая нормами Конституции Российской Федерации и иных актов устойчивая и вместе с тем динамичная система элементов, выражающих правовую личность Президента, его положение в государстве, обществе относительно других субъектов права. А одним из элементов конституционно-правового статуса Президента Российской Федерации считает ценностно-функциональное предназначение Президента, раскрывающее его принципиальное место в системе государственных и общественных связей[5].

Несмотря на неоднозначность понятия и структуры конституционно-правового статуса в научной литературе, место Президента Российской Федерации в системе органов государственной власти является одним из определяющих элементов конституционно-правового статуса Президента Российской Федерации.

Разные авторы, определяя статус Президента РФ, делают акцент на не всегда совпадающих характеристиках правового положения Президента РФ. Н.А. Сахаров конституционный статус Президента определяет через его роль главы государства, функцию представительства государства в международных отношениях и другие функции[6]. В.Н. Суворов считает, что конституционный статус Президента РФ определяется тем, что Президент является главой государства; обеспечивает взаимодействие и согласованную работу государственных органов; выступает гарантом Конституции Российской Федерации; занимает определяющее положение по отношению к исполнительной власти[7].

Рассмотрим кратко эволюцию конституционно-правового статуса Президента РФ в соответствии с Конституцией РСФСР от 1978г. в редакции 1991г., Конституцией РФ от 1993г. и поправками, принятыми Законом «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» от 14.03.2020 в сравнительном анализе.

Итак, Конституция РСФСР 1978 г. в редакции от 1991г. гласила, что Президент Российской Советской Федеративной Социалистической Республики является высшим должностным лицом РСФСР и главой исполнительной власти в РСФСР. Президент РСФСР назначает Председателя Совета Министров РСФСР с согласия Верховного Совета РСФСР, назначает и освобождает от должности министров, руководителей комитетов и ведомств РСФСР по представлению Председателя Совета Министров РСФСР, а также руководит деятельностью Совета Министров РСФСР.

В Конституции Российской Федерации 1993г. формулировка о том, что Президент является высшим должностным лицом и главой исполнительной власти, исчезла. Конституция Российской Федерации 1993г. определяет, что Президент Российской Федерации является главой государства и гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. Это дало основание многим ученым считать, что Президент Российской Федерации не входит ни в одну из ветвей государственной власти и даже стоит выше указанных властей. Такой устоявшийся тезис в научной и учебной литературе сегодня

является не совсем корректным и противоречит статьям 10,11,п.б ст.83,ч.1 ст.110 Конституции Российской Федерации.

Конечно, есть мировая практика, когда глава государства не обладает широкими полномочиями, не осуществляет государственную власть и поэтому не входит ни в одну из ветвей власти. Например, президент ФРГ, полномочия номинальные и акты которого требуют контрасигнатуры. Также могут разделить полномочия главы государства и президента, например, как в Иране. В Иране главой государства является Высший руководитель Ирана, духовный лидер, который избирается пожизненно. А президент является главой исполнительной власти. Однако в ряде стран, в основном президентских республиках, глава государства также наделен полномочиями главы исполнительной власти, которые позволяют ему управлять государством.

Президент Российской Федерации осуществляет государственную власть согласно ст.11 Конституции РФ, значить не может не входить в одну из указанных в ст.10 Конституции РФ ветвей власти. Даже поверхностный анализ некоторых статей Конституции РФ в редакции 1993г. свидетельствует, что фактически Президент признаётся главой исполнительной власти (право назначать Правительство, право председательствовать на заседаниях Правительства и др.).

Но, Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", окончательно определил статус Президента Российской Федерации, как главы исполнительной власти. Сегодняшняя редакция п. б ст. 83 Конституции РФ гласит, что Президент Российской Федерации осуществляет общее руководство Правительством Российской Федерации. Это означает, что конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации сегодня определяется не только ч.1 ст.80, но и п. б ст.83, ч.1 ст.110 Конституции Российской Федерации. Согласно указанным нормам Конституции РФ, конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации можно определить как Глава государства и глава исполнительной власти.

Таким образом, эволюцию конституционно-правового статуса Президента Российской Федерации можно определить следующим образом: 1991-1993 гг. – высшее должностное лицо и глава исполнительной власти; 1993-2020 гг. – Глава государства (де-факто глава исполнительной власти); с 2020 г. Глава государства и глава исполнительной власти.

Список использованных источников:

1. Конституционное право. Энциклопедический словарь / Отв. ред. С.А. Авакьян. – М., 2000.
2. Габричидзе Б.Н. Конституционный статус органов Советского государства. – М., 1982. – С. 10-11
3. Лебедев А.Н. Статус субъекта Российской Федерации: основы концепции, конституционная модель, практика. – М., 1999. – С. 26.
4. Богданова Н.А. Система науки конституционного права. – М., 2001. – С.47
5. Колобаева Н.Е. Конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации (вопросы теории и практики): Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2007
6. Сахаров Н.А. Институт Президентства в современном мире. – М., 2004.
7. Суворов В.Н. Конституционный статус Президента Российской Федерации: Автореф. дис. докт. юрид. наук. – Москва, 2000.

УДК 342.5

Фадеева Е.С.

кандидат юридических наук

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,

Россия, г. Калининград

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Рассмотрена проблема территориальной организации местного самоуправления и перехода на одноуровневую модель муниципально-территориального устройства. Дана оценка оснований и последствий указанных изменений. Отмечена необходимость законодательного урегулирования вопросов доступности органов местного самоуправления для населения.

The problem of the territorial organization of local self-government and the transition to a one-level model of the municipal-territorial structure is considered. An assessment of the grounds and consequences of these changes has been given. The need for legislative settlement of issues of accessibility of local self-government bodies for the population was noted.

Местное самоуправление является одной из фундаментальных основ конституционного строя Российской Федерации. Основная цель осуществления местного самоуправления состоит в решении вопросов местного значения, связанных с непосредственным обеспечением жизнедеятельности населения муниципального образования. Местное самоуправление, прежде всего, связано с конкретными территориями – муниципальными образованиями. Муниципальное образование представляет собой особую публично-территориальную единицу, для которой характерно наличие единой населенной территории, организационной структуры, собственного устава, бюджета и муниципальной собственности. При этом именно территориальная организация местного самоуправления во многом определяет содержание остальных характеристик муниципального образования.

В 2019 году в ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – закон № 131-ФЗ) были внесены изменения, в результате чего в России появился новый вид муниципального образования – муниципальный округ [1]. Указанные изменения стали ожидаемым итогом продолжающегося перехода на одноуровневую модель местного самоуправления. Кроме того, посредством изменений, внесенных в 2020 году в главу 8 Конституции РФ, из Основного закона был исключен поселенческий принцип территориальной организации местного самоуправления.

Рассмотрим развитие муниципально-территориального устройства в субъектах РФ на примере Калининградской области. В 2009 году после вступления в силу закона № 131-ФЗ в Калининградской области местное самоуправление осуществлялось преимущественно посредством использования двухуровневой модели. Так, территория области включала 5 городских округов и 13 муниципальных районов. Уже в 2016 году состав муниципальных образований области был представлен 16 городскими округами и 6 муниципальными районами, что демонстрирует иной подход к территориальной организации местного самоуправления. К 2020 году все муниципальные образования области получили статус городских округов, тем самым двухуровневая модель территориальной организации местного самоуправления была исключена полностью. В настоящий момент муниципально-территориальное устройство Калининградской области представлено 10 городскими округами

и 12 муниципальными округами. Аналогичная тенденция перехода на одноуровневую модель местного самоуправления наблюдается и в иных субъектах РФ, для которых характерна значительно более высокая удаленность населенных пунктов друг от друга.

Безусловно, данная реформа объективно обоснована необходимостью социально-экономического развития и выравнивания бюджетной обеспеченности территорий, сокращения расходов на содержание аппарата муниципальной власти. Однако стоит отметить распространенную отрицательную оценку указанной выше тенденции перехода на одноуровневую модель местного самоуправления, с которой сложно не согласиться. В частности, создание муниципального округа в границах муниципального района усугубляет проблему запустения территорий, особенно если речь идет о малозаселенных и отдаленных друг от друга на значительное расстояние территориях [2, с. 64]. Кроме того, введение такого вида муниципального образования как муниципальный округ приведет к снижению доступности органов местного самоуправления для граждан и снижению активности населения в решении вопросов местного значения [3, с. 20].

Данные аргументы представляются особенно актуальными применительно к осуществлению местного самоуправления отдаленных и малозаселенных населенных пунктах, которые ранее составляли основу поселенческого звена, но с переходом на одноуровневую модели местного самоуправления утратили статус муниципальных образований. При этом часто упоминаемое расширение сети многофункциональных центров и активного внедрения предоставления публичных услуг в электронном виде также не позволит обеспечить решение данной проблемы в короткий период времени. В данном вопросе необходимо учитывать, какой процент населения (особенно в отдаленных сельских местностях) владеет соответствующими технологиями и имеет возможность взаимодействовать с органами местного самоуправления дистанционно.

В связи с этим, представляется необходимым на законодательном уровне урегулировать вопрос доступности органов местного самоуправления для населения и предусмотреть необходимость создания территориальных структурных подразделений местных администраций в отдаленных и малозаселенных населенных пунктах. Тем самым, может быть решена проблема удаленности населенных пунктов от административных центров муниципальных образований, что, в свою очередь, будет способствовать реализации гражданами своего права на участие в осуществлении местного самоуправления.

Список использованных источников:

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электрон. ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
2. Баженова О.И. Муниципальный округ: новое решение старой проблем или новая проблема организации местного самоуправления в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 58-66.
3. Малявкина Н.В., Алексикова О.Е., Ястребов А.Е. Муниципальный округ как средство укрупнения муниципальных образований // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2020. № 1. С. 19-22.

УДК 342.5

Сибилева А.Ю.

кандидат юридических наук, доцент,

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

ТЕНДЕНЦИЯ К ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ СТАТЬИ 131 КОНСТИТУЦИИ РФ

Аннотация: в работе раскрывается суть и последствия конституционной реформы 2020 года в части ее влияния на правовой статус местного самоуправления в России. Отмечается, что принятые поправки повлекли за собой излишнюю централизованность и разбалансированность во взаимоотношениях органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Annotation: the article reveals the essence and consequences of the 2020 constitutional reform in terms of its impact on the legal status of local self-government in Russia. It is noted that the adopted amendments entailed excessive centralization and imbalance in the relationship between state authorities and local self-government bodies.

Концепция самостоятельности местного самоуправления как одного из эффективных механизмов соблюдения таких принципов конституционного строя Российской Федерации, как демократизм, приоритет прав и свобод человека и гражданина, а также воплощение статуса России как правового государства, нашла свое отражение в начале 90-х годов XX века с принятием Конституции РФ 1993 года в ее первоначальном виде. И, если «Советский период охарактеризовался определенной степенью идеологизации работ о местном самоуправлении ... о самостоятельности местных органов власти речи фактически не велось...» [1], то с распадом Советского Союза, в 90-е годы активно развивалась идея о необходимости обособления местного самоуправления от государственных органов власти во исполнение модели максимальной приближенности представительных субъектов к населению, их проблемам и текущим вопросам. Однако, масштабные конституционные и управленческие реформы последних лет реструктурировали подход к определению правового статуса и иерархического положения местных органов власти, что в текущих реалиях расценивается крайне неоднозначно и вызывает активные споры и дискуссии.

Кардинальные нормотворческие изменения практически во всех сферах жизни страны (социальной, экономической, политической) произошли в 2020 году в результате принятия Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [2]. В контексте анализируемой проблематики особый интерес вызывает реформа Главы 8 Конституции РФ, обеспечивающей легальное закрепление фундаментальных принципов существования и функционирования местного самоуправления в России.

Первое, на что следует обратить внимание – это введение нового понятия единой системы публичной власти. Так, исходя из положений части 3 статьи 132 Конституции РФ, к единой системе публичной власти в Российской Федерации следует относить «органы

местного самоуправления и органы государственной власти...», которые «осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения» [3]. Декларируемое единство государственной и местной власти, как видится, представляет собой не что иное, как внедрение местного самоуправления в вертикаль централизованной власти, как одного из элементов влияния государства на общественную жизнь. Так называемое взаимодействие, несмотря на, вероятно, изначально благородную закладываемую законодателем концепцию единства действий всех возможных инструментов и механизмов правления в ракурсе приоритета интересов человека и гражданина, в практической плоскости может привести лишь к управленческому воздействию органов государственной власти на органы местного самоуправления. Последние, в силу весьма ограниченных полномочий, вынуждены действовать в соответствии с уже сформированной моделью, что в результате формирует явный противовес идее народного представительства. В подтверждение озвученным выводам обратим внимание на поправки к статье 131 Конституции РФ, формирующей фундаментальные положения о самостоятельности населения в вопросах избрания структуры органов местного самоуправления, изменения границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление.

Ранее действующая редакция части 1 статьи 131 Конституции РФ гласила, что «местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций. Структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно» [4]. В результате принятых поправок анализируемая конституционная норма стала носить отсылочный характер, определяя, что местное самоуправление осуществляется в тех муниципальных образованиях, которые регламентированы соответствующим федеральным законом, и этим же законом необходимо руководствоваться при определении структуры органов местного самоуправления. Несмотря на внешне незначительные нововведения, признание ключевой роли Федерального закона (которым на сегодняшний день является Федеральный закон от 06.10.2003 N 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации») в столь важном вопросе, как видится, несколько нецелесообразно, т.к. положения федерального законодательства, в отличие от закреплённых фундаментальных норм в тексте Основного закона государства, подвержены достаточно простой процедуре реформирования. Более того, в дополнение к вышеизложенному, законодателем была принята дополняющая часть 1.1, которая, помимо уже установленного критерия отсылочности к федеральному законодательству, прямо закрепляет возможность органов государственной власти участвовать в вопросах формирования органов местного самоуправления. Учитывая гибкость федеральных норм, что подтверждается, в том числе, уже находящимся на рассмотрении проектом Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (формируемым в качестве усовершенствованной версии Федерального закона N 131), велика вероятность развития тенденции по полному отстранению населения от участия в вопросах формирования органов местного самоуправления. Провозглашаемое частью 1 статьи 131 право самостоятельного определения населением структуры органов местного самоуправления, по сути, не соотносится с оговорками части 1.1 той же статьи.

Кроме того, часть 2 статьи 131 Конституции РФ, в предыдущей редакции закрепляла, что «изменение границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, допускается с учетом мнения населения соответствующих территорий» [4]. Текущая редакция Конституции в целом сохранила идею, уточнив, однако, уже упоминаемую необходимость соответствия порядку, установленному федеральным законом.

И, в отличие от предыдущей версии Конституции РФ, нынешняя редакция статьи 131 реформирована в сторону ее расширения: была принята часть 3, устанавливающая, что: «особенности осуществления публичной власти ... на территориях могут устанавливаться федеральным законом» [3]. В целом, как отмечает сам законодатель, данное положение в

основном касается субъектов с особым правовым статусом (как, например, города федерального значения), в связи с чем и предусматривается особая процедура.

Подводя итог, отметим следующее. Конституционная реформа 2020 года в части преобразования правового положения местного самоуправления в стране крайне неоднозначна. Сочетание моделей централизации и децентрализации стало несколько разбалансированным с перевесом в сторону формирования, так называемого кризиса местного самоуправления в России. В связи с чем реформирование статьи 131 Конституции РФ, как видится, следует признать не в полной мере успешным и нуждающимся в дальнейших изменениях.

Список использованных источников:

1. Леван Т.Ч., Ганина О.Ю. Тенденции развития местного самоуправления в свете реформирования конституционной модели Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2020. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-mestnogo-samoupravleniya-v-svete-reformirovaniya-konstitutsionnoy-modeli-rossiyskoy-federatsii>.
2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) . URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
4. Конституция РФ 1993 года. 15-я редакция (действовала с 04.04.2019 по 04.07.2020). URL: <https://konstitucija.ru/1993/15/#08>

УДК 342

Миронова О.А.

кандидат юридических наук, доцент

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ КАК ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЖИЗНЬ

Аннотация: в статье поднимается проблема реализации в России гражданами конституционного права на жизнь в аспекте обеспечения безопасности дорожного движения. Автором приводятся статистические данные, свидетельствующие о стабильном снижении численности погибших в ДТП ввиду реализации целенаправленной государственной стратегии. Однако в государстве остаются вопросы (подтвержденные статистическими данными) связанные с обеспечением безопасности жизни и здоровья граждан, требующие дополнительного внимания.

Annotation: the article raises the problem of the implementation in Russia by citizens of the constitutional right to life in the aspect of ensuring road safety. The author provides statistical data indicating a steady decrease in the number of deaths in road accidents due to the implementation of

a targeted state strategy. However, there are issues in the state (confirmed by statistical data) related to ensuring the safety of life and health of citizens that require additional attention.

Ежегодно на наших дорогах трагически гибнут тысячи человек. Цифры, приведенные Росстатом [1], показывают стабильное уменьшение по России численности погибших в ДТП, но они еще есть.

	2019	2020	2021
РФ	17787	17041	16414
Республика Крым	268	266	228
г. Севастополь	22	33	32

Причин, по которым люди погибают или травмируются много. В первую очередь это стремительный рост и развитие городов, их автомобилизация, недостаточно эффективное правоприменение, невнимательность водителей и пешеходов, нарушения правил дорожного движения, появление на дорогах средств индивидуальной мобильности (далее СИМ), а также сложности, возникающие со своевременным доступом пострадавших в результате дорожнотранспортных происшествий к медицинской помощи.

Конечно же, сложность регулирования общественных отношений, возникающих в сфере безопасности дорожного движения (далее БДД) обусловлены не только стремительным техническим развитием, но и множественностью нормативных актов, регулирующих данную сферу.

К настоящему времени система нормативных актов, регулирующих БДД в целом сложилась, однако, в силу стремительного технического прогресса отдельные ее положения требуют усовершенствования в силу того, что соблюдение прав человека, создание действенного механизма гарантирующего их реализацию является обязанностью государства.

Систему законодательства в области БДД составляют Конституция Российской Федерации, федеральные законы, акты Президента России, постановления Правительства Российской Федерации, ведомственные (межведомственные) нормативно-правовые акты, международные документы по безопасности дорожного движения, к которым присоединилась Российская Федерация.

В силу своей учредительной функции Конституция Российской Федерации устанавливает основные принципы построения системы органов государственной власти, разграничивает предметы их ведения, провозглашает основные права и свободы человека, среди которых и гарантирование права на жизнь. БДД прямо не регулируется нормами Конституции. Деятельность по обеспечению такой безопасности следует рассматривать через призму ст. 72 Конституции, которая относит ее к совместному ведению России и субъектов.

Правила дорожного движения и попытка их урегулировать не является новацией современности. Первые попытки упорядочить перемещение по городским улицам были предприняты Гаем Юлием Цезарем в 50-х годах до н.э.. Современные правила дорожного движения утверждены Постановлением Совета Министров - Правительства РФ от 23 октября 1993 г. N 1090. Федеральным Законом [2, ст. 25] устанавливается перечень транспортных средств подпадающих под статус участников дорожного движения.

О необходимости расширения перечня транспортных средств и введения нового термина средство индивидуальной мобильности (далее СИМ) говорили давно. По статистике, число ДТП с электросамокатами за год (2021-2022) выросло на 35%. При этом она не учитывает инциденты вне зоны ответственности ГИБДД — например, в парках, скверах. В 2021 году в ДТП с участием электросамокатов погибли 20 человек, а в 2020 году — семь. Всего таких ДТП в 2021 году было 672, в них пострадали 704 человека [3]. С января по июнь 2022 года в России произошло 370 дорожно-транспортных происшествий с участием электросамокатов, гироскутеров и прочих средств индивидуальной мобильности; погибли в результате инцидентов 6 человек [4].

06 октября 2022 году, вопреки пессимистичным прогнозам, ПДД были дополнены долгожданным положением о СИМ, под которым понимается - транспортное средство, имеющее одно или несколько колес (роликов), предназначенное для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя (двигателей) (электросамокаты, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные аналогичные средства) [5]. С 01 марта 2023 года они являются полноценными участниками дорожного движения и, исходя из содержания ст.1079 Гражданского кодекса России, владельцы СИМ будут нести юридическую ответственность за вред причиненный источником повышенной опасности. Из анализа положений ПДД следует, что обычные ролики и скейты под СИМ не подпадают, а люди, передвигающиеся на них, по-прежнему имеют статус пешехода. Статус же СИМ по сути приравнен к велосипеду.

В аспекте рассматриваемой темы актуальными остаются вопросы, связанные с техническим осмотром транспортных средств. Как известно, с целью борьбы с коррупцией, функция по техническому осмотру транспортных средств была передана из подведомственности МВД. Но как оказалось с одной проблемой мы боремся, другая появляется. И та, которая появляется, связана с безопасностью и жизнью граждан.

Проанализировав современную ситуацию в сфере технического осмотра, хочется отметить, что реформирование данной сферы, привело к нарастанию негативных тенденций, следствием которых явился рост количества дорожно-транспортных происшествий по причине неудовлетворительного технического состояния транспортного средства. Так, в 2015 году ДТП по причине неисправности одного из транспортных средств было зафиксировано 2553, а в 2020 году таких уже 7658 в которых погибло 1223 человека, что на 10,5 % больше, чем в 2019 году [6]. Возможно ситуация будет усугубляться тем, что в конце 2021 года в России был принят закон, в рамках которого с 30 декабря 2021 года прохождение техосмотра для легковых автомобилей и мототранспортных средств, принадлежащих физическим лицам, стало добровольным [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что гибель людей в ДТП сокращается ввиду реализуемой государственной стратегии направленной на уменьшение потребления гражданами алкоголя, ужесточение наказаний за нарушение ПДД. Положительно влияет на ситуацию профилактики и появление видеорегистраторов, повышения качества автопарка. Однако смертность на дорогах в нашей стране по сравнению с иными развитыми государствами остается высокой. Очевидно, правительству и дальше следует принимать меры направленные на снижение числа ДТП.

Список использованных источников:

1. Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти за год – [Электронный ресурс]- Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/31620#>
2. О безопасности дорожного движения: Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. N 196-ФЗ – [Электронный ресурс]- Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/10105643/paragraph/82021/doclist/8847/showentries/0/highlight/закон%20о%20безопасности%20дорожного%20движения:3>
3. Набаткина К. Колесо с фортуной – [Электронный ресурс]- Режим доступа: <https://iz.ru/1356116/kseniia-nabatkina/koleso-s-fortunoi-chislo-avarii-s-elektrosamokatami-vyroslo-na-35>
4. В МВД зафиксировали двойной рост смертности в авариях с электросамокатами – [Электронный ресурс]- Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/v-mvd-zafiksirovali-rost-chisla-avariy-s-elektrosamokatami.html>
5. О правилах дорожного движения (с изменениями и дополнениями): Постановление Совета Министров - Правительства РФ от 23 октября 1993 г. N 1090 –

[Электронный ресурс]- Режим доступа
<https://internet.garant.ru/#/compare/77322334/1305770/tab/1:6>

6. В 2020 году выросло число ДТП из-за неисправных машин – [Электронный ресурс]- Режим доступа: <https://rg.ru/2021/02/17/v-2020-godu-vyroslo-chislo-dtp-iz-za-neispravnyh-mashin.html>

7. О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями): Федеральный закон от 1 июля 2011 г. N 170-ФЗ – [Электронный ресурс]- Режим доступа: https://base.garant.ru/12187349/36bfb7176e3e8bfebe718035887e4efc/#block_1507

УДК 342.55/329.05

Адельсеитова А.Б.

кандидат юридических наук, доцент,

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

МЕСТО И РОЛЬ ОПОЗИЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В статье проводится анализ правового статуса официальной оппозиции в Соединённом Королевстве, которая представлена второй по величине политической партией в палате общин - партией лейбористов Великобритании. Исследуется юридическая природа института официальной оппозиции Великобритании. На основе проведенного анализа сформулированы положительные и отрицательные аспекты взаимоотношений представителей оппозиции и правительственного большинства, определена роль оппозиции в системе государственной власти Великобритании в условиях сращивания партийных механизмов Лейбористской и Консервативной фракций с общим механизмом деятельности Парламента.

Ключевые слова: официальная оппозиция, парламент, лейбористская партия

The article analyzes the legal status of the official opposition in the United Kingdom, which is represented by the second largest political party in the House of Commons - the UK Labour Party. The legal nature of the institution of the official opposition of Great Britain is investigated. On the basis of the analysis, the positive and negative aspects of the relationship between representatives of the opposition and the government majority are formulated, the role of the opposition in the system of state power in Great Britain is determined in the conditions of merging the party mechanisms of the Labour and Conservative factions with the general mechanism of the Parliament.

Keywords: official opposition, parliament, the labour party

За последний период в истории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии произошли ряд событий, которые отразились на общественно-политической жизни британцев. Смена монарха Великобритании, дестабилизация мирового

порядка, вызванная кардинально сложными внешнеполитическими вызовами, поспособствовала назреванию кризиса в правящих политических кругах государства. За сравнительно небольшой срок произошла смена нескольких глав правительства, что подтверждает наличие сложных взаимоотношений внутри правящей партии консерваторов. Следует отметить, что в рядах политической элиты Великобритании на протяжении многих лет у власти находятся представители консервативной партии. Премьер-министры от консервативной партии возглавляли правительство 57 лет в XX веке, в том числе Уинстон Черчилль (1940—1945, 1951—1955) и Маргарет Тэтчер (1979—1990). На современном этапе Лидером партии является Риши Сунак (с 24 октября 2022), до него это была Лиз Трасс. До неё в XXI веке партию возглавляли: Борис Джонсон (с 24 июля 2019 года по 7 июля 2022 года), Тереза Мэй (2016—2019), Майкл Говард (2003—2005), Иан Дункан Смит (2001—2003) и Уильям Хейг (1997—2001).

Однако, в рамках рассматриваемой темы исследования особый интерес представляют оппозиционные партии Великобритании, которые в современной действительности заслуживают особого внимания в контексте возможной победы на очередных выборах. По результатам последних парламентских выборов с декабря 2019 года официальной оппозицией является Лейбористская партия Великобритании, её лидер — Кир Стармер. Ранее до 2007 года пост Премьер-министра занимал лидер Лейбористской партии Тони Блэр. На современном этапе лейбористы как отмечается в различных информационных источниках планируют вернуть доверие разочарованных избирателей через радикальный ребрендинг. Анализ деятельности парламентской оппозиции в Великобритании представляет особый научный интерес еще и потому что именно в этом государстве указанный институт имеет наиболее длительный опыт функционирования, построенный на прочных демократических принципах.

Понятие “оппозиция Его/Её Величества” в Великобритании появилось еще в 1826 г.. Употребление в названии оппозиции в словосочетании “Его/Ее Величества” сложилось в Великобритании исторически и обусловлено, как отмечают практически все исследователи, которые касаются этого вопроса, той ролью, которую играет оппозиция в этой стране. Так, в Энциклопедическом словаре, изданном еще в конце XIX века, отмечено, что в Англии и только в ней одной, оппозиция сделалась неотъемлемым институтом государственного права. Она призвана к постоянному участию в делах управления: посредством запросов правительству, участия в обсуждении тронной речи и т. д. Она дает правительству возможность действовать в пределах закона, и правительство было бы поставлено в весьма неудобное положение, если бы на выборах в Палату общин прошли исключительно его сторонники и он остался бы в Палате без оппозиции. Поэтому в Англии говорят не только о” правительстве Его/Её Величества“, но и с теми же основаниями об” оппозиции Его/Ее Величества ” (термин этот редко употребляется в других странах) [1, С. 39]. Итак, уже в конце XIX в. оппозиция в Великобритании рассматривалась как неотъемлемый элемент механизма государственной власти. Для понимания тех причин, которые обусловили четко выраженную про властно-оппозиционную структуру британского Парламента, следует отметить, что поддерживая точку зрения Слиски Л. и Динеса В., которые отмечают, что вся организация и деятельность Парламента Великобритании рассчитана, главным образом, на двухпартийную систему и обеспечиваемый ею разделение на правительственное большинство и оппозицию [2, с. 11], считаем, что именно двухпартийная система Великобритании и сыграла решающую роль в формировании такой структуры Парламента.

В Великобритании сложилась и функционирует двухпартийная система, специфика которой заключается в устойчивом преобладании на политической арене двух больших партий, которые периодически меняются в правительстве: когда одна партия формирует правительство, другая находится в оппозиции, и, наоборот, когда на очередных выборах побеждает оппозиционная партия, то она формирует правительство, а партия, которая ранее находилась при власти, переходит в оппозицию [3, с. 172]. Этот процесс, как в Великобритании, так и в других странах, имеет глубокие исторические корни и обусловлен

целым комплексом обстоятельств и причин. Так, Эсмен А. отмечает, что образование двух крупных партий одной консервативной, другой прогрессивной, предназначенных поочередно сменять друг друга у власти, при парламентском правлении явление вероятное, почти неотвратимое, если особые причины не будут мешать его развитию [4, С. 146-147].

На сегодняшний день тенденция к образованию двух крупных партий в странах с парламентской формой правления почти не прослеживается. Очевидно, это обусловлено разнообразием политических течений и осложнением политической жизни. Но принимая за основу такой критерий как реальная возможность влияния партий на государственную политику, можно утверждать, что взгляды Эсмена А. и на сегодня являются полностью актуальными по отношению к Великобритании, поскольку, действительно, реальное и весомое участие в государственной политике здесь берут две политические силы – Лейбористская и Консервативная партии. Хотя в этой стране существует еще несколько партий: Либеральная, Социал-демократическая, Коммунистическая, а также ряд других политических организаций (Кооперативная партия, Уэльская националистическая партия, Шотландская националистическая партия, Национальный фронт и др.). Тем не менее, это страна с классической двухпартийной системой: только две партии – консерваторы и лейбористы – сменяя друг друга, формируют правительство и определяют основные направления внутри внешнеполитического курса страны [3, с. 172]. Что же касается партий, находящихся в оппозиции, что до недавнего времени британская оппозиция была монолитной, однако на сегодняшний день, она не представляет собой единого целого: право выступать от имени меньшинства в одной из основных партий, что находится в оппозиции, пытаются перенять либеральные демократы, а также мелкие националистические партии Шотландии, Уэльса, Северной Ирландии.

Партийная система, основанная в Великобритании еще в XVIII в., называется партийным “маятником” [6, с. 39], а разработчиком так называемой “доктрины маятника” считается Лорд Солсбери [7, с. 113]. Чередованию политических партий, борющихся за власть в Великобритании, способствует, как отмечают Жакке Ж.-П. [8, с. 170], и избирательная система. В Великобритании действует мажоритарная избирательная система относительного большинства [9, с. 45]. Такое чередование регулярно происходит с 1945 г. с перевесом партии консерваторов. Партия же лейбористов имеет большой опыт оппозиционности, что способствует использованию внутренних споров, существующих в стране [8, с. 171]. С 1918 по 1999 г. она управляла страной только 27 лет, в основном в послевоенный период [10, с. 236]. Возможность чередования оказывает влияние на поведение партии. Партия занимает большинство мест в Палате общин, и знает, что в конце легислатуры она может потерять власть, если электорат не будет доволен ее управлением. Также дежурство возлагает ответственность на партию большинства и заставляет оппозицию быть реалистичной [8, с. 171]. В основу отношений между правительственным большинством и оппозицией положен принцип, в соответствии с которым между ними не должно существовать коренных разногласий по вопросам, определяющим основы политического и конституционного строя. Конкурентная борьба за власть ограничивается рамками Конституции и права. Правительство, управляющее обществом, должно действовать в соответствии с принципами ответственного правления. Оппозиция должна быть конструктивной, а ее критика – ответственной. Кроме того, существующие между партиями разногласия не должны доводиться до крайностей. По определению Лоуэля А., который считается в Англии классическим, оппозицией называется партия, которая не находится у власти, но абсолютно лояльна к учреждениям государства и готова взять власть без всякого ущерба для политических традиций власти [11, с. 552]. Э. Фланден отмечает, что именно тот факт, что сегодняшний член оппозиции завтра будет министром, лишает политическую борьбу английского парламента и той жесткости характера, который встречается в других государствах. В английских же Палатах существует глубокое и полное уважение к правам меньшинства [12, с. 93].

Таким образом, характеризуя функционирование оппозиции в британском Парламенте в целом, без выделения особенностей такого функционирования в Палатах, следует отметить, что отношения оппозиции и правительственного большинства в Парламенте подчиняются определенному неписанному кодексу поведения (это отличает поведение партий на выборах, где допускаются жесткие нападки друг на друга с тем, чтобы получить победу в борьбе за парламентское большинство) [11].

Относительно правовой регламентации деятельности парламентской оппозиции следует отметить, что она характеризуется эпизодичностью, поскольку предусматривает регулирование лишь отдельных аспектов такой деятельности (тогда как все остальные вопросы регулируются парламентскими традициями). Так, скажем, отдельные положения, касающиеся регулирования правового статуса парламентской оппозиции, содержит Регламент Палаты общин. Как известно, британский Парламент состоит из двух Палат: Палаты лордов и Палаты общин.

Рассматривая особенности функционирования парламентской оппозиции в каждой из них, следует, что про властно - оппозиционная структура британского Парламента сложилась, в основном, под влиянием таких факторов, как двухпартийная система и избирательная система относительного большинства. Процесс становления такой структуры был достаточно длительным и составлял более 2,5 века. Его результатом стало фактическое сращивание партийных механизмов Лейбористской и Консервативной фракций с общим механизмом деятельности Парламента.

К положительным аспектам такой структуры британского Парламента, к которым, по нашему мнению, можно отнести: четкую политическую структурированность британского общества (однако с приведенными выше оговорками относительно современного этапа) и Парламента, в частности; осуществление выдвижения кандидатов на парламентских выборах только политическими партиями; прогнозируемость деятельности Парламента, как результат четкой структурированности и высокой партийной дисциплины; ограничение конкурентной борьбы за власть и осуществления власти рамками Конституции и права; лояльный характер оппозиции; стабильность фракционной организации партий в Парламенте; непосредственное участие парламентского большинства в определении кандидатуры Премьер-министра и состава правительства; ответственность партий за проводимую ими государственную политику, в том числе ответственный характер критики оппозиции. К негативным аспектам указанной структуры британского Парламента можно отнести невозможность других политических партий (помимо Лейбористской и Консервативной) в полной мере влиять на содержание государственной политики и представлять интересы своего электората. Однако на этот счет следует оговориться, что такая ситуация в Великобритании сложилась как результат исторического и закономерного развития и не имеет характера искусственных ограничений.

Список использованных источников:

1. Оппозиция // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. Брокгаузъ, И. Ефронъ.- С-Пб., 1897. - Т. 43.- С. 38 - 39.
2. Слиска Л., Динес В. Парламентская оппозиция как фактор политической стабильности демократических режимов // Власть. - 2001. - № 10. - С. 8 - 14.
3. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. Й. Лейбо, Л. М. Энтина. - М.: Изд. группа "Норма-Инфра-М", 2004. - 784 с.
4. Общие основания конституционного права / Пер. с фр. под ред. проф. В. Дерюжинского; Проф. А. Эсмен (A. Esmein). - Санкт-Петербург : О.Н. Попова, 1898. - VI, 357 с
5. Айзенштат М. П. Шаги на пути к демократии (английский парламент XVII – XX вв. Парламент и правительство) // Британия и Россия. - М.: ИВИ РАН, 1997.- С. 32 - 41.

6. Лоу С. Государственный строй Англии: Пер. с англ.- С-Пб, Типография т-ва “Общественная польза”, 1908. - 269 с.
7. Жакке Ж.-П. Конституционное право и политические институты: Учеб. Пособие: Пер. с франц. - М.: Юристъ, 2002.- 365 с.
8. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: В 4 т. / Отв. ред. проф. Б. А. Страшун. - М.: Изд-во БЕК, 2000.- Т. 3. - 764 с.
9. Россия и Британия в поисках достойного правления: Учебное пособие / Под общ. ред. И. Кирьянова, Н. Оуэна, Дж. Сникера. - Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000.- 284 с.
10. Сравнительное конституционное право / Ред. коллегия А. И. Ковлер, В. Е. Чиркин, Ю. А. Юдин. - М.: Издательская фирма “Манускрипт”, 1996. - 729 с.
11. Фландень Э. Политические учреждения современной Европы: Пер. с англ. - С-Пб.: Издание В. И. Яковенко, 1906. – 315 с.

УДК 341.231.14

Великая О. С.

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, полковник
внутренней службы

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы

МЧС России, РФ, г. Санкт-Петербург

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ ФИНЛЯНДИИ

Аннотация: в сообщении рассмотрена правовая организация системы обучения служащих пенитенциарной службы в Финляндии на современном этапе. Указано, что она осуществляется пенитенциарным учебным центром и находится в одновременном ведении Министерства юстиции и Агентства по уголовным санкциям. Обучение осуществляется на основании учебного плана 2022-2024 гг.

The paper examines the current legal organisation of the prison service training system in Finland. It is pointed out that it is run by the Prison Training Centre and is administered simultaneously by the Ministry of Justice and the Criminal Sanctions Agency. Training is provided on the basis of a curriculum for the years 2022-2024.

Правовая организация системы обучения в большинстве стран Европы достаточно стандартна и строится, в качестве базиса, на учебных планах. Не является исключением в данном вопросе и Финляндия, а также ее система подготовки кадров для пенитенциарных заведений.

Подготовка служащих для пенитенциарных заведений этой страны началась в 1881 г. [1, с. 4]. Современная система подготовки кадров пенитенциарных заведений была создана в Финляндии с принятием указа «о Пенитенциарном учебном центре» и закона «о Пенитенциарном учебном центре» 1976 г., нашедших свое развитие в нормативных актах 1990, 2001 и 2006 гг. Данный орган не является самостоятельным и находится под патронатом Агентства уголовных санкций (2009 г.) [2], а также курируется Министерством юстиции, в

задачи которого, согласно постановлению правительства о нем от 12.06.2003 г., входит и «9) приведение в исполнение штрафов, общинных санкций и тюремного заключения» [3].

Упомянутый закон 2006 г. [4] как и сам пенитенциарный учебный центр действует и сегодня. Именно государство и контролирует его деятельность в полном объеме, в том числе и вопросы, связанные с методическими проблемами.

Действующий учебный план введен на 2022-2024 гг. [5] и состоит из разделов: «Введение», «Уголовное правосудие среда», «Агентство по уголовным наказаниям ценностная основа в образовании», «Агентство по уголовным наказаниям степени», «Уголовные санкции», области компетенции степени», «Штрафы и этика», «Безопасность и контроль», «Влияние на преступное поведение», «Область применения квалификации» и «Обучение на рабочем месте и структура обучения».

Целью системы пенитенциарного образования является формирование навыков, способствующих целенаправленному, планомерному, безопасному и эффективному применению наказания; уважительному отношению к правам заключенного, эффективности для человека и общества. Цель обучения – обеспечить все категории сотрудников достаточными специальными знаниями в области уголовных наказаний, включая осведомленность о ценностях и принципах Агентства, знание прав и обязанностей осужденных, способность и навыки эффективно взаимодействовать и сотрудничать с другими сотрудниками и клиентами/заключенными, а также стремиться к постоянному личностному и профессиональному развитию. Основная цель и задача тренинга заключается в согласовании направления работы по исполнению наказаний и реабилитации, направленной на снижение рецидивизма [5, с. 4].

Учебная программа по специальности «Уголовное правосудие» была обновлена и соответствует рекомендациям Комитета CDPC Совета Европы 2019 г. Она включает два теоретических раздела и связанную с их содержанием практику. Обе теоретические сессии длятся в течение трех месяцев.

Первый теоретический период посвящен задачам охраны и наблюдения, а также практической подготовке, необходимой для работы охранника. Также, в ходе теоретической части курса студенты изучают вопросы законодательства о государственной службе. Последняя теоретическая часть углубляет знания охранника о планировании работы, тюремные знания и методы реабилитации.

Цель тренинга также состоит в том, чтобы дать сотрудникам необходимые навыки для гибкой профессиональной мобильности и карьерного роста. Обучение учитывает индивидуальные потребности в обучении и ранее приобретенные навыки. Эта квалификация позволяет ее обладателю продолжить обучение в Учебном центре по уголовным санкциям в сотрудничестве с Университетом прикладных наук Лауреа в магистратуре по специальности «Уголовное наказание» (действует с 2018 г.).

Учебная программа преследует такие цели: 1) структура квалификации поддерживает ранее приобретенные компетенции, применение и признание предшествующего обучения; 2) включает в себя факультативность и разнообразие; 3) связана с практикой трудовой жизни и ее развитием; 4) может быть согласована с последующим дальнейшим обучением и обеспечивает адекватную подготовку к дальнейшему обучению; 5) поддерживает совместную работу охранников и иных сотрудников, улучшает профессиональное взаимопонимание между различными субъектами в области уголовного правосудия [5, с. 5].

Обучение, ведущее к получению квалификации охранника, в учебном плане составляет в общей сложности 90 кредитов. Продолжительность обучения составляет приблизительно 16 мес., из которых около 10 – обучение на рабочем месте. Новая учебная программа в большей степени опирается на онлайн-обучение, самостоятельную работу и обучение на рабочем месте.

Это позволило сократить количество контактных занятий и сделать обучение более самостоятельным. Программа требует более интенсивного сотрудничества между

подразделениями, студентами и преподавателями. Студенты не остаются одни. Во время практики они более активно используют больше возможностей, предлагаемых электронным обучением, получают индивидуальные рекомендации от преподавателей и наставников.

В последующем значительная часть сотрудников обычно получает высшее образование, что становится ключевой квалификацией для будущего системы уголовного правосудия. Кроме того, охранники и другие сотрудники, работающие по найму, получают больше возможностей учиться в высших учебных заведениях параллельно с работой. Реформа учебных программ позволит подготовиться к растущим потребностям трудовой жизни в профессиональных навыках, изменениям в рабочих задачах и необходимости повышения квалификации всего персонала в широком смысле.

Цель состоит в том, чтобы обеспечить соответствие реформированного образования в области уголовного правосудия стратегическим направлениям деятельности Агентства с точки зрения его значимости для трудовой жизни и способа ее организации, где персонал является ключевым условием функционирования системы уголовного правосудия [5, с. 6].

Список использованных источников:

1. Предписание Императорского Финляндского Сената Губернатору Або-Бьернеборгской губернии, о подготовке сторожей для тюрем в Финляндии. 5 октября 1880. №21 // 1880. Сборник постановлений №22 Великаго Княжества Финляндского. С. 4.
2. Закон об Агентстве по уголовным санкциям. Принято в Хельсинки 27 ноября 2009 г. - URL: [953/2009 Laki Rikosseuraamusvirastosta](#).
3. Постановление правительства о Министерстве юстиции. Принято в Хельсинки 12.06.2003. – URL: [Постановление правительства о министерстве юстиции 543/2003 - Обновленное законодательство - FINLEX ®](#)
4. Закон об учебном центре по уголовным санкциям. Принят в Хельсинки 22 декабря 2006 г. - URL: [Закон об Учебном центре по уголовным санкциям 1316/2006 - Первоначальные акты - FINLEX ®](#)
5. RIKOSSEURAAMUSALAN TUTKINTO 90 op Opetussuunnitelma 2022–2024. Rikosseuraamusalan koulutuskeskus (RSKK) Vernissakatu 2A, 01300 Vantaa rskk.f. – 69 с.

УДК 340.111

Анохин А.Н.

кандидат юридических наук, доцент,

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

ОБ ИНТЕГРАТИВНОЙ ФУНКЦИИ ПРЕЗИДЕНТА РФ В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье исследуются интегративные направления деятельности Президента РФ в сфере правотворчества. Показана интегративная роль Президента РФ в организации системы публичной власти в Российской Федерации. Проанализировано

координационное воздействие Президента РФ на законотворчество субъектов права законодательной инициативы и подзаконное правотворчество в Российской Федерации.

Annotation: The article examines the integrative activity of the President of the Russian Federation in the field of lawmaking. The integrative role of the President of the Russian Federation in the organization of the system of public power in the Russian Federation is shown. The coordinating influence of the President of the Russian Federation on the law-making of subjects of the right of legislative initiative and subordinate law-making in the Russian Federation is analyzed.

Keywords: integrative function of the President of the Russian Federation, legislative activity.

В отечественной юридической науке исследование проблем правотворчества традиционно имело приоритетное значение. Особая роль в подобных исследованиях принадлежит системному подходу к правотворческой деятельности. Именно данный подход позволяет познать всю сложность правотворчества в единстве, целостности и интегративном выражении. Поэтому особо важно проанализировать статус и функциональное воздействие системообразующего фактора правотворческой деятельности в Российской Федерации, в качестве которого выступает Президент РФ. Его интеграционное и координационное влияние на указанную деятельность придает ей системные качества и способствует повышению общей эффективности.

В соответствии с пунктами 1, 2 статьи 80 Конституции РФ [1], Президент РФ является главой государства, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в систему публичной власти. Данные положения Конституции свидетельствуют о наличии у Президента РФ интеграционной функции, призванной обеспечивать оптимальное действие механизма публичной власти, придавать ему относительную замкнутость, скоординированность, целенаправленность.

Указанная функция проявляется в двух основных аспектах. Во – первых, глава государства олицетворяет единство и целостность РФ как государства. Во – вторых, Президент РФ обеспечивает интегративное единство субъектов системы публичной власти в условиях действия принципа разделения государственной власти – «единство в многообразии».

Следовательно, деятельность Президента РФ выступает нормативным способом установления единства и координации системы публичной власти, а его указы и распоряжения (статья 90 Конституции РФ) формой осуществления данных целевых направлений. Поэтому в широком (содержательно – смысловом) понимании, правотворческая деятельность выступает правовой формой (наряду с правоприменительной деятельностью – процессом) осуществления Президентом РФ своей интегративной функции, средством реализации конституционно – правового статуса как главы государства. Соответственно, в более детальном выражении правотворческая деятельность может характеризоваться как нормативно – регламентированная, правовая форма деятельности Президента РФ, способствующая установлению организационно – правового единства в правотворческой деятельности системы органов публичной власти, придающая развитию этой системы заданость и целенаправленность.

Особое значение подобное широкое понимание правотворчества имеет для изучения взаимодействия Президента РФ и Федерального Собрания РФ, иных субъектов права законодательной инициативы, то есть в рамках характеристики законодательной деятельности как функционального направления государства (создание законодательства), где участвует не только парламент государства, но и иные субъекты права законодательной инициативы, призванные отразить интересы не только федеральных (интегративных) структур государства, но и субъектов федерации (структур дифференциации) государства. В таких условиях именно координирующая роль главы государства (при осуществлении правотворческой деятельности) призвана оптимизировать и придать единство и согласованность законотворчеству в

масштабах государства и общества. Это отчетливо проявляется в обращениях к Федеральному Собранию с ежегодными посланиями о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства (пункт «е» статьи 84 Конституции РФ), в положениях Указа Президента РФ от 10.06.1994 г. №1185 «Об обеспечения взаимодействия Президента РФ и Правительства РФ» (в части согласования и координации законопроектной деятельности).

Так, в ежегодных посланиях о положении в стране содержатся главные ориентиры и определяются задачи, стоящие перед государством. Конституция предусматривает и такую форму определения основных направлений внутренней и внешней политики государства как доктрина, в частности военная доктрина РФ (пункт «з» статьи 83 Конституции РФ), утверждаемая указом Президента РФ. В практику вошли такие формы определения внутренней и внешней политики, как концепции, например концепция национальной безопасности. Существенное значения приобрели бюджетные послания Президента РФ. Эти документы программируют развитие законодательства и деятельность Правительства РФ, органов , органов государственной власти и местного самоуправления [2, с.690]/

Правотворчество как правовая форма деятельности охватывает собой взаимоотношения Президента РФ и системы органов исполнительной власти, прежде всего взаимодействие с Правительством РФ. Это обусловлено прежде всего тем, что согласно пункту 3 статьи 80 Конституции РФ, Президент РФ в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики государства. Именно этим обусловлены полномочия Президента РФ по формированию Правительства, определению направлений его деятельности, контролю над ним (статья 83 Конституции РФ). Соответственно, вся учредительно – координационная деятельность Президента РФ относительно Правительства РФ и иных органов исполнительной власти, также охватывается понятием правотворчества в его широкой трактовке (с выделением социологической стадии). То есть осуществляя координационное воздействие на подзаконное правотворчество – будучи по – существу одним из его субъектов с особым конституционно - правовым статусом, содержательной стороной которого выступает деятельность органов исполнительной власти (исключая ее правоприменительную деятельность), Президент РФ в форме указов (процесса их создания) и иных организационно – правовых действий, оказывает непосредственное воздействие на реализацию всего подзаконного правотворчества государства.

Итак, нормотворческий процесс может быть подразделен на две его разновидности: законотворческий процесс и процесс подзаконного правотворчества. Законотворческий процесс в его широком понимании включает в себя еще и социологическую стадию, в рамках которой осуществляется законопроектная деятельность всех субъектов права законодательной инициативы. Данная стадия включает в себя этапы прогнозирования, планирования, собственно разработки законопроектов до внесения их в Федеральное Собрание РФ. Вся сложная законопроектная деятельность, выполняемая субъектами права законодательной инициативы, должна быть организована и скоординирована в масштабах всего государства. И вот такую организационно – координационную деятельность осуществляет Президент РФ как глава государства в рамках своей интеграционной функции.

Аналогичным образом, в рамках процесса подзаконного правотворчества может быть выделена социологическая стадия, предшествующая собственно юридическим процессуальным стадиям. Каждый орган, входящий в систему исполнительной власти, в соответствии со своим правовым статусом занимается подзаконным правотворчеством. Для обеспечения согласованности в осуществлении процесса подзаконного правотворчества в масштабах всей системы исполнительной власти, Президент РФ также осуществляет организационно – координационное воздействие на данный вид в рамках социологической стадии процесса.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (с гимном России). – Москва : Проспект, 2020. – 64с.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. – 3 – е изд., пересмотр. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 1040 с.

УДК 34:656.073"20"

Клименко Е. П.

кандидат юридических наук, доцент,

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

**НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБУЧЕНИЯ ПОГРУЗО-
РАЗГРУЗОЧНОМУ ДЕЛУ В ПОРТАХ СССР В 1940-Е ГГ.**

Данное исследование посвящено вопросу нормативного регулирования организации и хода проведения обучения отдельной категории работников – производителя погрузо-разгрузочных работ в советских портах. Автором проанализирована программа подготовки для таких специалистов, раскрыто содержание учебного плана, дана квалификационная характеристика обучающихся, охарактеризованы итоговые испытания.

This study is devoted to the issue of normative regulation of the organization and course of training of a separate category of workers – the manufacturer of loading and unloading operations in Soviet ports. The author analyzes the training program for such specialists, reveals the content of the curriculum, gives the qualification characteristics of students, characterizes the final tests.

Принятые нормативно-правовые акты в сфере регулирования труда грузчиков в портах СССР, такие как «Правила об условиях труда грузчиков при погрузочно-разгрузочных работах» 1931 г. [1], Постановление «О погрузочно-разгрузочных операциях и связанных с ними работах на транспорте во внеурочное время, в две и три смены, а также в нерабочие дни» 1932 г. [2], Положение по учету и отчетности и системе планирования по погрузочно-разгрузочным работам и операциям по обслуживанию пассажиров и багажа, принятое 1934 г. [3], Правила внутреннего распорядка для отдельных портов, не включали вопросы организации обучения, повышения квалификации занятых на погрузо-разгрузочных работах. А ведь процесс погрузки-разгрузки в портах имеет колоссальное значение. Именно с этим процессом связан один из самых острых вопросов эксплуатации морского флота – вопрос о простоях судов. Простой судов срывает выполнение планов перевозок, увеличивает себестоимость последних, приводят к нарушению сроков доставки, влекут в ряде случаев порчу перевозимых грузов [4, с. 172].

Именно поэтому качественное и практико-ориентированное обучение как производителей погрузочно-разгрузочных операций, так и самих грузчиков во многом могло

улучшить процесс работы в портах, избежать простоев, и выполнить погрузо-разгрузочные работы досрочно.

Нормативное регулирование организации процесса обучения по осуществлению погрузо-разгрузочных работ происходило посредством принятия программ для отдельных категорий специалистов. Так, Центральным управлением учебными заведениями при Народном комиссариате морского флота СССР в 1944 г. в г. Москва был издан Сборник программ по подготовке средних командных кадров морского флота – Производитель работ погрузо-разгрузочного участка, Программа № 9 [5].

Сборник программ включает шесть разделов и предназначен для подготовки новых кадров производителей работ погрузо-разгрузочных участков.

Раздел I называется Указания по организации обучения. В нем указывается, что программы могут быть использованы как для индивидуального обучения, так и для повышения квалификации работающих в порту производителей работ погрузо-разгрузочных участков.

Метод подготовки – курсы с отрывом от производства. Срок обучения – 2 месяца из расчета 25 дней занятий в месяц по 8 часов ежедневно (всего 400 учебных часов).

Курсы комплектуются из числа стивидоров со стажем работы не менее 1 года и бригадиров-грузчиков со стажем работы не менее 2 лет. Все поступающие на курсы должны иметь общеобразовательную подготовку не ниже 5 классов средней школы.

Занятия – групповые. Состав группы – от 10 до 15 человек. Преподавателями приглашаются: главный диспетчер порта, зам. начальника порта по эксплуатации, капитан порта или один из капитанов со званием не ниже штурмана дальнего плавания, инженер по труду, начальник отдела механизации и начальник планово-финансового отдела.

Практические занятия проводятся путем экскурсий в учебный кабинет техникума, на суда, на ж.-д. станцию или речную пристань для ознакомления с некоторыми видами грузовых работ, которые желательно перенести на морской транспорт, а также с различными моделями и устройствами.

Занятия должны вестись строго по расписанию, составляемому на каждый месяц.

Раздел II Программ содержит квалификационную характеристику, которая включает подраздел А. Производственные навыки (должен уметь делать) и подраздел Б. Специальные знания (должен знать).

К производственным навыкам относятся, например, организация погрузки и разгрузки судов и вагонов, составление сменно-суточного плана участка и сменно-суточного плана обработки каждого судна, которое грузится или выгружается данным участком, правильная расстановка стивидоров, приемно-сдатчиков и бригадиров-грузчиков, недопущение внутрисменных простоев грузчиков и механизаторов путем своевременного использования их на других работах и др.

К специальным знаниям относятся порядок составления и утверждения государственного плана морских перевозок и плана переработки средствами порта; система диспетчерского руководства в паромстве, портах, на грузовом участке и на железной дороге; устройство корабля, его грузовых помещений и грузовых средств, грузоподъемность, грузоместимость и правила определения допустимой осадки судна (грузовые марки) и др.

Раздел III Программ объединяет в себе правила построения учебного плана. Он включал в себя три блока: общеобразовательные знания, общетехнические знания, специальные знания. Итого 400 часов.

Раздел IV рассматриваемого документа именуется «Программы обучения» и детализирует согласно разделам учебного плана рассматриваемые на занятиях вопросы.

Программа по общеобразовательным знаниям занимает 50 часов. В нее включены такие темы, как значение порта как перевалочного пункта – 3 часа, организационная структура порта – 3 часа, диспетчерское руководство на морском транспорте – 7 часов, должностная характеристика производителя работ – 10 часов, значение морского транспорта в народном

хозяйстве – 5 часов, грузопотоки, грузооборот порта – 15 часов, виды плавания, виды перевозок – 3 часа, хозяйственный расчет на морском транспорте – 4 часа.

Программа по общетехническим знаниям включает 200 часов. Она состоит из следующих разделов: устройство грузового судна – 30 часов, эксплуатационные характеристики судов – 10 часов, устройство порта – 35 часов, подъездные пути, внутрипортовой транспорт – 10 часов, портовая береговая механизация – 30 часов, портовые плавсредства – 10 часов, технологический процесс грузовых работ – 75 часов.

Программа по специальным знаниям содержит 150 часов. Содержание программы: специфические свойства различных грузов – 30 часов, правила перевозки морем различных грузов – 20 часов, транспортная грузовая документация – 15 часов, тара и маркировка грузов – 5 часов, правила технической безопасности на судовых и грузовых работах – 20 часов, сменно-суточное планирование работы порта – 10 часов, судо-суточные нормы и единые нормы выработки – 10 часов, такелажные работы – 10 часов, элементарные сведения по английскому языку – 20 часов, отчетность грузового участка – 5 часов, качественная обработка грузов – 5 часов.

Раздел V Программ объединяет в себя вопросы к экзамену. Обучающимся необходимо будет ответить на такие вопросы, как назначение карго-плана, свойства соли, какие грузы нельзя грузить вместе, известные вам захватные приспособления, как будет по-английски «осторожно», «огнеопасно», «не переворачивать» и т.д. Кроме того, экзаменуемые должны знать, как проверить грузоподъемность судовой стрелы, какие применяются в портах системы оплаты труда грузчиков, а также нарисовать организационную структуру порта и др.

Раздел VI Сборника включает порядок сдачи испытаний, где указывается, что каждый экзаменуемый выполняет письменные работы, а также подвергается устному опросу и практическим испытаниям. Учащиеся, успешно сдавшие письменные и устные испытания и выполнившие самостоятельную практическую работу, получают от Государственной Квалификационной Комиссии аттестат об окончании обучения и присвоении соответствующей квалификации и специальности.

На основе проведенных исследований нами определено, что организация процесса обучения средних командных кадров морского флота, производителей погрузо-разгрузочных работ, происходило посредством принятия Центральным управлением учебными заведениями при Народном комиссариате морского флота СССР специальных Программ. Такие программы были разработаны с целью улучшить теоретическую подготовку специалистов. Обучение представляло собой курсы с отрывом от производства. Программа включала в себя учебный план, содержащий три основных раздела, разбитых на темы. Итогом обучения был экзамен, включающий устный опрос, письменные задания, а также проверку практических навыков.

Список использованных источников:

1. Правила об условиях труда грузчиков на погрузочно-разгрузочных работах. Официальное издание – приложение к № 30 «Известий НКТ СССР» за 1931 г.
2. Совет Народных Комиссаров СССР. Постановление от 28 мая 1932 г. п 829. О погрузочно - разгрузочных операциях и связанных с ними работах на транспорте во внеурочное время, в две и три смены, а также в нерабочие дни [Электронный ресурс]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3829.htm
3. Положение по учету и отчетности и системе планирования по погрузочно-разгрузочным работам и операциям по обслуживанию пассажиров и багажа. Народный комиссариат путей сообщения. Центральный Финансовый Отдел. – Харьков, 1934. – 17 с.
4. А. Л. Маковский. Правовое регулирование морских перевозок грузов. Морской транспорт. – Москва, 1961. – 314 с.

5. Сборник программ по подготовке средних командных кадров морского флота. Производитель работ погрузо-разгрузочного участка. Программа № 9. Издательство «Морской транспорт». – Москва, 1944.

УДК 342

Пашнева В.А.

кандидат юридических наук, доцент,

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В ТУНИСЕ

Аннотация: в статье анализируется проведение конституционных реформ в Тунисе. Рассматриваются конституционные положения, влияющие на форму правления, политический режим.

Annotation: the article analyzes the implementation of constitutional reforms in Tunisia. The constitutional provisions affecting the form of government and the political regime are considered.

В последнее десятилетие динамичность конституционных преобразований заставляет обратить на них внимание. В некоторых государствах конституционные изменения присутствуют в виде частичных, а в некоторых в виде полных реформ, что является ярко выраженной реакцией на изменения в общественной и политической жизни современности. Вновь принятые конституции закрепляют общепринятые мировые принципы и ценности, утверждая права и свободы, выработанные цивилизацией, в том числе вносится вклад в формирование конституционализма, что является актуальным. Как правило, принятию новой конституции государства предшествует определенный общественно-политический кризис[1], именно в результате протеста народной демонстрации и появилась Конституция Туниса.

Государство, будучи французской колонией, статуируется первоначально после предоставления ему автономного управления в 1942 г. но акт независимости государства был подписан между метрополией и Тунисом 20 марта 1956 г. В 1957 г. на основании решения Национального собрания монархическая форма правления в Тунисе была упразднена и объявлена республика с курсом построения исламистского государства. В 1959 г. принимается Конституция, на основании которой в республике Тунис формально вводилась многопартийная система, проводилась борьба с крайними проявлениями исламистов. Новая конституция, принятая в Республике в 2014 г., представляет собой некий компромисс между исламистскими и светскими партиями, с перспективой построения демократического государства, основанного на праве и равенстве. По мнению главы ООН Пан Ги Мун, - это событие является яркой «исторической вехой» и обозначает новую конституцию, как одну из «самых прогрессивных в арабском мире»[2].

В реальности, Конституция 2014 создала условия для трансформации суперпрезидентской республики в новую политическую систему с перераспределением полномочий между законодательной и исполнительной властью, при этом «правовой статус личности непосредственно не связан с конституционным закреплением курса государства на внедрение в повседневную жизнь исламских норм, наоборот, конституция расширяет

юридические рамки для реализации в полном объеме демократических прав и свобод граждан»[2].

Но очередная конституционная реформа не заставила себя долго ждать. На фоне народных выступлений, разногласий сторонников президента и оппозиции 25 июля 2022 г. президентом Туниса Кайсом Сайедом был объявлен референдум. На референдуме народ Туниса проголосовал за утверждение новой Конституции, предложенной президентом страны, которая изменяет политическую структуру страны и соотношение сил в правительстве, закрепленное в конституции 2014 года. Явка избирателей составила 30,5%, при этом 94,6% проголосовали «за» и 5,40% - «против»[3]. Референдум состоялся после нескольких лет политической нестабильности и ухудшения экономических условий.

Предпосылками для разработки новой Конституции предшествовало объявление 25 июля 2021 г. чрезвычайного положения президентом Сайедом в соответствии со статьей 80 конституции 2014 года, которая наделяет президента полномочиями принимать любые меры, необходимые для руководства страной, в случае неминуемой опасности, угрожающей институтам страны. Сайед приостановил работу парламента Туниса после протестов, касательно принятых правительством мер по борьбе с пандемией COVID-19 и общим ухудшением экономического положения.

Новый конституционный закон наделял главу государства более широкими полномочиями относительно полномочий, закрепленных конституцией 2014 г. В соответствии со ст. 100 Конституции 2022 года президент имеет право определять общую политику и внешний выбор страны, информируя кабинет министров об этом выборе. Кроме того, президент уполномочен назначать премьер-министра и других членов кабинета на основе рекомендаций премьер-министра (ст. 101 Конституции 2022 г.). На основании ст. 102 президенту предоставлено право роспуска кабинета министров и право увольнения любого из его членов напрямую или по рекомендации премьер-министра. Новая Конституция также предоставляет президенту полный иммунитет, снимая с него необходимость отчетности о своей деятельности в течение срока своего президентства (ст. 110).

Ст. 97 предоставляет президенту право выносить на референдум любой закон, касающийся функционирования и организации государственных органов, а также договоры, влияющие на функционирование государственных учреждений, при условии, что результаты референдума не будут противоречить Конституции. В соответствии со ст. 55 Конституции 2022 г. президент имеет право вводить ограничения на права и свободы граждан Туниса при исключительных обстоятельствах. Эти обстоятельства включают вопросы, связанные с национальной обороной, безопасностью, здравоохранением, защитой прав других лиц или защитой общественной морали. Согласно предыдущей Конституции, Конституционный суд обладал полномочиями разрешать любые юридические споры, касающиеся полномочий президента. Однако новая Конституция лишила Конституционный суд таких юридических полномочий.

Так же расширены полномочия президента в отношении судебной системы, где он наделен правом контроля и правом назначения судей. Ст. 120 разрешает президенту интерпретировать рекомендацию Высшего судебного совета как предложение, при этом окончательное решение принадлежит президенту. Конституция 2014 г. в ст.88 закрепляла вотум недоверия для отстранения президента при условии 2\3 голосов в поддержку. Согласно новой Конституции, аналогичная статья упразднена. Ст.90 закрепляет 5 летний срок на должности президента, с возможностью переизбрания еще на один срок. Однако, в случае войны или иной опасности, которые помешают проведению выборов срок пребывания президента на должности продлевается до момента, пока не будет устранена причина его переноса.

Таким образом, конституционные реформы в Тунисе укрепили статус президента, легализуя личную власть и сильную централизацию государственного управления, перестроив республику смешанного типа. Подобные конституционные

преобразования вызвали беспокойство и озабоченность зарубежных стран на международном уровне.

Список использованных источников:

1. Масловская Т.А. Новые направления конституционных реформ в зарубежных странах (динамика последних пяти лет)//Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, № 4. – 2016. С.82. URL <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-napravleniya-konstitutsionnyh-reform-v-zarubezhnyh-stranah-dinamika-poslednih-pyati-let/viewer>
2. Сапронова М.А. Новая конституция Туниса: свобода, равенство, ислам//Институт Ближнего Востока. – 2014// URL <http://www.iimes.ru/?p=19583>
3. Новую конституцию поддержали 95% проголосовавших // Известия 27 июля 2022. URL <https://iz.ru/1370757/2022-07-27/novuiu-konstitutciiu-tunisa-podderzhali-95-progolosovavshikh>

УДК 34

Кошман В.А.

кандидат юридических наук

**КИТАЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ НА ЗАРЕ СВОЕГО
ФОРМИРОВАНИЯ: ТАОСИ**

Аннотация. Таоси один из наиболее сложных и строго организованных древних центров Китая в III тыс. до н.э. В период существования он был одним из наиболее населенных центров реки Хуанхэ. Его значение лежит в области траекторий развития китайской государственности. Поэтому главные его черты рассматриваются в тезисах.

Annotation. Taosi is one of the most complicated and strictly organized ancient centers during III millennium BC in China. It was one of the most populous centers of Yellow river during its existence. Its significance lies in field of development trajectories of Chinese statehood. Its main attributes are reviewed in the theses.

Одной из задач истории государства и права является исследование становления института государства в прошлом. Прекрасным полем для подобного является Китай. Древность его государственности известна широкой публике и многие слышали о древних династиях Ся, Шан и Чжоу. Но практически неизведанным является период, который предшествовал им. Он имеет фундаментальное значение, так как ко времени, когда, по устоявшемуся мнению, можно говорить о появлении государственности – к периоду Шан-Инь, уже более тысячи лет существовали крупные центры, заложившие основы китайской цивилизации.

Одним из них является Таоси. Этот археологический памятник находится в провинции Шанси и существовал в период с 2300 по 1900 г до н.э. В период его максимального расцвета с 2100 по 2000 г. до н.э. его площадь, окруженная толстыми стенами толщиной более 40 метров, достигала около 280 га. Что важно - он был плотно заселен и обладал функциональным делением. Такой масштаб и ряд других фактов позволяют предположить о наличии высокостратифицированного общества, а ряд исследователей и вовсе его именуют столицей государства. Однако так ли это и достаточно ли для этого данных?

Прежде чем перейти к рассмотрению стоит откинуть в сторону все многочисленные попытки объяснить Таоси с позиции письменных источников середины и второй половины I тыс. до н.э. Они имеют проблему, так как такая глубокая древность к моменту составления источников была областью легенд и мифов, а многие центральные для власти ритуалы трансформировались и неоднократно меняли свой смысл [1]. Тем не менее, при ознакомлении с Таоси можно найти немало сходных черт в организации пространства с городами времен Чжоу.

Пространство поселения имело четкую схему, а место возведения, вероятно, было выбрано по религиозным канонам. Поздний центр Фанчен находился с другой стороны горы, что говорит о привязке к ней. Таоси в период с 2100 по 2000 г. до н.э. был выстроен по единой оси, кроме квартала высших элит. В пространственной структуре они были выделены с раннего периода. Здесь дома находились на землебитных платформах, а в части жизни простого населения обнаружены полуземлянки средней площадью около 25 кв.м. А самое крупное строение в элитном квартале достигало 280 кв.м. и было построено из кипариса. Деление между слоями общества еще более ярко выражено в существовании ограды места жительства высших элит, и удаленности наиболее бедных жилищ на 1 км от него [2, с.141]. Всего исследователи выделяют около четырех типов жилищ, которые имели четко определенные размеры и особенности своего строительства. Это позволяет предположить о существовании выделить такого же количества статусных групп населения

Отдельно выделялся ремесленный квартал, где не найдено следов повседневного быта. Он расположен рядом с местом проживания высших элит. Видимо, это отражает степень контроля элит и подчеркивает его особую значимость. Это тем более заметно, так как в результате широкомасштабной вспышки насилия в районе 2000 г. до н.э. эта черта исчезла, а застройка стала хаотичной.

Тем самым из пространственной организации поселения и жизни его обитателей мы можем понять, что в обществе существовало строгое деление между людьми. Еще одним аргументом к этому являются захоронения на кладбище, где в центре 4 га разместились наиболее статусные захоронения, а остальные были отдалены, хотя и на этой площади только найденных захоронений более 10000. В крупных захоронениях найдены уникальные для них украшения из нефрита, редкие вещи из дальних регионов.

Стоит отметить, что в литературе о Таоси ни разу не встречались упоминания находок оружия либо каких-то других специализированных орудий насилия. С одной стороны это объясняется крайне малым распространением в нем металлов (только отдельные находки вроде маленького колокольчика из бронзы), а с другой стороны, не представлены следы его применения, вроде тех же стрел, которые могли бы говорить об вторжении чужеземного войска. По сути, Таоси, предстает как крупный культовый центр, статус которого подчеркивался его особым местоположением и организацией пространства, которая произошла около 2100 г. до н.э.

Вокруг него известны многочисленные поселения того же периода, гораздо меньшего размера, хотя некоторые из них приближаются к 100 га. Но, к сожалению, на них не велись широкомасштабные раскопки, которые бы пролили свет на их взаимоотношения с Таоси. С конца IV тыс. до н.э. наметилась тенденция к увеличению количества поселений и плотности их расположения. Этому способствовали изменения климата [3]. Если сравнить имеющиеся данные по зооархеологическому исследованию одного из маленьких поселений, то нельзя судить о том, что оно имело характер специализированного производства [4]. В период Анян (1250-1100 г. до н.э.) же в деревнях становится заметно, что они ориентировались на производство для поставок в центр [5].

Характер власти наиболее ярко проявляется по результатам оценки событий около 2000 г. до н.э. Они разнятся, но больше доказательств в пользу версии внутреннего конфликта, чем внешнего противостояния: Таоси не перестал быть крупным центром, а его население не уменьшилось – изменилась его пространственная планировка, которая показывает его

изменение статуса как сакрального центра. Разрушения пришлись на культовые сооружения и место проживания высших элит, в то время как жилые кварталы не показывают следов насилия. Еще более ярким свидетельством является характер насилия – так в «дворцовом квартале», месте жительства высших элит, были найдены крупные человеческие захоронения со следами особых издевательств, к примеру, в одной яме были найдены исключительно женщины, которым отрубили конечности. А в «алтаре неба» был найден труп, прямо на месте совершения наблюдений, без следов сопротивления. Данное культовое сооружение, обнесенное стеной, выходившей за периметр города, было центральным святилищем, а сам убитый являлся, судя по всему, правителем, так как приспособление (гномон) для совершения небесных наблюдений найдено в одном из самых богатых захоронений. Сам характер насилия и его последствия показывают на целенаправленное уничтожение элит и десакрализацию. К примеру: «алтарь неба» был скрыт, а на его месте выкопали пруд. В условиях милитаризованной власти-подчинения, подобные действия отразились бы в следах борьбы, находках разбросанных скелетов и других следов вооруженного сопротивления. Тем более лицо высшего ранга бы не находилось за чертой города во время выполнения своих обязанностей. Вскоре рядом появляется другой центр Фанчен, однако не ясно, когда именно он появился и как именно связан с Таоси.

Это подтверждает, что Таоси был культовым центром, сама власть еще не носила строго институализированного характера, отсутствовал аппарат принуждения. Немногочисленные находки культуры Кенсинжуан II никак не подтверждают его захват Шимао, как доказывают некоторые китайские исследователи [6,7], а лишь подтверждают исследования костных останков, которые показывают, что в нем проживали выходцы из других регионов. Широкие торговые контакты с регионами долины Янцзы и Внутренней Монголии лишь подчеркивают широту меновых связей. Стоит отметить, что Таоси не являлся единственным крупным центром, а был одним из нескольких, которые располагались в долине Хуанхэ и на полуострове Шаньдун, которые были связаны постоянными меновыми связями, о чем свидетельствуют находки из других центров.

Список использованных источников:

1. Min LI, Libation ritual and the performance of kingship in early China // Journal of Anthropological Archaeology, Vol. 65, 2022, 101370, <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2021.101370>.
2. Nu He, Longshan Culture Issues: Taosi and Cosmology//Oxford Handbook of early China, Oxford University Press, 2020, New York.
3. Tuoyu Li, Duowen Mo, Tristram Kidder, Yifei Zhang, Haibin Wang, Yongqiu Wu, Holocene environmental change and its influence on the prehistoric culture evolution and the formation of the Taosi site in Linfen basin, Shanxi province, China // Quaternary International, Volume 349, 2014, p. 402-408, doi:10.1016/j.quaint.2014.07.054.
4. Brunson, K., He, N., and Dai, X. (2016) Sheep, Cattle, and Specialization: New Zooarchaeological Perspectives on the Taosi Longshan // Int. J. Osteoarchaeol., 26, p. 460– 475. doi: 10.1002/oa.2436.
5. Hou, Y, Campbell, R, Zhang, Y, Li, S. Animal use in a Shang Village: The Guandimiao zooarchaeological assemblage // Int J Osteoarchaeol. 2019; 29, p.335 – 345. doi:10.1002/oa.2745
6. Jaang, Li et al. 2018. «When peripheries were centres: a preliminary study of the Shimaо-centred polity in the loess highland, China». Antiquity 92 (364): 1008–1022. doi:10.15184/aqy.2018.31.
7. Yitzchak Jaffe, Roderick Campbell, and Gideon Shelach-Lavi, Shimaо and the Rise of States in China: Archaeology, Historiography, and Myth // Current Anthropology, 2022, 63:1, p.95-117.

УДК 340.15

Кошкин А.С.

ст. преподаватель кафедры истории и теории государства и права,

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

УНИФИКАЦИЯ ПРОФОРМ ЧАРТЕРОВ КАК СПОСОБ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФРАХТОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СЭВ

В статье проанализирована роль договоров фрахтования в осуществлении морских торговых перевозок стран-членов СЭВ. Выделены особенности их оптимизации, а также разработки и внедрения на рынке новых типовых форм чартеров. Отмечается положительная роль внедрения новых проформ чартеров на постоянной основе в рамках осуществления морских фрахтовых перевозок стран социалистического лагеря.

The article analyzes the role of charter contracts in the implementation of maritime trade transportation of the CMEA member countries. The features of their optimization, as well as the development and implementation of new standard forms of charters on the market, are highlighted. The positive role of the introduction of new form of charters on an ongoing basis in the framework of the implementation of sea freight traffic of the countries of the socialist camp is noted.

Ключевые слова: *Фрахтование, Совет экономической взаимопомощи, морские перевозки, чартер, проформа, торговое судоходство, координация.*

В рамках сотрудничества фрахтовых и судовладельческих организаций стран-членов СЭВ проводилась большая и полезная совместная работа по фиксации условий чартеров, коносаментов, по выработке новых проформ договоров морской перевозки и внедрению их на фрахтовом рынке. Разрабатывались также отдельные условия и статьи договоров перевозки, соответствующих интересам социалистических стран.

Начиная с 1956 года вопросы унификации чартеров периодически обсуждаются на ежегодных фрахтовых Совещаниях. Большая работа по сопоставлению условий фрахтования на совпадающих направлениях перевозок проводится координирующими организациями.

Одним из примеров плодотворного сотрудничества в этой области являлась разработка проформы чартера «Дженкон», одобренной всеми организациями на Совещании 1957 г. для фрахтовых сделок на перевозку внешнеторговых грузов стран-членов СЭВ судами этих стран. Наличие согласованной реформы чартера значительно упростило процесс заключения сделок между контрагентами социалистических стран [1, с. 147].

Большое практическое значение имела также рекомендованная фрахтовым Совещанием «оговорка о переуступке чартера» («фаблет клоуэ»), дающая право одной фрахтовой организации переуступить заключенный ей чартер другой заинтересованной организации. Эта оговорка обеспечивала большую маневренность со стороны организаций социалистических стран при работе на капиталистическом фрахтовом рынке, и, наряду с действующей системой координаторов, содействовала достижению наиболее выгодных условий для фрахтующих организаций [1, с. 154].

В течение 60-х годов фрахтовые организации стран-членов СЭВ провели большую работу по сопоставлению условий применяемых проформ чартеров, включая условия оплаты фрахта, действующие нормы и условия погрузки и выгрузки различных грузов в портах капиталистических стран, а также по разработке и внедрению на рынке новых типовых форм чартеров.

Так, получили распространение на мировом фрахтовом рынке «Полкон» - новая проформа чартера для перевозок эля из польских портов, «Советвуд» - новая проформа для перевозок экспортных пиломатериалов из советских портов, «Совкоул» – для перевозок угля из портов СССР.

С 1965 г. начал применяться новый чартер универсального характера «Ньювой» 1964 г., который является результатом совместной работы фрахтовых и судовладельческих организаций стран-членов СЭВ. Его проформа была разработана «Польфрагтом» с участием «Совфрахта» и согласована с фрахтовыми организациями других стран-членов СЭВ. Этот чартер должен был заменить устаревший «Дженкон» 1922 г. Внедрение чартера «Ньювой» в практику фрагтования было рекомендовано годовыми Сессиями представителей фрахтовых и судовладельческих организаций, состоявшимся в 1965 году в Будапеште и в 1966 году в Берлине. Чартер к тому времени уже получил признание на мировом рынке судовладельцев [2, с.232].

Внимание, уделяемое организации стран-членов СЭВ определяется большим многообразием форм этих договоров. Помимо отличий в базисных условиях сделок - нормы погрузки-выгрузки ставки демереджа и диспача. В разных чартерах различно трактуются пределы ответственности и другие вопросы правового характера.

Большое количество разнообразных чартеров и многообразие их условий не всегда было оправдано и в некоторой степени сказывалось на совместной работе организаций стран-членов СЭВ.

Так, к примеру, на фрахтовом рынке, ограничивалось применение условия «о переуступке чартера», что затрудняло работу координаторов из-за несопоставимости условий отдельных чартеров, осложняло определение разумных разрывов в ставках фрахта. Применение различных условий и чартеров на перевозку сходных по условиям транспортировки грузов на совпадающих направлениях осложняло обобщение опыта перевозок, претензионной и судебной-арбитражной практики, создавало затруднения для совместной разработки и внедрения условий и оговорок, отвечающих интересам стран-членов СЭВ [2, с.240].

Для дальнейшего улучшения фрахтовой и перевозочной документации по решению годового Сессии, состоявшегося в 1967 г. В Софии, был создан «Совет по документации заинтересованных фрахтовых и судовладельческих организаций стран-членов СЭВ», основной целью которого являлось оказание содействия фрахтовым организациям и пароходствам этих стран во взаимном сотрудничестве по вопросам морской транспортной документации и в отношении правовых проблем, связанных с перевозкой грузов морем [3, с.44].

В конце 1967 г. состоялось первое организационное заседание Совета, которое приняло положение о Совете и план работы на 1967-1968 гг.

Согласно положению в задачи Совета входили: разработка морской транспортной документации, совершенствование и унификация действующих транспортных документов, рассмотрение отдельных условий, и специальных оговорок, согласование одобренных документов с заинтересованными организациями, толкование отдельных условий и оговорок. Деятельность Совета подотчетна годовому Сессии представителей фрахтовых и судовладельческих организаций стран-членов СЭВ, а функции его секретариата выполняло Бюро координации фрагтования судов [4, с.22].

Таким образом, в середине 60-х годов были предприняты шаги к реформированию координации фрагтования социалистических стран, что позволило значительно

усовершенствовать систему фрахта стран-членов СЭВ. Это привело к развитию и утверждению проформ, оговорок и коносаментов, которые отвечали интересам стран социалистического лагеря на фрахтовом рынке. Создание Бюро координации фрахтования судов позволило на практике реализовывать оптимизированную перевозочную документацию.

Список использованных источников:

1. Основные принципы международного социалистического разделения труда, М.: Экономика, 1968. – С. 304.
2. Основные документы СЭВ. // Секретариат, М., 1967. – С. 488.
3. Протоколы заседаний Совета. // Секретариат, М., 1970. – С. 89.
4. О деятельности Бюро координации фрахтования судов. Бюллетень экономической информации СЭВ № 1 (22). // Секретариат, М., 1966.
5. Совещание представителей фрахтовых и судовладельческих организаций стран-членов СЭВ. Справочник «Международные экономические и научно-технические организации социалистических стран». // Экономика, М. 1970. - С. 34.

УДК 341.342

Лазуткин В.А.

аспирант,

Белорусский государственный университет,

Республика Беларусь, г.Минск

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье в аналитическом плане рассматриваются взаимодействие национального и международного права в контексте процесса регионализации. Исследуется формирование международного права как процесса различных взаимодействий, согласований, инфильтраций идей, норм, принципов, практического правоприменения в различных правовых системах. В условиях современного процесса регионализации, имеют место быть разнообразные подходы к вопросу сочетания национальных интересов и международных норм.

Abstract. The article analytically examines the interaction of national and international law in the context of the regionalization process. The formation of international law as a process of various interactions, agreements, infiltration of ideas, norms, principles, practical law enforcement in various legal systems is studied. In the conditions of the modern process of regionalization, there are various approaches to the issue of combining national interests and international norms.

Вопрос взаимодействия национального и международного права, является многогранным и к его решению подходят с различных теоретических позиций, в том числе в силу специальных внутренних норм законодательства. Решение этого вопроса во внутригосударственном (национальном) праве имеет определяющее значение, как и некоторые конституционные нормы, т.к. это определяет международно-правовую позицию государства, как субъекта международного права, в т.ч. и в области его международно-

правовых обязательств и, следовательно, позицию по отношению к данному субъекту со стороны других субъектов международного права.

Нормы, обычаи международного права создаются посредством процесса совместных действий государственных органов, которые, как правило, руководствуются в своей внешней и внутренней политике, национальными интересами. Формирование международного права – это сложный процесс взаимодействий, согласований политических и правовых идей, норм международных и национальных школ, правоприменения государственными органами, должностными лицами соответствующих актов. Для развития международного и национального права, вышеуказанные процессы характерны, в том числе для всех областей национального законодательства, уровень развития которого является одним из основных критериев при оценке уровня развития конкретного государства в целом. Данные нормы формируются, в результате борьбы, переговорных процессов, компромиссов, главным образом между государствами, их объединениями.

Для обеспечения единства, порядка международного сообщества правительства государств должны подчиняться установленному определенным способом порядку, который является и признан большинством государств социально и политически необходимым. Это касается как международной, так и внутригосударственной деятельности, в том числе законотворческой, если это касается международных отношений. Так, государства возлагают на себя юридические обязательства привести национальное законодательство, административную, судебную практику в соответствие с положениями заключенных ими международных договоров и иных ратифицированных источников международного права. Существует модель опосредованного применения международных норм, в которых источники международного права могут реально функционировать только через национальное право, в тех пределах, в которых оно соответствует национальному.

Некоторые государства включают источники международного права в состав национального права, наделяя их равной или более высокой юридической силой, чем внутреннее законодательство, либо провозглашают их прямое действие в рамках национальной правовой системы, т.е. наделяя указанные источники силой создавать права и обязанности не только для государства, но и непосредственно для национальных субъектов права. Наделение источников международного права возможностью прямого, непосредственного действия довольно длительный период воспринимается как способ надлежащего исполнения международных обязательств [1, с.24]. В пользу подобного отношения может быть приведен аргумент, что в условиях глобализации стирается граница между внутренней и внешней политикой государства, а, следовательно, должны уйти в прошлое и объективные границы международного права.

Проработанность и целесообразность многих международно-правовых источников вызывает обоснованные сомнения, что значительно снижает их эффективность и, как следствие, активность государств по правоприменению данных источников для регулирования внутренних правоотношений. Как и национальное законодательство, многие положения международных договоров не являются совершенными – нередко положения таких договоров более неоднозначны, чем внутригосударственное право.

В настоящее время, все чаще, становится затруднительным, в рамках международного нормативного акта достигнуть консенсуса, который был бы однозначным и постоянным, так как каждое государство, их объединения, имеют различные взгляды на демократию, идеологию и интересы социальных групп. Помимо подобных противоречий в сфере внутренней и внешней политики государств, необходимо преодолевать и различия правовой культуры и правосознания, что дает основания сравнить применение международного права внутри страны с переводом иностранного текста на национальный язык [2, с.110].

Правовые системы государств важный инструмент реализации международного права, и, наоборот, последнее создает им необходимые условия для нормального функционирования [3, с.391]. Критерий самой возможности непосредственного действия является понятием не

абсолютным, а скорее относительным. Государственные органы власти должны руководствоваться рациональностью, то есть применять нормы в зависимости от конкретной ситуации и интересов всех сторон.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в условиях современного процесса регионализации, отдельные государства, все чаще разрабатывают и применяют свой собственный инструментальный, процессуальный подходы зачастую независимо от принадлежности к определенным политическим союзам, объединениям, рассматривая различные доступные варианты с точки зрения национальных интересов. Также существуют разнообразные подходы к вопросу взаимодействия национального и международного права. Международные и национальные нормы права тесно взаимосвязаны и в реальной жизни не могут рассматриваться в изоляции друг от друга.

Список использованных источников:

1. Васілевіч, Р.А. Міжнародныя дагаворы у сістэме крыніц права Рэспублікі Беларусь / Р.А. Васілевіч. – Вес. Нац. Акад. Навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 1996. – № 3. – С. 23–28.
2. Лукашук, И.И. Конституции государств и международное право / И.И. Лукашук. – М.: Спарк, 1998. – 124 с.
3. Лукашук, И.И. Современное право международных договоров / И.И. Лукашук. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – Том I. – 672 с.

УДК 341

Аблякимова Н.И.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Аннотация. Вопросы правового регулирования миграционных процессов приобретают в современных условиях актуальное значение. Рост незаконной миграции на территории России увеличивается, что подтверждается статистическими данными. Последствия нелегальной миграции влияют на общественную безопасность, что негативно сказывается на развитии государства. На законодательном уровне регулируются вопросы правового обеспечения противодействия незаконной миграции, но в тоже время нуждаются в усовершенствовании и в восполнении пробелов.

Annotation. Migration processes are becoming relevant in the field of legal regulation, as the growth of illegal migration in Russia is increasing, which is confirmed by statistical data. The consequences of illegal migration affect State security, which negatively affects the development of the state. At the legislative level, issues of legal support for countering illegal migration are regulated, but at the same time they need to be improved and gaps filled.

Миграция населения, на данный момент, приобрела постоянный характер, который проявляется в переселении людей из одного государство в другое по различным причинам, например, политическим, эконмическим, социальным. Наравне с легальной миграцией не

редки случаи и нелегальной миграции, которая проявляется в незаконном перемещении на территорию другого государства с нарушением миграционного законодательства.

Стоит уделить внимание статистическим данным, которые указывают, что за 2021 год выявлено 716,7 тыс. административных правонарушений в сфере миграции. Самыми распространенными мерами принимаемыми сотрудниками в 2021 году являются административное выдворение за пределы РФ (34,9 тыс.), депортация (8,7 тыс.), вынесено представлений о не разрешении въезда в РФ (176,3 тыс.), начата процедура реадмиссии иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы РФ (361). [1] Предварительно расследовано за 2021 год 36 420 преступлений совершенных мигрантами, что превышает показатель за 2020 год на 5,9 % (34 400).

Одной из основных задач, сформулированных в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 6222 является противодействие незаконной миграции. Эффективность реализации данной задачи зависит главным образом от правового регулирования данной сферы.

Нормы ответственности, которые раскрываются в административном и уголовном законодательстве носят достаточно обширный характер, но рассматривая диспозиции статей можно установить некоторые пробелы в правовом регулировании: 1) отсутствие конкретного определения незаконной миграции и сопутствующих терминов, толкование которых не раскрывается «незаконный мигрант»; 2) в основном используются административно-правовые меры направленные на борьбу с незаконной миграцией, но как показывает практика, данные меры являются малоэффективными; 3) наказание в виде лишения свободы практически не применяется в судебной практике по отношению к незаконным мигрантам.

Достаточно часто на практике возникают проблемы исполнения миграционного законодательства. Наиболее часто проблемы возникают в вопросах подтверждения личности мигранта, в ситуации административного выдворения или депортации. Для того чтобы установить личность, в случае отсутствия или утраты у мигранта документов, удостоверяющих личность, направляется запрос консульским отделам стран, который зачастую рассматривается длительное время, в связи с чем возникает ряд проблем. Иностранцы помещаются в центр временного содержания иностранных граждан для временного содержания, в случае длительного получения ответа, суд может прийти к выводу о нецелесообразности содержания лица. Срок содержания оставляет не более 120 дней, по истечении данного срока иностранные граждане должны быть либо вывезены из страны, либо срок содержания продлевается. В конечном итоге, в случае неполучения ответа на запрос может истечь срок исполнительного производства, что повлечет прекращение правоотношений. Так, в основном проблемы сводятся к длительности исполнения запросов, проблемам при установлении личности, международном сотрудничестве, в правовом регулировании вопросов депортации и реадмиссии. Не исключением являются и вопросы техно-юридического характера. Наличие большого количества нормативных правовых актов ведомственного характера, отсылочных характер большинства из них, затрудняет восприятие и доступность норм миграционного законодательства. [2, с. 138]

В подтверждение вышесказанного, можно привести пример с реализацией норм Федерального закона Российской Федерации от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». В ч. 1 ст. 8 указанного закона определено, что правила и порядок осуществления миграционного учета устанавливаются Правительством Российской Федерации. Притом, что подзаконный акт, на который отсылает нас закон, вступил в действие лишь через полгода с момента действия закона о миграционном учете.

В научных статьях часто встречается мнение, что решением проблем правового обеспечения противодействия незаконной миграции, могло бы стать принятие единого кодифицированного нормативно-правового акта – миграционного кодекса РФ. Принятие

такого кодифицированного миграционного акта, по мнению отдельных ученых [3], будет способствовать решению следующих проблем: исключение правовых пробелов; упрощение правоприменительной практики, формирование общих положений, закрепляющих основные аспекты миграционной сферы.

На данный момент МВД России участвует в разработке комплексного федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства». Данный законопроект включает в себя следующие аспекты: новые функции ОВД РФ в сфере предотвращения незаконной миграции; введение новых институтов регулирования миграционных отношений; прохождение обязательной дактилоскопической идентификации всех граждан пересекающих государственную границу. Разработанные новации будут способствовать повышению эффективности мероприятий пресечения незаконной миграции и минимизации вовлечения мигрантов в противоправную деятельность.

Список использованных источников:

1. Миграционная ситуация в Российской Федерации за 2021 год: официальный сайт. – URL: <https://e-cis.info/cooperation/3823/99651/> (дата обращения: 13.10.2022). – Текст: электронный.
2. Зраева И.М., Лаптев В.И. Проблемы правового регулирования миграционных процессов в Российской Федерации // Вестник БГУ. – 2019. – №3 (41). – С. 136-141.
3. Константинов А.В., Дульнев М.В. Миграционный кодекс Российской Федерации как результат систематизации миграционного законодательства. // Вестник Московского университета МВД России.– 2019.– № .– С. 124-127.

УДК 34

Андрешина И. В., Мурдасилова М. Э.

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ СОВЕСТИ В ИСТОРИИ РОССИИ

Аннотация. В данной статье рассмотрено понятие свободы совести как фундаментального правового принципа. Исследована сущность данного явления в России в историческом аспекте. Выявлена связь между свободой совести, государством и церковью.

Annotation: This article examines the concept of freedom of conscience as a fundamental legal principle. The essence of this phenomenon in Russia in the historical aspect is investigated. The connection between freedom of conscience, the state and the church is revealed.

Рассматривая свободу совести с точки зрения правового понятия, становится возможным отметить два определенных момента, лежащих в основе:

– «свободу совести, являющуюся частью конституционного статуса личности» [3];

– «свободу совести в качестве правового института, включающего в себя законодательство о свободе совести и религиозных объединениях, а также конкретные правоотношения, которые возникают при реализации этих правовых норм» [3].

Наша работа акцентирует свое внимание на свободе вероисповедания как элемента свободы совести.

В общем и целом, определяя данное понятие, можно отметить, что под свободой совести понимается право личности и право человека и гражданина, главное в этом праве общеизвестное качество, например, они принадлежат физическому лицу, а не организации. Важно и то, что они часто осуществляются вне реальных правоотношений и возникают только при нарушении этого права.

В нашем мире, человечество с очень древних времен отстаивает свободу совести ведя при этом войну, а эта борьба в свою очередь включает следующие интересные моменты, такие как суды над Сократом, всевозможные религиозные войны, Реформация и подобное. Сама же история становления и развития понятия свободы совести по понятным причинам достаточно тесно переплетается именно с историей религии. Проблема вопроса о свободе совести заключается в мировоззрении человека, самосознании: он критически воспринимает и оценивает мир, подстраивает этот мир под свои цели и возможности, все, что он имеет создано именно человеком, а не послано свыше [2, с. 167].

Свобода совести — «это обеспечение в обществе таких демократических прав и свобод, которые гарантируют личности свободу по отношению к религии, возможность выбирать ту или иную форму вероисповедания или же придерживаться нерелигиозной системы ценностей, а также действовать в соответствии со своими убеждениями, но не в ущерб другим людям. Свобода совести тесно связана с такими понятиями как толерантность, терпимость, сотрудиничество» [1, с. 308].

Таким образом, предлагается рассмотреть историю свободы совести в России.

Приняв византийский вариант христианства, Русь долгое время оставалась под престижем языческих взглядов, которые в свою очередь были включены в православное учение. По аналогии с христианством была реализована идея подчинения церкви светским правителям. Появились свидетельства, что Александр Невский (1220-1263), Дмитрий Донской (1350- 1389) и другие князья вмешивались в дела церкви. В частности, они использовали ее для укрепления собственного авторитета и государственной независимости [4, с. 106].

К формированию государства на Руси привело движение к централизации власти, а также создание единой церковной структуры. Споры о различных толкованиях христианства порождали многочисленные ереси. Православная церковь не прекращала борьбу с многочисленными ересями, которые были поддержаны светскими правителями. Согласно историческим источникам информации, свое распространение стригольники получили в XIV веке на Новгородской земле, а уже в XV веке во в Пскове. Данные группы людей всячески отрицали и не воспринимали монашество и мирские заботы церкви. В это же время возникла ересь жидовствующих, получившая название по имени Схарии Жидовина.

Попытки православной церкви усилить свое влияние на государственную власть в XV — XVI веках были безуспешны. Укрепляя монархию, при Иване IV церковная централизация стала более сильной. Она взяла на себя функции защиты «правой веры», борьбы с еретиками и вольнодумцами в интересах государства».

Осуществление усиления монархии прикрывалось образованием антиклерикальных настроений [3]. Приоритет государственной власти над церковной и определение статуса православной церкви как государственной религии получили правовое закрепление в Соборном уложении 1649 г.

В царствование Петра I было установлено государственное устройство, патриаршество было упразднено, даже тайна согласия была нарушена интересами правительства. Борьба за свободу вероисповедания в России включала в себя и борьбу против монархии. Навязанная государством система церковного управления жестко ограничивала религиозную свободу

Православной церкви, отнимала свободу других конфессий и запрещала религиозное инакомыслие. В 1763 году независимые религиозные группы получили право на свободу вероисповедания, но это был акт продолжения политики государственного контроля над религиозными группами.

В XIX в. понимание свободы совести дополнилось. М.В. Петрашевский, указал на то, что «веротерпимость — это низшая ступень свободы вероисповедания, которая признает гражданскую равноправность членов всех вероисповеданий» [5, с. 48].

Свобода совести весьма актуальна для российского общества начала XX века, что наглядно доказывает ограниченность свобод граждан Российской империи.

По переписи 1897 г. на территории Российской империи проживало 125 млн человек, из них 71,3 млн (57,04%) православных, 9,2 млн (7,36%) католиков, 3 протестанта, 0 (2,4%) млн, мусульман 11,2 (8,96%) млн, буддисты 0,4 (0,32%) млн, иудеев 4,2 (3,36%) млн. [3]. Решить вопрос свободы совести в большинстве конфессиональных стран путем сохранения «больших и больших позиций» Православной Церкви невозможно. Право на свободу совести может быть реализовано только тогда, когда церковь отделена от государства, и политическая власть не может решиться действовать — это ослабит ее идеологическую основу. Из-за своей «симфонии» с государством церковь утратила свою духовную силу и влияние.

В Российской империи православная церковь входила в состав государственных институтов. Официально религия находится под властью православного вероисповедования: «Сохраняя черты канонического устройства и управления, русская Православная Церковь с формально-юридической точки зрения есть часть государственного строя, ведомство» [6, с. 4581].

Манифест 17 октября 1905 года провозгласил свободу союзов. После его издания началось активное создание политических партий, профессиональных и других общественных объединений. Возникло несколько десятков политических партий в программных документах которых упоминалось право на свободу совести.

Государство сделало важный шаг к свободе совести, приняв Закон Временного правительства о свободе совести 1917 года. Помимо возможности свободного перехода из одной веры в другую, этот указ распространялся и на людей, не принадлежащих ни к какой религии. Новый гражданско-правовой иск против граждан, не исповедовавших своей веры, теперь должны были осуществлять органы местного самоуправления.

«Введение начала государственности в Церковь противно смыслу Церкви: принципы государства — обособление, принцип Церкви — объединение. Насилие и принуждение в делах веры противны духу христианства. Церковь, в лоно которой можно войти, но выйти из состава которой воспрещается, атрофирует свою внутреннюю органическую силу. Обязательность исповедания господствующей религии влияет расслабляюще на общественную совесть. Свобода совести нужна для оздоровления совести на всех общественных ступенях» [3].

Поэтому можно сказать, что назначение церкви прежде всего религиозное, и поэтому, когда она берет на себя функцию публичной власти и становится частью политической системы, церковь не рассматривается обществом как религиозный институт и именно так религия теряет свою религиозную функцию, «расколдовывается».

Только в том случае, если будет право на свободу совести, церковь будет гражданской организацией, независимой от государственных институтов, связанной с сообществом религиозных узников и с их помощью сможет восстановить свой нравственный авторитет.

Список использованных источников:

1. Шиманская О.К. Свобода совести в России: история, генезис, современное состояние / О.К. Шиманская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. серия: право. – 2001. – №1. – С. 308-314.

2. Царенкова Е.А. Особенности свободы совести в современной России / Е.А. Царенкова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. серия: философия. социология. Право. – 2017. – №17 (266). – 167-174.

3. Курилов В.А. Проблемы права на свободу совести в Российской империи. Начало XX века / В.А. Курилов // Богословие, философия и культура сегодня. – 2019. – URL : <https://slovo-bogoslova.ru/nachalo/problemy-prava-na-svobodu-sovesti-v-ro/> (дата обращения: 29.10.2022).

4. Жданова Е. А. «Свобода совести» и «свобода вероисповедания»: понятие и содержание / Е. А. Жданова // Современные социально-экономические процессы: проблемы, закономерности, перспективы : сборник статей II Международной научно-практической конференции: в 2 частях, Пенза, 07 мая 2017 года. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. – С. 105-107.

5. Исмаилов А.Ш. Свобода совести в истории России / А.Ш. Исмаилов // Исламоведение. – 2010. – №3(5). – С. 47-59.

6. Салмин В.А. Конституционные основы защиты свободы совести и вероисповедания в Российской Федерации В.А. Салмин // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». – 2022. – №5. – С. 4572–4587.

УДК 343

Андруцкий А.Н.

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ЧАСТНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ И ОХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Аннотация: В настоящем исследовании выявлен один из проблемных аспектов государственного контроля деятельности частных охранных и детективных организаций, выдвинуто предложение по реформе действующего порядка контроля со стороны исполнительных органов государственной власти.

Abstract: In this study, one of the problematic aspects of state control over the activities of private security and detective organizations was identified, and a proposal was put forward to reform the current control procedure by the executive bodies of state power.

Геополитическое положение Российской Федерации диктует потребность в организации централизованной легальной системы безопасности, с привлечением всех возможных, как отраслевых государственных ресурсов, так и ресурсов частной отрасли. Так как реализация части конституционных гарантий осуществляется частными структурами, особую актуальность имеет вопрос государственного контроля за таким видом деятельности.

По данным статистики, к 2020 году на территории Российской Федерации зарегистрированы и действуют 615 индивидуальных предпринимателей и 63 юридических лиц, деятельность которых характеризуется как «деятельность по расследованию» [3].

Федеральная служба государственной статистики сообщает, что количество организаций и частных лиц постоянно увеличивается.

Согласно действующему законодательству, специфика частной детективной деятельности заключается в осуществлении сыскных мероприятий, и сопутствующей деятельности. Например, розыск вещей, лиц, законный запрос и сбор информации, в рамках предоставления детективных услуг. «Мероприятия по реализации охранной деятельности заключаются в услугах по защите жизни и здоровья физических и юридических лиц, обеспечению сохранности их имущества» [1].

На законодательном уровне закреплена обязанность лицензирования указанной деятельности и получения соответствующих разрешений. Например, разрешение на хранение и применение огнестрельного оружия. Контроль за соблюдением законодательства в этой сфере деятельности возложен на федеральный орган – Министерство внутренних дел Российской Федерации. Отдельные полномочия могут быть переданы в ведение других органов исполнительной власти. В частности, вопросы надлежащего лицензирования деятельности, и соответствия квалификации субъектов действующим требованиям. «Лицензии на осуществление частной охранной деятельности и детективной, сыскной деятельности (с 2017 года) предоставляются Федеральной службой войск национальной гвардии РФ или ее территориальным органом» [2].

Актом регулирования отношений по частному сыску и охране, является Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» от 11.03.1992 № 2487-1. Данный нормативный документ является основой для внутренних инструкций, контролирующих деятельность органов Министерства внутренних дел и других уполномоченных органов по реализации полномочий, относительно частного сыска и охранной деятельности. Контроль – управленческая функция уполномоченных органов или должностных лиц, «по наблюдению и проверке процесса исполнения, соблюдения субъектами права установленных законодательством предписаний, с целью пресечь их нарушения соответствующими организационно-правовыми средствами» [4, с. 141].

Статья 20 указанного Закона регулирует порядок проведения контрольных мероприятий. Главная цель контроля заключается в государственной гарантии законности и правопорядка, превентивных мероприятиях со стороны государства для обеспечения правопорядка в сфере частных детективных и охранных услуг. Контроль распространяется на различные элементы деятельности. Так, если частными детективными и охранными структурами требуется применение огнестрельного оружия, боеприпасов или иных специальных средств, то со стороны органов внутренних дел должны подлежать контролю правила хранения, использования, и правомерности ведения учета указанных средств. Кроме этого, в связи с тем, что «оружие и прочие средства ограничены в обороте, производится сверка и проверка соответствия используемых в сыскной и охранной деятельности объектов» [1]. Помимо названных мероприятий, полномочия контрольных федеральный органов исполнительной власти проводятся периодические плановые и внеплановые проверки сотрудников таких структур на пригодность. Следовательно, выдвигаются законные требования к квалификации и навыкам сотрудников, опыт применения огнестрельного оружия и специальных средств.

В результате проведения контроля сотрудниками органов внутренних дел выявляются неоднократные нарушения, такие как: «наличие в штате сотрудника, не прошедшего профессиональное обучение и не имеющего соответствующей квалификации, и удостоверения; нарушение правил хранения огнестрельного оружия, его утрата, необоснованное или незаконное его применение сотрудниками частных детективных и охранных структур» [1].

Первое нарушение одно из наиболее часто допускаемых на практике. Зачастую, руководители охранных организаций или индивидуальный предприниматель халатно подходят к вопросам приема на службу лиц с несоответствующим уровнем подготовки, не

получивших профессиональное образование для работы в качестве частных детективов или охранников. Причины различны, однако, полагаем, что наиболее вероятная: низкий уровень оплаты труда неквалифицированных лиц.

При выявлении такого вида нарушения лицензирующий орган имеет право приостановить действие выданной лицензии, при однократном нарушении, или принять решение о письменном предупреждении предпринимателя. «По решению суда лицензия может быть аннулирована» [2]. Однако, на практике такие возможности лицензирующего органа не оперативны, и могут привести к тому, что нарушение было выявлено, а виновные лица к ответственности привлечены не были и на момент вынесения решения о приостановлении деятельности и лишении лицензии, неквалифицированные сотрудники могут продолжать свою деятельность. Такие действия ставят под угрозу имущественное положение, здоровье или жизнь граждан, обращающихся за помощью к представителям частной охраны, или детективам. Таким образом, считаем возможным наделить сотрудников, контролирующих органов правом принимать меры немедленного реагирования к недобросовестным лицам. Указанное требует внесения изменений в действующее законодательство о контроле за деятельностью участников охранной и детективной деятельности.

Список использованных источников:

1. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации: закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385/ (дата обращения: 31.10.2022).
2. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 31.10.2022).
3. Федеральная служба государственной статистики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 31.10.2022).
4. Ишмаева Т. П., Ткаченко А. В. О некоторых проблемах контроля частной детективной и охранной деятельности органами внутренних дел// А. В. Ткаченко, Т. П. Ишмаева. - Правопорядок: история, теория, практика. – 2017.

УДК 347.83

Анциферова Э.Ю.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Республика Беларусь, г. Минск

УРОВЕНЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация: Статья посвящена анализу одного из элементов информационного суверенитета- информационной культуры гражданского общества. Предлагается выделение компонентов психологической направленности в структуре информационного суверенитета, а также создание Концепции развития информационной культуры населения.

Resume: The article is devoted to the analysis of one of the elements of informational sovereignty - the informational culture of civil society. It is proposed to single out the components of

a psychological orientation in the structure of information sovereignty, as well as to create a concept for the development of the information culture of the population.

Важнейшим компонентом психологической направленности, влияющим на состояние обеспеченности информационного суверенитета, является уровень информационной культуры гражданского общества. Информационная культура отражает достигнутые уровни организации информационных процессов и эффективности создания, сбора, хранения, обработки, представления и использования информации, обеспечивающих целостное видение мира, его моделирования, предвидения результатов решений, которые принимаются человеком [1, с. 119]. Согласно Кодексу Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. «одним из основных составляющих воспитания является гражданское и патриотическое воспитание, направленное на формирование у обучающихся активной гражданской позиции, патриотизма, правовой, политической и информационной культуры» [2]. Невозможно не согласиться с Е. А. Зорченко, согласно мнению которой «взаимодействие обучения и воспитания является аксиоматичным, поскольку обучение, преимущественно направленное на развитие информационно-познавательного сегмента культуры человека, в частности его знаний, практических умений и навыков, не может не поддерживаться одновременно осуществляемым процессом формирования духовно-нравственного, ценностного компонента личности» [3, с. 483]. Считаем, информационную культуру основным компонентом реализации информационного суверенитета, целью которой является способность обрабатывать, транслировать, оценивать и использовать информацию наиболее эффективным образом.

В свою очередь, информационная культура также состоит из компонентов. Основными составляющими информационной культуры по мнению В. И. Фомина [4, с. 69] являются информационная грамотность, информационная компетентность, информационный ценностно-смысловой компонент, информационная рефлексия, информационное культуротворчество.

Согласно мнению Н. К. Хомич, «информационная грамотность – это совокупность компетенций для получения, понимания, оценки, адаптации, генерирования, хранения и представления информации для анализа проблем и принятия решений» [5, с. 84]. Примером стремления государства повысить уровень информационно-медийной и цифровой грамотности всех слоев населения является Концепция развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года от 30 ноября 2021 № 683 [6]. Также в Плане действий по реализации стратегии сотрудничества государств – участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 года «намечен порядок сотрудничества в области формирования медийной и информационной грамотности» [7]. Считаем, без необходимого уровня информационной грамотности всех слоев населения невозможно их полномасштабное участие в информационном обществе. Таким образом, в Республике Беларусь назревает необходимость создания правовой основы для развития информационной грамотности населения и реализации программного комплекса мероприятий административного и маркетингового характера по повышению данного аспекта информационной культуры. Реализация закрепленных в правовом акте организационных мероприятий позволит сформировать прочный фундамент информационной культуры в Республике Беларусь, что, в свою очередь, будет способствовать обеспечению информационного суверенитета государства.

Вторым компонентом информационной культуры является информационная компетентность. По мнению О. Б. Зайцевой, «информационная компетентность – это сложное по своей структуре и содержанию индивидуально-психологическое образование, организованное на основании интеграции теоретических знаний и практических умений в сфере инновационных технологий и конкретного набора личностных качеств субъектов образования» [8, с. 6]. Таким образом, можно трактовать данную характеристику как

способность личности применять знания и приемы поиска, обработки, анализа, синтеза и трансляции информации на практике для реализации поставленной цели. Считаем, что компетентность, в том числе и информационная, формируется в процессе (системе) образования личности. Не обязательно получение профессионального образования в сфере информационных технологий, однако необходимо получение базовых навыков в данном направлении.

Третьей составляющей информационной культуры является информационный ценностно-смысловой компонент. Существует необходимость формирования осознания ценности информации и информатизации общества на ранних этапах развития личности. Полагаем, что владение, пользование и распространение необходимой информации является важнейшим условием развития свободной личности в быстроизменяющемся информационном обществе.

Следующим компонентом информационной культуры является информационная рефлексия. В. И. Фомин анализируя данную составляющую информационной культуры, указывает на «отслеживание человеком целей, процесса и результатов своей деятельности по присвоению информационной культуры, а также осознание тех внутренних изменений, которые в нём происходят, себя как изменяющейся личности, субъекта деятельности и отношений» [4, с. 71]. Считаем исследуемый компонент имеющим важное назначение, так как личность в результате совершения действия в информационном обществе должна иметь способность оценивать обоснованность и логичность данного действия, корректировать свои поведенческие шаблоны, преобразовывать скрытые умения в эффективные инструменты для развития.

Последним элементом информационной культуры является информационное культуротворчество. Так, в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. закреплено, что «формирование устойчивого иммунитета против деструктивных информационно-психологических воздействий на массовое общественное сознание, а в необходимых случаях – и противодействие им» [9]. Полагаем, под информационным культуротворчеством можно понимать этап вовлечения личности в создание нового в информационной сфере с целью развития и влияния на остальных участников процесса, своего рода креативная функция моделирования инновационного развития.

Таким образом, в Республике Беларусь существует необходимость создания Концепции развития информационной культуры населения и реализации программного комплекса мероприятий организационного характера по повышению уровня развития информационной культуры различных социальных слоев населения. Реализация данных мероприятий предоставит возможность формирования прочного фундамента информационной культуры в Республике Беларусь, что, в свою очередь, способствует обеспечению информационного суверенитета государства. Концепция информационной культуры позволит отнести информационную подготовку личности как решающий фактор в формировании информационного общества, что дает возможность обеспечить синтез и целостность иных элементов информационного суверенитета.

Список использованных источников:

1. Davenport, T. H. Saving IT's Soul: Human-Centered Information Management / Т. Н. Davenport // Harvard Business Review. – 1994. – № 72(2). – Р. 119–131.
2. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс], 13 янв. 2011 г., № 243-З : в ред. Закона от 14 января 2022 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология ПРОФ'2012 / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Зорченко, Е. А. Правовое воспитание как ценностный компонент образовательного процесса [Электронный ресурс] / Е. А. Зорченко // Правовая культура в

современном обществе : сборник научных статей / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. институт МВД, 2019. – С. 482–487.

4. Фомин, В. И. Информационная культура в подготовке современного специалиста / В. И. Фомин // Педагогика и психология, Филология и искусствоведение. – 1(3). – 2009. – 69–72.

5. Хомич, Н. К. Информационная грамотность как компонент информационной культуры студентов / Н. К. Хомич // Дидактика сетевого урока. – С. 81–85.

6. Концепция развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года от 30 ноября 2021 № 683 // КонсультантПлюс. / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.

7. План действий по реализации стратегии сотрудничества государств – участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 года [Электронный ресурс] : [утверждено Решением Совета глав правительств СНГ 28.10.2016 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

8. Зайцева, О. Б. Формирование информационной компетентности будущих учителей средствами инновационных технологий: автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / О. Б. Зайцева ; Армавир. – Брянск, 2002. – 19 с.

9. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета безопасности Республики Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.. – Минск, 2022.

УДК 340.12

Гришаева И.В.

Белорусский государственный университет, юридический факультет,

Республика Беларусь, г. Минск

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ФОРМА ПРАВА» И «ИСТОЧНИК ПРАВА»

Аннотация: Особенности понятий «форма права» и «источник права» связаны прежде всего с разными контекстами их употребления. В данной работе мы предпримем попытку вывести обозначенную сложность на новый уровень путем ее приведения к логическому заключению при помощи выявления соотношения между понятиями «формы права» и «источника права».

Annotation: Features of the concepts of the form of law and the source of law are associated primarily with different contexts of their use. In this article, we will attempt to bring the indicated complexity to a new level by bringing it to a logical conclusion by identifying the relationship between the concepts of the form of law and the source of law.

А.Ф. Шебанов отмечает, что содержание вопроса об источниках права имеет две стороны: с одной стороны, это вопрос о силе, создающей право, с другой – вопрос о силе, придающей праву общеобязательный характер [1, с. 32].

Под «источником права» в смысле силы, создающей право, наряду с божественными источниками возникновения права, «вечными и абсолютными идеями», «национальным духом и традициями народа» многие юристы в ряде случаев имеют в виду духовный мир

человека, природу человеческого разума, психику человека, некую высшую норму справедливости. Так, по мнению Гегеля, сила и источник права – в нем самом. Почвой права является вообще духовное, и его ближайшим местом и исходным пунктом – воля, которая свободна, так что свобода составляет ее субстанцию и определение, и система права есть царство реализованной свободы, мир духа, порожденный им самим, как некая вторая природа [1, с. 33].

Что касается силы, придающей праву общеобязательный характер, то буржуазная правовая наука досоветского периода видела ее обычно не в государственной власти, принуждающей членов общества выполнить свои правовые предписания, а в самой «форме права», которая якобы сама по себе обязывает всех к подчинению. Значение формы в праве гиперболизировалось; она совершенно отрывалась от сущности права; ей придавалось самостоятельное и самодовлеющее значение по отношению к содержанию права [1, с. 33].

По мнению белорусского профессора Н.В. Сильченко, источник права – «форма из системы внешних форм права» [2, с. 23]. Согласно его концепции право включает в себя не только нормы права, но и иные правила поведения, которые могут и не являться нормой права, однако входят в правовое поле, то есть в понятие права. При этом, мы разделяем также позицию ученого Н.В. Сильченко в том, что «содержание права выражается в форме и неотделимо от нее» [2, с. 23].

Н.В. Сильченко пишет, что по своему объему содержание права равно форме права. Нет таких элементов содержания права, которые бы не были сформированы, как не существует таких форм права, в которых бы не закреплялись и не выражались те или иные содержательные стороны права. Следовательно, под формой права можно понимать любые проявления содержания права [2, с. 23]. Отметим, что ученый Н.В. Сильченко не ставит знак равенства между формой права и содержанием права, как и не ставит знака равенства между содержанием права и источником права, что еще более важно. Он пишет: «одной из форм права являются источники права и, следовательно, между данными понятиями даже в количественном отношении нельзя ставить знак равенства» [2, с. 23].

Таким образом, в своей концепции понимания «формы права» и «источника права» Н.В. Сильченко пользуется дедуктивным методом познания и исходит от общего к частному, то есть от «формы права» к «источнику права». Иные же исследователи, утверждающие, что «форма права» является официальной формой выражения «источника права», также исходят из дедуктивного метода, только с той разницей, что они отталкиваются в своих рассуждениях не от «формы права», а от «источника права». Получается, если совместить оба подхода, выйдет такая структура: форма права – источник права – форма права (официальная). Это упорядочение двух концепций, подходов к возникновению обоих понятий (что из чего следует). Таким образом, выходит, что «форма права» как общая категория, объединяющая все определенные правовые элементы, в том числе и источники права, имеет одну из форм внешнего выражения (по Н.В. Сильченко) – источник права [2, с. 23]. Далее в ходе государственного закрепления источник права приобретает также определенную форму (официальную форму выражения) – здесь в игру вступает иная, противоположная концепция к пониманию двух понятий. В данном случае каждый исследователь использовал разные элементы, от которых он отталкивался, и соответственно пришел к различным выводам. Мы же предприняли попытку объединения указанных подходов и привели их к единству. При этом, на наш взгляд, «источник права» и «форма права» – это не две противоположные стороны монеты. Их нельзя противопоставлять. Одно без другого не может существовать. «Форма права» и «источник права» есть единое целое. Единство, внутри которого нет борьбы. Как могут бороться источник права и форма права, если они существовать друг без друга не могут?! Именно в этом проявляется их сущность.

Если проводить концепцию, разработанную Н.В. Сильченко, сквозь призму вышеописанной концепции А.Ф. Шебанова, то выходит, что в структуре (форма права – источник права – форма права (официальная)) «источник права», на наш взгляд, будет

относиться к «источнику права» в смысле силы, создающей право; а «форма права» (официальная) – к силе, придающей праву общеобязательный характер.

А.Ф. Шебанов отмечал, что критиком двойственности понимания «источника права» выступал еще Л. Петражицкий. Имеется в виду понимание источника права в материальном и формальном смысле. Однако ученый не смог все же дать полной научно обоснованной критики. А.Ф. Шебанов обосновывает его неудачу в этом вопросе тем, что «его возражения против применения понятия «источника права» были построены на ошибочной методологической основе. Будучи субъективным идеалистом, Л. Петражицкий отрицал реальное существование права и рассматривал его лишь как явление человеческой психики. Поэтому для него закон-форма и закон-содержание права представлялись тождественными явлениями, лишенными социального характера. Как правильно отметил С.Ф. Кечекьян, рассуждения Л. Петражицкого и других буржуазных авторов, последовавших за ним, покоятся «на смешении нормы права как таковой с фактом, обусловившим ее юридическую силу, на смешении содержания нормы с ее формой» [1, с. 34]. В данном случае, представляется, что под «формой права» подразумевается «форма права» как официальное выражение «источника права». Разумеется, в таком понимании «источник права» не тождественен официальной «форме права». Так, например, Решение Конституционного Суда (официальная форма права) состоит из трех частей (трех источников права): нормативный правовой акт, судебная практика и правовая доктрины (правовая позиция суда). Таким образом, официальная форма права есть всего лишь официальное наименование. Конечно же, мы по официальной форме (закон, указ, Решение Конституционного суда и т.д.) понимаем, какова примерно структура того или иного нормативного правового акта, поэтому можно говорить, что официальная форма права и источник права взаимосвязаны, но не тождественны. Может ли существовать официальная форма права без источника права? Конечно же, нет. Но может ли источник права существовать без официальной формы? Отвечаем – да. В этом смысле официальная форма права и источник права не являются тождественными. Когда речь идет об «источнике права» (когда источник права есть внешняя форма права) и «форме права» (как то, из чего выделяется источник права), мы говорим о том, что они не могут существовать друг без друга, хотя и не являются тождественными друг другу.

Список использованных источников:

1. Шебанов, А.Ф. Форма советского права / А.Ф.Шебанов. – М.: Юридическая литература, 1968. – 215 с.
2. Сильченко, Н.В. Вопросы понимания сущности, содержания и формы права / Н.В. Сильченко // Юстиция Беларусь. – Минск, 2021. - №12. – С. 21 – 25.

УДК 342.7.

Губарева Д.А

Крымский Филиал Краснодарского университета МВД России,

г. Симферополь

УПРОЩЕННАЯ ПРОЦЕДУРА ПРИНЯТИЯ В ГРАЖДАНСТВО: РЕШЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ ИЛИ УГРОЗА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация: в работе поднимается проблема определения статуса упрощенной процедуры приобретения гражданства. Автором анализируется данная процедура с позиции

решения демографической проблемы для России, а так же угрозы общественной безопасности.

Annotation: the article raises the problem of determining the status of a simplified procedure for acquiring citizenship. The author analyzes this procedure from the standpoint of solving the demographic problem for Russia, as well as the threat to public safety.

Одним из важнейших конституционно-правовых институтов, который связывает личность и государство в политико-правовом аспекте, является гражданство. Институт гражданства является неотъемлемой частью любого современного демократического государства.

Общественные отношения в государстве интенсивно изменяются, институт гражданства так же подвержен таким изменениям. Основными факторами, влияющими на процессы изменения данного института считаем: социально-экономические; политические; а также миграционные процессы.

Демографические проблемы напрямую связаны со всеми указанными факторами. Сегодня эта проблема для России приобретает угрожающие масштабы. Среди причин можно назвать первую мировую войну 1914-1918, гражданскую войну 1917-1922, голод 1932-1933, массовые репрессии, продолжающиеся с 1930 по 1953, Великая отечественная война 1941-1945, послевоенный голод, экономические проблемы 90-х годов, падение уровня рождаемости, смертность от болезней. Россия по площади самое большое государство, соответственно для удержания ее территории нужен народ (люди). Что же делать, если количество людей не растет, а падает? Одним из способов решения этой проблемы ученые видят в упрощении процедуры гражданства для мигрантов.

Согласно ФЗ №62 статье 14 часть 2 пункт «к», одно из оснований получения гражданства в упрощённом порядке - это наличие матери или отца, которые являются гражданами РФ. В данном случае обязательна постоянная прописка на территории РФ, так как если имеется только временная – это не будет основанием для получения российского гражданства в упрощенном порядке.

Ссылаясь на тот же нормативно правовой акт, статья 14, часть 2, пункт «а», ещё одним основанием для получения гражданства РФ в упрощенном порядке является рождение в СССР, в случае постоянного проживания на территории распавшихся советских республик.

Также согласно статье 8 того же нормативно правового акта, получение в упрощенном порядке гражданства РФ по браку. То есть, в случае брака иностранного гражданина (гражданки) с гражданином (гражданкой) РФ можно воспользоваться возможностью получить российское гражданство в упрощенном порядке и в меньшие сроки. В данном случае гражданство в упрощенном порядке не может быть предоставлено: если пара является сожителями и не состоит в браке; если муж и жена прожили в браке менее трех лет; брак официально не зарегистрирован; у российского гражданина отсутствует регистрация по месту жительства в РФ.

При учете изменений в 2020 году, стоит отметить еще несколько оснований для получения гражданства РФ в упрощенном порядке: при наличии совместного ребенка; при знании русского языка; прошедший обучение в России и имеющий определенный стаж в работе в России; высококвалифицированный специалист определенной области (перечень утвержден).

Таким образом, процедура приобретения гражданства России в упрощённом порядке детально выписана действующим законодательством. Количество иностранцев, получивших российское гражданство в 2021 году, превысило 656 тысяч человек. Такие данные привел первый замминистра внутренних дел РФ Александр Горовой. По его словам, численность принятых в гражданство лиц увеличилась с 498 тысяч человек в 2019 году до 656 тысяч в 2020 году [1].

Однако у этой медали есть и другая сторона. Все ли люди - иностранцы, получившие статус гражданина РФ смогут стать истинными патриотами своей Родины, воспитать детей –

последователей идей нашего государства? Безусловно, и среди граждан России по рождению не все оказались патриотами, события последнего времени являются ярким примером тому, но этот пример не подпадает под тему нашего исследования, здесь явно иная ответственность. Это сигнал о внутреннем функциональном сбое системы. Другой вопрос о том, как покажет себя иностранец, ставший гражданином России в будущем?

Важное место в решении поднятых вопросов, по нашему мнению, занимает адаптация мигрантов на территории России. Они поэтапно должны получать возможность приобщения к России и народу ее населяющую. Следует согласиться с позицией В.Ю. Ледневой [2] о том, что низкое качество адаптации мигрантов надо рассматривать как фактор усиления деструктивного потенциала миграционных процессов. На территориях массового пребывания / проживания неадаптированных мигрантов, как правило, формируется конфликтогенная среда. Это происходит потому, что неадаптированный мигрант вызывает большее недовольство со стороны местного населения, чем мигрант адаптированный.

Безусловно, поднятая нами проблема не может быть решена быстро и скорее всего увеличение численности населения для России стратегически важная задача и поэтому упрощенную процедуру приобретения гражданства скорее следует рассматривать в контексте решения демографической проблемы, но забывать том, что «мы в ответе за тех, кого приручили» не стоит.

Список использованных источников:

1. МВД: В 2021 году рекордное количество иностранцев получили гражданство РФ – [Электронный ресурс] Режим доступа - URL: <https://rg.ru/2021/10/11/mvd-v-2021-godu-rekordnoe-kolichestvo-inostrancev-poluchili-grazhdanstvo-rf.html> (дата обращения: 26.10.2022)
2. Леденёва, В. Ю. Государственное и муниципальное регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов в современной России : монография / В. Ю. Леденёва, Л. А. Кононов. – Москва : РУДН, 2021. – 296 с

УДК 342.11

Елькина А.С.

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СОВРЕМЕННОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в данной статье поднимается вопрос о роли и значении внедрения информационных технологий в судебную систему. Рассматривается проблема риска сокращения рабочих мест, в связи с утерей актуальности использования человеческого труда в судах, а также представлено логическое обоснование проанализированной сложившейся ситуации.

Abstract: this article raises the question of the role and significance of the introduction of information technology in the judicial system. The problem of the risk of job cuts is considered, due

to the loss of relevance of the use of human labor in the courts, and a rationale for the analyzed situation is presented.

Развитию современной судебной системы Российской Федерации неустанно сопутствуют процессы технологизации и роботизации, характерные для всех сфер жизнедеятельности общества в наше время.

Согласно положениям Указа Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», можно прийти к выводу, что в ближайшем будущем ожидается снижение нагрузки на сотрудников судебной системы, благодаря нововведенным компьютерным технологиям. Так, например, к «полномочиям» искусственного интеллекта будет отведена консультация граждан, ведение цифрового протоколирования хода судебных заседаний, определение специализации судей по категориям дел и распределение дел между судьями соответствующих судебных составов, администрирование выдачи цифровых исполнительных листов и последующее отслеживание их юридической судьбы и т.п. [1, с. 84]

Следующим этап цифровизации, по мнению А.В. Лаптева, будет являться применение искусственного интеллекта при: определении категории и юридических свойств сделки (форма, дата, подлинность электронной подписи); проверке расчета исковых требований (размера договорной неустойки, реального ущерба или упущенной выгоды); определении пропуска срока исковой давности и срока на обращение в суд; предложении о примирении сторон (варианты мировых соглашений или перспективы использования медиативных процедур) и т.п. [2].

Бесспорно, это будет в значительной степени способствовать повышению уровня осуществления правосудия, так как появится возможность уделять большее количество рабочего времени именно рассмотрению дела. Таким образом, исследование материалов дела, процесс выбора применения норм материального и процессуального права при принятии судебного решения станет более тщательным.

В связи с популяризацией внедрения роботизированной техники, встает вопрос о том, сможет ли указанный процесс полностью заменить труд человека? Исходя из смысла оснополагающих норм процессуального законодательства, суд оценивает доказательства исходя из своего внутреннего убеждения, основанного на всестороннем исследовании материалов дела, что, невозможно, в том числе, без применения норм морали и этики, присущих исключительно живому человеку [3, с. 17]. Более того, по смыслу ч. 2 ст. 61 УК РФ, перечень смягчающих наказание обстоятельств, не является исчерпывающим. Тем самым, судья по своему внутреннему убеждению, основанного на вышеуказанных критериях, вправе придавать ст. 61 УК РФ расширительное толкование. Логично предположить, что искусственный интеллект в ближайшем будущем еще не будет способен совершать данные действия, оперируя при этом нормами закона, морали и этики по причине того, что богатый жизненный опыт [4], который необходим для отправления правосудия, невозможно передать искусственному интеллекту на современном этапе развития информационных технологий.

Таким образом, мы склонны поддерживать позицию, согласно которой искусственный интеллект не будет способен полностью заменить человеческих сотрудников.

Приводя еще один довод в пользу нашей позиции, отметим, что даже исследователи, занимающиеся внедрением инноваций в третейский суды, которые, по своей сути, являются альтернативным способом классического судебного разбирательства, а значит более «свободными» в организации своей деятельности, приходят к выводу о том, что машина-арбитр (робот) не может заменить человека-арбитра, так как не обладает некоторыми характерными для человека чертами, такими как эмоции, эмпатия, возможность объяснить свое решение, возможность понимать свидетелей и экспертов, имеющими большое значение при осуществлении арбитрами своих функций [5].

Подводя итоги вышесказанному, можно прийти к выводу о том, что процесс технологизации уже стал неотъемлемой характеристикой судебной системы в РФ. Безусловно, внедрение искусственного интеллекта не только будет способствовать повышению эффективности осуществления правосудия [6, с. 151], но и сможет обеспечить охрану и защиту персональных данных. При этом нельзя и переоценивать возможности искусственного интеллекта, так как роботизированная техника не обладает целым рядом качеств, присущих человеку.

Список использованных источников:

1. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2. 2019. С. 79–102.
2. Каса Ильда Новеллы в формировании третейского суда: может ли робот заменить человека-арбитра? // Евразийская адвокатура. 2018. №2 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novelly-v-formirovanii-treteyskogo-suda-mozhet-li-robot-zamenit-cheloveka-arbitra> (дата обращения: 18.10.2022).
3. Шаруева Н.В. Судейская этика как элемент профессиональной культуры судьи // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2(31). С. 16-19.
4. Маркеев Александр Иванович, Цукерблат Дмитрий Миронович СООТНОШЕНИЕ ПРАВА И МОРАЛИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СУДЬИ // Евразийская адвокатура. 2020. №5 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-prava-i-morali-v-deyatelnosti-sovremennogo-sudyi> (дата обращения: 18.10.2022).
5. Лаптев В.А. Искусственный интеллект в суде: как он будет работать. Основные этапы технологизации судебного процесса // Право.Ru. – URL: <https://pravo.ru/opinion/232129/> (дата обращения 18.10.2022).
6. Морхат, П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: монография. — М.: Буки Веди, 2017. — 258 с.

УДК 342

Ким В.С.

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА

Аннотация: в статье исследуется проблематика соотношения таких понятий, как «судебная практика» и «судебный прецедент», анализируется их взаимосвязь, какими общими и отличительными признаками они обладают. Приводится аргументация в силу решения вопроса о факте признания судебного прецедента и судебной практики, как источника права. В статье проводится анализ как общих, так и отличительных признаков данных терминов,

приводится вывод о том, как соотносятся понятия судебного прецедента и судебной практики.

Abstract: The article explores the problems of correlation between such concepts as "judicial practice" and "judicial precedent", analyzes their relationship, what common and distinctive features they have. The argumentation is given in force of the decision of the question about the fact of recognition of judicial precedent and judicial practice as a source of law. The article analyzes both common and distinctive features of these terms, and concludes how the concepts of judicial precedent and judicial practice are related.

Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что на сегодняшний день до сих пор не сложилось однозначного понимания о взаимосвязи понятий судебного прецедента и судебной практики. Как можно наблюдать, в последнее время, а именно в юридической науке, изучение сущности судебного прецедента и судебной практики привлекает многих ученых, как в России, так и в зарубежных странах. Это вызвано тем, что на сегодняшний день при употреблении данных понятий имеется значительная неопределенность. Ряд авторов не проводят никаких разграничений между этими определениями, и отождествляют их, в то время, как другие выдвигают точку зрения о том, что «судебный прецедент» и «судебная практика» являются самостоятельными формами права. Таким образом, складывается проблема, каков единый подход к пониманию судебного прецедента и судебной практики, и каким образом они соотносятся.

Для того, чтобы разобраться в данной дилемме, рассмотрим каждое из понятий, а также мнение научных деятелей.

Судебный прецедент - это судебное решение, принимаемое по конкретному делу, обладающее императивным характером и применяемое в качестве источника права при рассмотрении аналогичных дел [10, с. 27].

Как правило, судебный прецедент является одним из основных источников права в англо-саксонской системе права. Обязательным для судов является не все решение или приговор, а только «сердцевина» дела, суть правовой позиции судьи, на основе которой выносится решение. Это, как называют специалисты по англосаксонской правовой системе, «ratio decidendi». Из прецедента постепенно могут складываться и нормы законов [2, с. 309]. Рене Давид в своей книге «Основные правовые системы современности» дал следующее определение судебного прецедента: «Судебный прецедент -- это решение по конкретному делу, являющееся обязательным для судов той же или низшей инстанции при решении аналогичных дел, либо служащее примерным образцом толкования закона, не имеющим обязательной силы» [3, с. 301]. Однако, если в странах «общего права» все достаточно однозначно, то в рамках континентального права возникает двойственное понимание. В России отношение к судебному прецеденту, как к источнику права менялось во все исторические периоды. Изначально, в дореволюционные времена, большинство ученых поддерживали точку зрения о том, что судебный прецедент является формой права, но лишь вспомогательной. После же революции, научные деятели и вовсе отрицали признание судебного прецедента, как источника права, объясняя это тем что социалистическое государство не знает, такой формы права, так как это приводит к подрыву законодательной власти и ее основ. Судебные органы осуществляли правосудие, лишь в рамках правоприменения, но никак не правотворчества. И только в постсоветский период некоторые авторы отходят от данного понимания, и тем самым склоняются к признанию судебного прецедента, как одной из форм права. Со временем развития, в государстве все более утвердилась данная точка зрения, по причине того, что нормативно-правовые акты, которые являются основным источником права стран романо-германской семьи, не могут охватить целый объем состава конкретного судебного дела. Таким образом, в настоящее время сформировались две противоположные точки зрения. Учеными, признающими судебный прецедент в качестве источника права, являются: С. Н. Братусь, А. Б. Венгер, А. Г. Гаджиев,

В. М. Жуйков, В. Д. Зорькин, А. А. Иванов, Т. Н. Нешатаева, В. Ф. Яковлев и др., по мнению других ученых: В. А. Канашевский, К. И. Комиссаров, О. Е. Кутафин, В. О. Лучин, В. С. Нерсесянц, С. В. Поленина и др. [4, с. 40]. В поддержку судебного прецедента существует мнение том, что нормы права, запрещающие судам принимать нормативные правовые акты, отсутствуют [5, с. 4-14]. По мнению П. А. Гука «судебный прецедент — это «решение, принятое высшим судебным органом по конкретному делу, которое считается обязательным для других судов при рассмотрении аналогичных дел» [6, с. 41]. Е. Г. Лукьянова считает, что «судебный прецедент является решением по конкретному делу, которое содержит положения, обязательные для разрешения аналогичных дел в будущем, и признается источником (формой) права доктриной и практикой стран англосаксонской правовой системы» [7, с.52]. Противники же признания судебного прецедента, как источника права, полагают, что деятельность суда не является нормотворческой, и поэтому, решения судов высших инстанций по конкретным делам нельзя рассматривать, как «судебный прецедент». Так, авторы В. С. Нерсесянц, О. Е. Кутафин оценивают судебные решения Конституционного Суда РФ, как нормы правоприменительного характера [12, с.33]. Б. Страшуна рассуждает о том, что решения Конституционного Суда, не являются прецедентами, потому что подобные дела разрешать никакой другой суд не компетентен [3, с. 295]. И для самого Конституционного Суда его собственные решения вряд ли можно считать прецедентами, поскольку аналогичные дела Судом повторно не рассматриваются, хотя в определениях об отказе принять дело к рассмотрению соответствующие правовые позиции иногда повторяются и разъясняются дополнительно [8, с. 34]. Так же и В. Ю. Соловьева считает, что суды применяют право, толкуя его в своих решениях [9, с. 15]. Таким образом, вопрос о судебном прецеденте получил двойное значение.

Диапазон аспектов относительно понятия судебной практики, не столько широк, в отличие от судебного прецедента. Судебная практика- способ применения правовых норм, в следствие которого появляется устойчивое положение, конкретизирующее определенную правовую норму. Статьей 126 Конституции РФ закреплено, что Верховный Суд РФ, будучи высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции, осуществляет судебный надзор за их деятельностью и "дает разъяснения по вопросам судебной практики". Аналогичное положение закреплено в ст. 127 Конституции России и в отношении Высшего Арбитражного Суда РФ, который, являясь высшим судебным органом по разрешению экономических и иных споров, рассматриваемых арбитражными судами, осуществляет надзор за их деятельностью и дает разъяснения по вопросам судебной практики [1]. Данные судебные органы толкуют правовые нормы, но не предписывают обязательного исполнения их нижестоящими инстанциями. Таким образом, законодательно полномочия по выполнению функций судебной практики уже закрепленными за данными судебными органами. Как правило, такое понимание судебной практики присуще тем государствам, в которых в качестве источника права не признается судебный прецедент [10, с.72]. Исходя из истории развития норм права, можно говорить о том, что судебная практика не устанавливает первоначальные нормы, а, наоборот, основываясь на них должна конкретизировать юридические нормы в самом процессе их толкования. Так, исходя из ст. 120 Конституции РФ, нельзя сказать о том, что судебная практика является формой права, это бы внесло противоречие [1]. Однако, в научной литературе все же имеются доводы о том, что из-за пробелов в законодательстве, судебная практика, будучи источником права, могла бы устранить данную проблему. Так, Бабаев В.К. считает, что судебная практика послужила бы богатым сборником информации для правотворчества.

Таким образом, проанализировав каждый из терминов, можно увидеть многие схожие признаки между ними. Именно поэтому многие авторы отождествляют данные понятия. К общим чертам судебной практики и судебного прецедента можно отнести: их нормативно-правовой характер; оба определения порождают возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей; служат примером или же условием для разрешения

одинаковых споров; императивность, выражающаяся в принятии судами законного и обоснованного решения. Но несмотря на это, существуют определенные концепции, по которым, собственно, их можно отличить. Судебный прецедент является неким методом, с помощью которого судебные инстанции реализуют свои полномочия. Это определенное решение вышестоящей судебной инстанции, содержащее в себе свод норм, которые регулируют блок отношений, ранее не рассмотренных, т.е. устраняет пробелы в законодательстве. Обычно, он распространяется на те дела, в основе которых лежит аналогичный принцип, и тем самым, данный судебный прецедент становится обязательным при рассмотрении аналогичных дел.

Судебная практика служит способом применения и разъяснения нормативно правовых актов судебными инстанциями. Она включает в себя совокупность практик иных судов различных инстанций по любым вопросам на протяжении многих лет, которые базируются на определенной законодательной норме, и носит лишь рекомендательный характер для нижестоящих судебных инстанций. Так, в Российской Федерации обычно под судебной практикой подразумевают Постановления Пленума Верховного Суда РФ, Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Апелляционные определения и др.

Следующим образом, в результате анализа научных исследований можно заключить вывод о том, что «судебный прецедент» и «судебная практика» являются близкими понятиями, однако, приводить их в единое целое нельзя, поскольку они являются самостоятельными категориями, по-разному влияя на правовую систему в государстве.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Гарант URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 29.09.2022).
2. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. - М.: 1999
3. Нестерова, Н. В. «Быть или не быть» судебному прецеденту источником Российского права // Молодой ученый. — 2013. — № 8 (55). — URL: <https://moluch.ru/archive/55/7560/> (дата обращения: 28.09.2022).
4. Гук П.А. Судебный прецедент: теория и практика. - М.: 2009
5. Кучин М. В. Нормотворческая деятельность органов судебной власти в Российской Федерации и судебный прецедент // Право и политика. - 2000. - №5
6. Лукьянова Е. Г. Глобализация и правовая система России (основные направления развития). - М.: 2006
7. Б.Н. Топорнин Судебная практика как источник права. - М.: ИГП РАН, 1997
8. Соловьев В.Ю. Судебная практика в российской правовой системе. - М.: Автореф. Дис, 2003
9. Алексеев С.С. Общая теория государства и права. - М.: Юридическая литература, 1982
10. Сипулин С.В. Судебный прецедент как источник права: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.01. - Краснодар, 2008.
11. Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной природе судебных актов) // Судебная практика как источник права. - М.: Изд-во ИГиП РАН, 1997. - С. 34-41.
12. Кутафин О.Е. Ответы на вопросы РЮЖ // Российский юридический журнал. - 2008. - №6.

УДК 340

Янченко В.Д. , Алимова Н.А.*Институт «Таврическая академия»**ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,**г. Симферополь***СУДЕБНИК ИВАНА IV, СУДЕБНИК 1550 ГОДА – ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ
СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ РОССИИ**

Аннотация: В 1547 году, после венчания на царство перед Иваном IV, грозным, появилась довольно важная задача – закрепить созданные с начала его правления нормативно правовые акты в единый свод законов, который стал бы основным и обязательным для всей страны. В 1549 году был созван Земский собор, на котором и начались обсуждения, направленные на проектировку подобного свода. В 1550 году появляется судебник Ивана IV – сборник законов периода сословной монархии Руси и один из основных памятников законодательства. Но какое же значение имел судебник 1550 года для современного права и правовой системы России?

Ключевые слова: Судебник Ивана IV, Судебник 1550 года, право, правовая система, Русь, Россия

Для того, чтобы разобраться в проблематике данной научной работы, нам необходимо рассмотреть Судебник 1550 года, как памятник права. В 1549 году на первом Земском соборе при участии Боярской думы был принят сборник законов, получивший название Судебника Ивана IV, или Судебника 1550 года.

Судебник Ивана IV – это первый систематизированный памятник права, который на последующее столетие определял правовую систему Руси. Свод законов 1550 года был впервые опубликован в 1768 году. Судебник 1550 года содержал в себе 100 статей, который, в последующем, делились на 2 части. Первая часть – «О порядке суда», эта часть закрепляла тот же порядок суда, что и Судебник 1497 года. Судебная система по Судебнику Ивана IV Грозного состояла из суда Боярского, суда государя, наместничьего, волостельского и суда святительского. Вторая же часть – «Узаконение по частному гражданскому праву». В этой части закреплялись нормативно правовые акты, регулирующие такие общественные отношения, как: о купле, продаже, наследию, найму, выходе крестьян и т.д. Источниками Судебника Ивана IV были: Судебник 1497 года, изданные нормативно правовые акты с 1497 г. по 1550 г., судебная практика, продукт деятельности государственных органов и царской власти. В особенности Судебника 1550 года можно выделить то, что нормы носили, в основном, казуальный характер, а норм процессуального права было больше, чем норм материального права. Судебник также имел и деления на отрасли права, среди которых выделяют:

1. Нормы о судеустройстве
2. Нормы уголовного права
3. Нормы процессуального права
4. Нормы гражданского права

Создание Судебника 1550 года стал довольно важным этапом в истории нашей страны, ведь данный сборник законов во многом повлиял на дальнейшее развитие правовой системы в целом. Так он впервые начал систематизацию законов, отразил тенденции укрепления государственной власти, закрепления сословного-феодалного разделения общества. И одно из основных значений Судебника для развития правовой системы нашей страны стало то, что

он лег в основу дальнейших сборников нормативно-правовых актов. Так Судебник Ивана IV нашел свое отражение в таком своде законов, как Соборное уложение.

Но какое же значение имел Судебник 1550 года для правовой системы в современной России? Для этого нужно провести сравнительный анализ между правовыми системами периода Ивана Грозного и современной России.

Так, к примеру, один из видов санкций, которое применяется к лицу, совершившему преступление в Российской Федерации, - это тюремное заключение [1]. Данный вид наказания взял свое начало из судебного Ивана IV Грозного. До этого момента на Руси уже заключали людей под стражу в темницы князей, но как самостоятельный и официальный вид наказания он был введен лишь в 1550 году и сохраняется по сей день. Данное положение нашло отражение в статье 44 «Виды наказания» Уголовного кодекса. Помимо этого, в отличие от предшествующего законодательства, Судебник 1550 года данной мерой начал использовать новые функции юридической ответственности [2]. Если до этого преимущественно назначением наказания была карательная функция, то с появлением тюремного заключения на передний план уже выходит превентивная и воспитательная функция. Так положения Судебника Ивана Грозного были призваны убрать из государства «Лихих людей», то есть преступников.

Еще одной особенностью Судебника 1550 года, отразившейся в современной правовой системе Российской Федерации – это статья 26 Судебника, в которой было описано, что наказание должно было назначаться в зависимости от величины причиненного вреда общественным отношениям «А за увечье указывай! крестьянину, посмотри по увечью и по бесчестию; и всем указывати за увечье, посмотри по человеку и по увечью» [4]. Данное положение нашло свое отражение в уголовном кодексе Российской Федерации в статье № 6 «Принцип справедливости».

Также в судебнике Ивана IV Грозного впервые появляется понятие мошенничества, которое определялось, как хищение путем обмана [3]. Данное понятие четко отграничивалось от существующего ранее преступления – татьбы. Данное явление находит свое отражение в статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Но изменения законодательства в Судебнике 1550 года, которые нашли свое отражение в современной правовой системе России, коснулись не только уголовной отрасли права, но и гражданской. Так при покупке лошадей в г. Москве и Московском уезде необходимо было клеймить лошадей, заносить в специальные книги, которые находились у пятенщиков, и уплачивать специальную пошлину. Если же покупка и мена происходила в иных городах и волостях, то нужно было записывать лошадей в книгу наместников и волостей, и далее уплачивать им пошлину. Данное положение находит свое прямое отражение в Федеральном законе «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 283-ФЗ

Подводя итоги данной работы. Можно выявить то, что Судебник 1550 года играл важнейшую роль для становления правовой системы нашего государства. Положения, закрепленные в Судебнике Ивана IV Грозного, находят отражение в самых разных отраслях права современной России и Федеральных законах. Анализ проведенной работы позволяет нам сделать вывод об многовековой актуальности некоторых нормативно-правовых актов, закрепленных в данном судебнике, ведь даже почти через 500 лет, законы из Судебника 1550 года находят свое прямое отражение в современном праве Российской Федерации.

Список использованных источников:

1. Артемьев А.Г. Тюрма и кормилица Женщины на каторге и в колонии: со времен Ивана Грозного до «перестройки»: [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/09/27/gulag/>

2. Вениосов, А. В. История государства и права зарубежных стран: краткий курс : учебное пособие : [16+] / А. В. Вениосов. – Минск : ТетраСистемс, 2012. – 175 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=111912> (дата обращения: 30.10.2022). – Библиогр. в кн. – ISBN 978-985-536-291-4. – Текст : электронный.
3. Кораблин К. К. ЭВОЛЮЦИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В СУДЕБНИКЕ 1550 ГОДА: [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-nakazaniya-v-vide-tyuremnogo-zaklyucheniya-v-sudebnike-1550-goda#> (Дата обращения: 30.10.2022)
4. Рубаник В.Е. Развитие права. Судебник 1550 г. Уставная книга Разбойного приказа 1555-1556 гг. Судебник 1589 г.»: [Электронный ресурс]. URL: https://studme.org/98262/pravo/razvitie_prava_sudebnik_1550_ustavnaya_kniga_razboynogo_prika_1555-1556_sudebnik_1589
5. Сидоренко Э.Л. самозащита личности в уголовном праве: [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/86a/86ac16fb359eded38adbc8de4944094d.doc>
6. Общая теория права «Судебник 1550 г.» [Электронный ресурс]. URL: <https://isfic.info/rossto/gospra20.htm>

УДК 347.72

Шинкарук Д.А.

Белорусский государственный экономический университет

Республика Беларусь, г. Минск

ДЕФИНИЦИЯ «ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ В АСПЕКТЕ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: В статье рассмотрены такие правовые категории, как предпринимательство, предпринимательская деятельность и деятельность самозанятых лиц в аспекте норм гражданского законодательства. На основе научных трудов белорусских ученых автор проводит разграничение дефиниции «Предпринимательская деятельность» от смежных понятий. По результатам исследования автор вносит предложения по совершенствованию законодательства.

Annotation: The article deals with such legal categories, as entrepreneurship, entrepreneurial activity and activity of self-employed persons. The author makes a distinction of the definition «entrepreneurial activity» from related concepts based on the works of Belarusian scientists. As a result of the research the author makes proposals for improving the legislation.

Одним из ключевых принципов рыночной экономики является экономическая свобода. Данный принцип закреплен в ч. ст. 13 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция), в соответствии с которой государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности [1]. Вторым, логически связанным с указанным принципом рыночной экономики, является принцип свободы предпринимательской деятельности. В силу ч. 3 указанной нами статьи Конституции государство гарантирует всем реальные возможности свободного использования

способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [1].

В связи с провозглашением Республикой Беларусь независимости в 1991 году был принят Закон Республики Беларусь от 28 мая 1991 г. № 813-ХІІ «О предпринимательстве в Республике Беларусь» (далее – Закон). В соответствии со ст. 1 данного Закона предпринимательством признавалась самостоятельная, инициативная деятельность граждан, направленная на получение прибыли или личного дохода и осуществляемую от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность или от имени и под имущественную ответственность юридического лица (предприятия) [2, с. 54–55]. Отметим, что названный Закон утратил силу в связи с принятием в 1998 году Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК).

Согласно ст. 1 ГК предпринимательская деятельность представляет собой самостоятельную деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления [3]. Таким образом мы пришли к выводу о том, что белорусский законодатель пошел по пути отождествления вышеупомянутых понятий.

Мы поддерживаем позицию Н.Л. Бондаренко, М.С. Бондаренко и Ю.Г. Конаневича в том, что предпринимательство и предпринимательская деятельность не равнозначны [2, с. 61]. Это обусловлено целевой направленностью такой деятельности. Согласно ГК, предпринимательская деятельность предполагает лишь получение прибыли, а не прочего социального эффекта. Считаем, что следует поддержать тезис вышеупомянутых авторов что формулировка понятия «Предпринимательская деятельность», указанного в ст. 1 ГК является неудачной, поскольку, во-первых, некорректно определен субъектный состав предпринимательской деятельности, которую могут осуществлять организации без статуса юридического лица, к примеру простые товарищества, а во-вторых, предпринимательская деятельность предполагает не только получение прибыли, но и другого социального эффекта. В качестве примера приведем получение акций в рамках акционерной деятельности того или иного хозяйственного общества [2, с. 62].

В то же время ч. 4 п. 1 ст. 1 ГК содержит весьма обширный перечень деятельности, которая не относится к предпринимательской. Таким образом существует предпринимательская и так называемая «непредпринимательская» деятельность. К последней можно отнести, например, адвокатскую деятельность, деятельность третейских судей и медиаторов, репетиторство и т.д. Кроме того, несомненный научный и практический интерес вызывает деятельность лиц, занимающихся хозяйственной деятельностью без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Речь идет о таком субъекте хозяйствования, как самозанятые лица. Важно отметить, что легального определения понятия «Самозанятые лица» в белорусском законодательстве не существует. Такая ситуация порождает правовой вакуум и, как следствие, создает проблемы в правовом применении. Нам представляется наиболее полным определение данного понятия, предложенного профессором Н.Л. Бондаренко. Согласно данному определению самозанятыми являются *физические лица, не относящиеся к категории индивидуальных предпринимателей, осуществляющих в установленном законодательством порядке хозяйственно-трудовую деятельность, являющуюся объектом налогообложения и (или) приносящую доход творческую деятельность* [4, с. 26].

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) Предпринимательство и предпринимательская деятельность являются не равнозначными понятиями, поскольку преследует разные цели, о которых мы говорили выше. В гражданском законодательстве отсутствует понятие «Самозанятые лица», что, как нам представляется, образует правовой пробел и приводит к проблемам правоприменения. В

настоящее время нормативное закрепление правового статуса самозанятых лиц является одним из актуальных вопросов, стоящих перед современной доктриной хозяйственного права. Таким образом предлагаем внести в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З «О занятости населения Республики Беларусь» определение самозанятых лиц, предложенное Н.Л. Бондаренко.

2) Ввести в ст. 1 ГК понятие «Предпринимательство» в следующей редакции: *«Предпринимательство – самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли или личного дохода от пользования имуществом, продажи вещей, а также от выполнения работ или оказания услуг».*

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Беларусь: [Электронный ресурс] с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Бондаренко Н. Л. Правовой режим социального предпринимательства / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, М. С. Бондаренко // Юстиция Беларуси. – 2022. – № 8. – С. 54 – 62.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноябр. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июл. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. Бондаренко Н. Л. Правовой статус самозанятых лиц / Н. Л. Бондаренко // Юстиция Беларуси. – 2021. – № 7. – С. 23 – 27.

УДК 346

Кожар Е. В.

старший преподаватель кафедры «Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет,

Республика Беларусь, г. Минск

ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНО-АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ 1557 ГОДА В ВКЛ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы реформирования системы землепользования в Великом Княжестве Литовском в XVI в. Дается анализ Уставы на волоки 1557 г., которая вводила новый порядок землепользования и повинностного обложения крестьян. Характеризуется правовое положение различных групп крестьян.

Referenses: The article deals with the issues of reforming the system of land ownership and land use in the Grand Duchy of Lithuania in the XVI century. The analysis of the «Statute for portages» of 1557, which introduced a new order of land use and taxation of peasants. The legal status of various groups of peasants is described.

В конце XV – начале XVI в. в Великом Княжестве Литовском возникла необходимость реформирования сельского хозяйства. Это было вызвано рядом внешних и внутренних

причин, к которым относились развитие торговли с Европой, повышение стоимости сельскохозяйственной продукции на европейских рынках, нехватка денег в государственной казне, увеличение расходов государства на защиту границ, низкий уровень доходности государственных дворов, отсутствие единства в исполнении повинностей и налогообложении населения.

Изначально аграрная политика великокняжеского правительства представляла собой в основном предоставление льгот и различных привилегий феодалам и была достаточно пассивна. Однако многочисленные дарения земель феодалам за военную службу и наличие льгот только ослабляли государственную казну. Поэтому к началу XVI в. правительство Сигизмунда I начало предпринимать активные попытки регулирования аграрной политики государства.

Первыми такими попытками повышения доходности государственных дворов, было принятие Устава 1514 г. и Устава 1529 г. Однако, их принятие не привело к достижению поставленных целей, так как они фактически не вводили новых форм землепользования, а только письменно закрепляли «старину». Не достижение целей повышения доходности хозяйских дворов, привело к необходимости изменения аграрной политики в целом, и проведения полномасштабной земельно-аграрной реформы.

В 40-х – нач. 50-х гг. XVI в. реформирование на своих землях провела великая княгиня литовская Бона Сфорца. Ее мероприятия были направлены на учет, принадлежавших ей земель; введение волок, как единицы повинностного обложения и взимания феодальной ренты; введение единых норм повинностного и налогового обложения крестьян, которое зависело от количества и качества земли, которой владел крестьянин; проверку прав на землю и искоренение незаконного владения земельными наделами. Данные мероприятия привели к повышению доходности на землях Боны Сфорцы, что несомненно повлияло на ее сына великого князя литовского Жигимонта Августа, который осуществил полномасштабную реформу на всех великокняжеских землях.

Основным документом, регулирующим проведение земельно-аграрной реформы в Великом Княжестве Литовском, стала «Устава на волоки», принятая 1 апреля 1557 г. Этот документ коренным образом изменял аграрные, земельные, социальные и экономические отношения на великокняжеских землях.

Устава 1557 г. вводила волоку, как единицу измерения земли и единицу налогообложения. Волока ровнялась 33 моргам (21,36 га). Вся великокняжеская земля должна была быть перемеряна и роздана крестьянам в пользование. Таким образом ликвидировалась череполосица и вводилось единообразие в землепользовании.

Устава вводила дифференциальную ренту за землю в зависимости от ее качества. Волоки делились на тяглые и осадные. Крестьяне осажённые на тяглых волоках должны были отбывать 98 дней барщины, вносить гвалты, стаии и выходить на толоку. Кроме этого они платили чинш за добрый грунт 21 грош, за средний – 12 грошей, за подлый – 8 грошей, за вельми подлый – 6 грошей [2, с. 13-14].

За осадные волоки, кроме вышеназванного чинша, полагалось платить по 30 грошей осады, выходить на 12 толок или платить за них 12 грошей, вносить гвалт бочкой ржи или 10 грошами, вносить дякло курами, яйцами, овсом, сеном и др. Кроме этого крестьяне должны были выполнять и иные повинности (подводную, мостовую, сторожевую).

Четких требований к размеру крестьянского участка устава не предъявляла. Крестьяне имели право брать как одну волоку, так и меньший или больший надел. Для великокняжеского правительства было важно только то, чтоб крестьянин мог выплачивать установленные платежи и выполнять повинности.

Ст. 29 «Уставы на волоки» 1557 г. предусматривала, что «кметь и вся его маетьность наша есть» [2, с. 32]. Это означало, что вся земля признавалась собственностью великого князя и крестьяне окончательно лишались права собственности на землю, теряя возможность купли-продажи земли, ее залога и совершения иных сделок по распоряжению землей. Таким

образом, крестьяне, переставая быть собственниками земли, не были заинтересованы в повышении производительности труда, увеличении своего хозяйства и роста доходности.

Нововведением «Уставы на волоки» стало появление нового разряда крестьян – крестьян-огородников. Данную группу составляла бывшая челядь невольная. Огородникам давалось по 3 морга земли, с которых они отбывали тяглую повинность в размере одного дня в неделю и шесть дней в течение лета на жатве или прополке. Крестьяне-огородники находились в самом тяжелом положении, так как на одну волоку приходилось 9-10 семей, и соответственно с волоки выполнялось 9-10 дней барщины, в то время как тяглые крестьяне с волоки выполняли только 2 дня барщины в неделю [2, с. 20].

Также устава выделяла крестьян-слуг (бояре-путные, конюхи, седельные, стрельцы и т.д.), которым давалось по 2 волоки и ремесленников, получавших по волоке земли. Эти крестьяне освобождались от тяглой службы и от обязанности давать подвод. В случае если эти крестьяне несли свои службы, то их волоки освобождались от каких-либо выплат. Если же они были свободны от служб, они выплачивали голый чинш.

Таким образом, «Устава на волоки» вводила новую систему землепользования, разделяя крестьян на тяглых, осадных, огородников и крестьян-слуг. Для каждой группы крестьян вводилась единообразная система повинностного и налогового обложения. Вводилась новая единица налогообложения – волока. При этом крестьяне окончательно лишались права собственности на землю, что вело к незаинтересованности в повышении производительности труда. «Устава на волоки» носила прогрессивный характер, изменив старые формы землепользования и положив начало реформированию всего сельского хозяйства, по примеру которого многие светские и духовные феодалы также провели реформирование своих хозяйств.

Список использованных источников:

1. Устава на волоки и дополняющие ее документы шестой книги Литовских публичных дел Метрики Литовской : (извлечено из XXX-го тома Русской Исторической Библиотеки) / издание Императорской Археографической Комиссии. – Юрьев : Типография К. Маттисена, 1913. – 62 с.
2. Юхо, И. А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. / И. А. Юхо. – Мінск: Изд-во БГУ, 1978. – 144 с.

УДК 34

Коробчук А. И.

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

ПРОБЛЕМА ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В ЗАКОННОДАТЕЛЬНОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: В данной статье рассматривается проблематика реализации понятия законности как основа государства и гражданско-правового общества, а так же место

законности в современных общественных реалиях. В том числе общественная основа законности в виде культуры.

Ключевые слова: законность, гражданско-правовое общество, государство, право, управление, общественно-политический режим, практическое применение, правопорядок.

Annotation: This article examines the problems of the implementation of the concept of legality as the basis of the state and civil society, as well as the place of legality in modern social realities.

Keywords: legality, civil society, state, law, management, socio-political regime, practical application, law and order

Суть любого права является законность, ведь не зря законность является общеправовым принципом, также она составляет основу для реализации любой правовой доктрины и существования права как такового и последующего построения правового государства. Законность – требование неукоснительного строгого и полного осуществления предписаний правовых законов и основанных на них юридических актов. [1, с. 40]. Законность понимаемая её как метод государственного руководства обществом, законность предполагает, что свои функции государство осуществляет исключительно правовыми средствами – путем принятия нормативных актов и обеспечения их неукоснительной реализации. А поскольку правовое регулирование распространяется на различные сферы общественной жизни, необходима достаточная полнота ее регламентации. При этом государство не только формально закрепляет правовые нормы, но и обеспечивает (политическими, организационными, правовыми средствами) их реализацию и защиту прав.

Законность как режим политически-общественной жизни, не является устоявшимся и определённым порядком общественных отношений. Законность выступает необходимостью. Она выражается в системе объективных требований, которые предъявляются всем без исключения участникам общественной жизни, которая в свою очередь регулируется правом.[2, с. 129]. Оно должно соответствовать следующим требованиям: Верховенство закона; Равенство всех перед законом; Неукоснительное соблюдение (исполнение) правовых актов всеми субъектами права; Обеспечение неукоснительной реализации прав и свобод; Надлежащее правильное и эффективное применение права; Последовательная борьба с правонарушениями; Недопустимость произвола в деятельности должностных лиц. Исполнение этих требований зависит от догматики государства и идеологии. Нет чёткой представленной трактовки, как нерушимого регламента. Приходится выводить его опосредованно во взаимосвязи ст. 15, 1, 2 и др. Конституции РФ. Вместе с тем провозглашение Российской Федерации правовым демократическим государством обязывало включить в число конституционных принципов современного государства законность, которая гарантирует необходимую правовую безопасность в обществе.

Конечно можно сказать, что законность должна на что-то опираться, кроме законодательства. Основная опора законности это культура. На основе культуры у гражданина и самого государства как общественного объединения, ценность законности должна выражаться не в обеспечении формальной законности, а в достижении ею тождественности с мировоззрением гражданина.[3, с. 225]

Законность в современном обществе неразрывно связана с правопорядком. Правопорядок – это основанное на принципах права и законности своевременное, стабильное, системное, точное и полное упорядочение общественных отношений. Можно говорить о том, что правовой порядок – это законность в действии, реализованная законность.

Правопорядок и законность можно аналогично соотнести как материальное и процессуальное право. Однако некая отдалённость от мировосприятия гражданина самого понятия законности не позволяет правопорядку сформироваться достаточно, что бы реализовать весь потенциал законности и его стойкость, соответственно нестабильность правопорядка, не может позволить всем требованиям законности, которые были изложены

выше, быть взаимосвязанными и взаимодействовать, а значит не может быть гарантией гражданина на понятную и современную правовую систему.

Это порождает в жизни государства и общества огромное число несправедливости в отношении распределения блага интересов. Что делает государственное управление не эффективным и мало легитимным в глазах гражданина.

К сожалению, в современной российской практике подзаконные акты нередко подменяют или заменяют содержание законов, что ухудшает состояние законности и является показателем правопорядка. Построение демократического правового государства в России требует унифицированного понимания законности и реального его обеспечения и установление в обществе стабильного правопорядка.

Отражённые проблемные места в законности решаемы. И одним из важных шагов в решении этих проблем является желание увидеть и признать их. И уже в дальнейшем добиваться, чтобы законодательство неуклонно исполнялось всеми. А как следствием станет невозможным в нашем государстве любые формы произвола, своеволия, вседозволенности. Потому что законность всегда включала в себя две стороны: наличие качественных, полноценных законов и их реальное претворение в жизнь.

Список использованных источников:

1. Афанасьев, В.И. Обеспечение законности: вопросы теории и практики : (По материалам органов внутренних дел) : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.01 / Академия МВД. - Москва, 1993. - 40 с. — Текст : Электронный— URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000061644> (дата обращения: 26.10.2022).

2. Чомаев, А. А. Обеспечение законности на современном этапе / А. А. Чомаев. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 26 (212). — С. 128-130. — URL: <https://moluch.ru/archive/212/51889/> (дата обращения: 31.10.2022)

3. Цамаев, Р. Р. Законность в обществе / Р. Р. Цамаев. — Текст : непосредственный // молодой ученый. — 2017. — № 3 (137). — С. 475-478. — URL: <https://moluch.ru/archive/137/38502/> (дата обращения: 31.10.2022).

4. Гусенко, В. Э. Взаимосвязь правосознания и правовой культуры в рамках правовой социализации / В. Э. Гусенко. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 20 (258). — С. 303-305. — URL: <https://moluch.ru/archive/258/59279/> (дата обращения: 31.10.2022).

УДК 342

Майдан В.В. , Мурадасилова М.Э.

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

СТАНОВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ: ИХ ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: в данной работе рассмотрена сущность и актуальная проблематика становления независимых государств, с точки зрения ретроспективного аспекта и

современности. Исследована имеющаяся практика, а также определена дифференциация понятий «суверенитет» и «независимость».

Ключевые слова: государство, независимость, суверенитет, становление, международное признание.

Annotation: *this paper examines the essence and actual problems of the formation of independent states, from the point of view of the retrospective aspect and modernity. The existing practice is investigated, and the differentiation of the concepts of "sovereignty" and "independence" is determined.*

Процесс возникновения и развития любого независимого государства всегда проходит через множество становленческих этапов, претерпевает большое количество правовых и экономических реформаций – оставляет за собой неизгладимый след в истории. Анализируя указанные категории, ученые нередко ставят вопрос о том, какие же именно критерии свидетельствуют о суверенности того или иного государственного образования. Наличие постоянно проживающего населения и территории? Признание государства международным сообществом? Либо же наличие собственной структуры власти и государственного строя априори выступает основанием для наделения его статусом независимого [1, с. 1]?

Исследование поставленных вопросов, безусловно, представляет интерес как с теоретической, так и с практической точек зрения. Более того, многочисленные дискуссии на данную тематику среди правоприменителей порождает современная геополитическая ситуация - стремительно эволюционируют новые форматы государственных образований вследствие признания автономий из независимых государств, а также внутригосударственных конфликтов, что, в свою очередь, и обуславливает актуальность проведенного исследования.

В классической интерпретации положений теории государства и права, суверенное государство - государство, имеющее чётко определённую территорию, на которой оно осуществляет внутренний и внешний суверенитет, имеет постоянное население, правительство, полномочия и способность вступать в международные отношения с другими суверенными государствами [2]. Из этого следует, что категории «суверенитет» и «независимость» нельзя признать полностью тождественными, хоть они и находятся в тесной связи между собой.

Как отмечает в своих исследованиях А.А. Анохина: «Независимость» является самостоятельным компонентом конструкции «суверенитет». Государство независимо и свободно постольку, поскольку реализует суверенную волю своего народа. Когда же государство служит интересам других народов, его независимость и суверенитет вызывают сомнения» [3, с. 332].

Так, становление и развитие такого государства как, например, Российская Федерация (далее - РФ) берет начало еще в самой древности. Обладая всеми признаками суверенного государства, Россия, фактически, стала независимой с момента принятия в 12.06.1990 году I Съездом народных депутатов РСФСР Декларации о государственном суверенитете РСФСР. Данный акт в дальнейшем послужил «фундаментом» основного закона РФ, принятого 12.12.1993 года [4]. Буквально будучи первооткрывателем феномена парада суверенитетов в 1990-1991 годах, Россия призвала к отказу от социалистических начал управления и командной экономики [5, с. 22], что в дальнейшем послужило поводом для наделения статуса независимости не только РФ, но и целого ряда других стран, принявших участие в политической акции [6, с. 31]. Помимо признания России субъектами международных правоотношений, государство также обладает собственной территорией, постоянно проживающим населением, собственной структурой органов государственной власти и местного самоуправления, что также подтверждает ее статус независимости.

Таким образом, имеются основания предполагать, что независимым выступает только то государство, которое обладает всеми выше перечисленными признаками.

Рассмотрим иной случай становления государственности на примере непризнанной Республики Абхазии. Как известно, грузино-абхазский конфликт 1992-1993 гг., окончившийся поражением Грузии, привел к появлению возможности провозглашения себя независимым государством Республикой Абхазия, что юридически было закреплено в Конституции последней от 26 ноября 1994 года.

По нашему мнению, затяжной конфликт стал результатом неспособности сторон в условиях демонтажа советской системы и этнической мобилизации институционализировать государственно-правовые отношения [7]. Таким образом, можно выделить следующие предпосылки грузино-абхазской войны:

- 1.) распад СССР как «охранного», «сдерживающего» фактора;
- 2.) дискриминация абхазского народа по национальному признаку;
- 3.) постоянная минимизация и ущемление прав Абхазии на автономию со стороны

Грузии и т.п.

Независимость новообразовавшегося государства была признана РФ (и еще рядом стран) в 2008 году, однако, статус непризнанной республики среди большинства участников международного сообщества закреплен за Абхазией и по сей день.

Учитывая, что институт признания государств составляет часть системы международного права и выступает темой для самостоятельного исследования, ограничимся положением о том, что хоть Республика Абхазия и обладает такими признаками государственности как [8]: наличие территории, собственной структуры власти и т.п., полноценное функционирование государств невозможно без их участия в международных структурах и без межгосударственного сотрудничества [9 с. 44]. Тем самым, признание Абхазии суверенным государством лишь несколькими странами еще недостаточно для обеспечения здоровой коммуникации рассматриваемой республики с иными субъектами, что выступает еще одним аргументом в пользу утверждения о том, что независимым выступает только то государство, которое обладает всеми как внутренними, так и внешними признаками самостоятельности.

Подводя итоги проведенному выше анализу, можно прийти к выводу о том, что становление независимых государств представляет собой сложнейший длительный процесс, как с точки зрения истории и политики, так и с точки зрения права.

Термины «независимость» и «суверенитет» нельзя признать тождественными, так как одно из них выступает составляющей второго. В связи с этим, полагаем, что рационально признать обоснованной точку зрения, согласно которой независимым может быть признано лишь то государство, которое обладает всеми признаками данной категории: признание его на международной арене, наличие собственной структуры власти (легальной и легитимной), территории, населения, границ и т.п.

Список использованных источников:

1. Холина Елена Александровна *Формы и критерии признания государств // Пробелы в российском законодательстве.* 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-i-kriterii-priznaniya-gosudarstv>.
2. *Perspectives On International Law, Kluwer Law International, 1995.*
3. Анохина А.А. Конституционно-правовой анализ соотношения понятий «Суверенитет», «Независимость» и «Государственная целостность» // *Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право.* 2015. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoy-analiz-sootnosheniya-ponyatiy-suverenitet-nezavisimost-i-gosudarstvennaya-tselostnost>.
4. Степанченко Валерий Иванович *Краткие этапы становления Ямало-Ненецкого автономного округа как субъекта Российской Федерации и некоторые суждения о перспективах его развития // Юридическая наука.* 2012. №3. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/kratkie-etapy-stanovleniya-yamalo-nenetskogo-avtonomnogo-okruga-kak-subekta-rossiyskoj-federatsii-i-nekotorye-suzhdeniya-o-perspektivah>.

5. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 2. С. 22 // СПС КонсультантПлюс.

6. Степанченко Валерий Иванович Приобретение независимости Российской Федерации. Проблема «Суверенизации» // Юридическая наука. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priobretenie-nezavisimosti-rossiyskoj-federatsii-problema-suverenizatsii>.

7. Зухба Мадина Ивановна К проблеме независимости Абхазии: от исторического прошлого к настоящему // ИСОМ. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-nezavisimosti-abhazii-ot-istoricheskogo-proshlogo-k-nastoyaschemu>.

8. Montevideo Convention on the Rights and Duties of States, 165 LNTS 19.9.

9. Дурсунов Рамиль Международно-правовой статус Абхазии и Южной Осетии // Кавказ и глобализация. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoy-status-abhazii-i-yuzhnoy-osetii>.

УДК 342

Майдан В.В.

Институт «Гаврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЕКТ ОСЕНИ 1917 Г.: ПОПЫТКА ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

***Аннотация:** Работа посвящена изучению деятельности Временного правительства в последние месяцы его существования. Уделяется внимание рассмотрению мер по урегулированию ситуации после корниловского мятежа; действий политических сил после мятежа. В работе также представлен разбор конституционного проекта, который мог бы установить демократическое правление с чертами правового государства уже на законных основаниях.*

***Ключевые слова:** Февральская революция, Временное правительство, корниловский мятеж, Демократическое совещание, Особая комиссия Юридического совещания, конституционный проект, Керенский, большевики, Российская республика.*

***Annotation:** The work is devoted to the study of the activities of the Provisional Government in the last months of its existence. Attention is paid to the consideration of measures to resolve the situation after the Kornilov mutiny; actions of political forces after the mutiny. The paper also presents an analysis of the constitutional draft, which could establish democratic governance with the features of a rule-of-law state already on legal grounds.*

В период революционных потрясений 1917 г. в России были предприняты попытки демократических преобразований, которые могли способствовать формированию правового государства. Интересным является конституционный проект, созданный Особой комиссией Юридического совещания в сентябре-октябре 1917 года. Несмотря на то, что этот проект так

и не был реализован, его изучение важно с точки зрения понимания ментального климата изучаемой эпохи.

После падения монархии в ходе Февральской революции к власти в стране пришло Временное правительство из 12 человек, и оно было призвано «удерживать» власть до Учредительного собрания, где и будет принято решение о будущем государственном строе на территории бывшей Российской империи.

Нестабильное положение в стране спровоцировало корниловский мятеж. В августе 1917 года на его подавление глава Временного правительства Керенский призвал все социалистические силы. Фактически, и Корнилов, и Керенский проиграли в этом конфликте. Мятежного генерала посадили в тюрьму, а «вождь революции» Керенский стал терять базу своей поддержки [1, с. 17].

Параллельно с этим стало необходимо разрешить все проблемы, связанные с последствиями мятежа. Для этого, при содействии М. И. Терещенко (министр иностранных дел), была разработана резолюция о создании чрезвычайного органа власти – Директории. 1 сентября 1917 года был оглашён состав Директории, которую возглавил сам А. Ф. Керенский вместе с соратниками. В этот же день Временное правительство объявляет, что государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский, и провозглашает Российскую республику.

На совместном заседании Центрального исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов 3 сентября 1917 года было принято решение провести Демократическое совещание для решения вопроса об организации власти, благодаря которой можно будет довести нестабильное государство до Учредительного собрания [2, с. 136]. Оно действительно состоялось 14-22 сентября, и в конечном итоге было поддержано предложение И. Г. Церетели передать окончательное решение вопроса о власти «Временному Совету республики» или Предпарламенту, избранному из числа делегатов совещания. 22-24 сентября шло обсуждение о формировании нового правительства, а 25 числа – уже сформировалось третье коалиционное правительство Керенского. В это же время произошёл переворот в Петроградском Совете, и новым председателем стал Л. В. Троцкий. Отсчёт до нового переворота пошёл [3, с. 54].

Уже 4 октября в газете «Русские ведомости» появились «детали» расследования мятежа Корнилова, с этого началось изображение Керенского политически шарлатаном и мошенником. А «ленинские газеты», вроде «Рабочего пути» и многие другие большевистские издания, с готовностью перепечатавали все эти публикации. Стало окончательно ясно, что демократическая революция перейдёт в русло «диктатуры пролетариата», лозунги которой начали скандировать люди на улицах. Необходимо было торопиться с новым демократическим законодательством, и Временное Правительство возложило эту работу на Особую комиссию Юридического совещания по составлению проекта основных государственных законов под председательством Н. И. Лазаревского.

В основной закон государства должны были быть положены следующие принципы: 1) гарантия и обеспечение широкой индивидуальной свободы граждан; 2) в достаточной мере широкое местное самоуправление и автономии внутри государства; 3) торжество народного верховенства – вопрос о форме правления был особо актуален.

20 октября 1917 началось самое одиозное заседание комиссии, обсуждался представленный А. М. Кулишер и Б. Е. Шацким доклад о двухпалатной и однопалатной системе. А. Ф. Мейендорф указал: «в докладе слишком отразилась боязнь одиозности верхней палаты, а равно сквозило стремление заранее защитить ее от нападок и доказать, что она не может быть вредной». Обе палаты должны быть равноправны [4, с. 36].

Члены комиссии анализировали опыт европейских государств для обеспечения демократических преобразований постреволюционного российского общества. Они стремились дать полный максимум для экстраполяции опыта Прусской конституции 1850 г. и Французской конституции 1789-1791 гг., и иных документов на современные реалии

Российской республики. Работа комиссии была прервана Октябрьским переворотом. И с приходом к власти большевиков все надежды на реформистский путь с его либеральными конституционными началами канули в лету.

Если взглянуть на эти события и на события мировые, то становится ясно, что одной из ключевых причин падения демократии является Мировая война, вытягивающая все силы из страны, с другой стороны – правовой нигилизм русского общества. В России право всегда понималось не как свобода, а как принуждение, при этом «личность не является субъектом свободы и подчиняется сверхиндивидуальному началу, которое и признается высшей ценностью, согласно второму - высшей ценностью является индивид с его неотчуждаемой свободой» [5, с. 27]. В этом и кроется многовековая проблема русского народа, в правовом нигилизме, это и является одной из основных причин заторможенности создания правового государства, ведь люди не верят в закон, который жёстко и неукоснительно диктует правительство.

Список использованных источников:

1. Колоницкий Б. И. Революция 1917 года. Москва: Бомбора, 2018. 128 с.
2. Керенский Ф. А. Россия на историческом повороте: Мемуары. Москва: Республика, 1993. 391 с.
3. Спицын Е. Ю. Россия – Советский Союз. 1917-1945 гг.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Книга III. Москва: Концептуал, 2017. 400 с.
4. Рассолов М. М., Никитин П. В. История отечественного государства и права в 2 ч. Часть 2 : учебник для вузов / Юрайт. Изд. 3-е, перераб. и доп. Москва, 2022. 286 с.
5. Медушевская Н. Ф. Правовой нигилизм в России // Вестник Московского университета МВД России. 2007. №6. С. 25-28.

УДК 342

Назаров М.В.

*Крымский Филиал Краснодарского университета МВД России, Россия,
г. Симферополь*

НЕТИПИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РОССИИ

Данная работа посвящена анализу нетипичных источников конституционного права России. Автор приходит к тому, что регламенты Палат Федерального Собрания, поручения Президента РФ и обычай использования Конституции при инаугурации являются нетипичными источниками отечественного конституционного права, а изменения конституционного законодательства способствуют повышению их значения в государственном управлении.

This work is devoted to the analysis of atypical sources of constitutional law in Russia. The author comes to the conclusion that the regulations of the Chambers of the Federal Assembly, the assignment of the President of the Russian Federation and the tradition of using the Constitution at the inauguration are atypical sources of national constitutional law, and changes in constitutional legislation promote their importance in public administration.

С целью комплексного изучения заявленной темы видится необходимым разграничить такие пограничные понятия как «форма права» и «источник права», так как их очень часто отождествляют. Традиционно под формой права признаётся способ отражения

внутреннего строения и содержания права, его внешнее выражение; в то время как источники права – указывает на истоки формирования права, систему факторов, предопределяющих его содержание и формы выражения.

Для того, чтобы понять какие формы конституционного права являются типичными, а какие нет, следует сказать о правовой семье, к которой принадлежит Россия. По ряду общеизвестных признаков большинство учёных-правоведов относят наше государство к романо-германской правовой семье, для которой основным источником права является нормативно-правовой акт (далее – НПА) [1, с.46].

В современной науке конституционного права не существует чёткой градации источников и форм права. Наиболее полной и соответствующей теме исследования является следующая их классификация [2, с.50-56]:

1. В зависимости от исторического параметра: первичные и вторичные;
2. По юридической силе: главные и дополнительные;
3. В зависимости от правовой семьи и национальной правовой системы: типичные

и нетипичные:

К типичным формам отечественного конституционного права относят: Конституцию Российской Федерации, Федеральные конституционные законы, Федеральные законы, Конституции и Уставы субъектов РФ, Указы и распоряжения Президента, акты министерств и ведомств и др.

Нетипичные источники и формы конституционного права России являются необычными, несвойственными или новыми для национальной правовой системы нашего государства.

В условиях конституционного реформирования появляются новые формы права. Одним из наиболее ярких примеров нетипичных источников (форм) является Поручение (указание) Президента. В рамках данной статьи не рассматривается поручение как часть Указа или Распоряжения Президента. Мы рассматриваем поручение как самостоятельный официальный документ. Закрепление данный акт получил в ходе принятия поправок к Конституции РФ в 2020 году. Данный феномен не является новым для современной России и зародился ещё во время президентства Б.Н. Ельцина, в частности в Указе Президента от 06.11.1996 года № 1536 повышалась ответственность органов исполнительной власти и их должностных лиц за исполнение поручений Президента РФ. [3, ст. 113] Поручение Президента имеет установленную форму, персонифицированный характер и предполагает однократное применение (исполнение), что позволяет отнести его к правовому акту. Президент имеет право направлять поручения руководителям органов государственной власти, отдельным ведомствам, руководителям общественных организаций и государственных корпораций. Таким образом, указанный правовой акт является одним из нетипичных форм современного конституционного права России, так как, являясь правовым актом, регулирует вопросы конституционного права. Более того, следует отметить, что не редко в результате выполнения Поручения Президента принимается новый НПА.

Отдельного внимания заслуживают регламенты палат Федерального Собрания (далее – регламенты). Данные акты можно назвать внутренними, так как они распространяют своё действие и регулируют деятельность только конкретной палаты и её членов, порядок участия палаты в осуществлении определённых Конституцией прав и обязанностей. Регламенты не требуют официального опубликования для обретения юридической силы, в отличии от НПА. Всё вышеуказанное даёт нам право относить регламенты к ПА и считать их нетипичными источниками для национальной правовой системы Российской Федерации.

Также к нетипичным источникам права нам видится возможным отнести обычай – использования Конституции при приведении Президента России к присяге. Считаем необходимым заострить внимание на том, что этот обычай отличается от других своей природой. Традиционно, в ходе исторического развития государства, те или иные общественные отношения регулируются обычаями, который, в последующем, обретает

юридическое закрепление в нормативно-правовых актах эволюционируя в правовой обычай. Однако, указанный нами обычай напротив берёт своё начало из нормативно-правового акта – Указа Президента РФ от 05.08.1996 года №1138, в котором закреплено, что Президент приносит присягу на специальном экземпляре текста Конституции, являющейся символом президентской власти [4, ст. 1, 2]. Данный документ утратил свою силу в соответствии с Указом Президента РФ от 06.05.2000 года № 832 [5, ст. 3], но, как мы можем видеть, обычай принесения присяги на тексте Конституции существует до настоящего времени.

В результате проведённой работы мы выяснили, что вследствие стремительного развития конституционного законодательства и своеобразного пути развития нашего государства, к нетипичным источникам и формам конституционного права России следует относить Поручения Президента, регламенты палат Федерального Собрания, обычай использования Конституции во время приведения к присяге Президента России.

Список использованных источников:

1. Савченко, В.В. Нормативный акт как источник права в романо-германской правовой семье: современные идеи и проблемы [Текст] / В.В. Савченко // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2010. Вып. 1. С. 46-47.
2. Сильченко, Н.В. Классификации источников права [Текст] / Н.В. Сильченко // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: сб.науч.тр. /отв. ред. проф. В.Н. Карташов; Яросл. гос. ун – т. – Ярославль: ЯрГУ. 2013. Вып. 12. С. 49-59.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (актуальная редакция) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] Режим доступа - URL: <http://pravo.gov.ru/> 06.10.2022. N 0001202210060013 (дата обращения: 26.10.2022)
4. Об официальных символах президентской власти и их использовании при вступлении в должность вновь избранного Президента Российской Федерации: Указ президента РФ от 05.08.1996 №1138 // (утратил силу)// Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] Режим доступа - URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.10.2022)
5. О внесении изменений и дополнения в некоторые указы Президента Российской Федерации: Указ президента РФ от 06.05.2000 №832 // (в актуальной редакции)// Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] Режим доступа - URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 24.10.2022)

УДК 342. 346

Полгар М.А.

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы трансформации теоретико-правового значения суверенитета государства с учетом увеличения роли цифрового аспекта.

Annotation. This article discusses the issues of transforming the theoretical and legal significance of the sovereignty of the state, taking into account the increasing role of the digital aspect.

Процесс формирования и развития доктринальных подходов к определению содержания суверенитета в условиях современного информационного пространства, или информационного суверенитета государства XXI века, в большей степени становится предметом политологической науки, нежели правовой. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что сама конструкция суверенитета имеет междисциплинарный характер. Как следствие существует немалое количество политологических, а также философских и социологических трактовок данного понятия. Однако это не означает, что наука права полностью индифферентна к проблемам суверенитета в условиях новых вызовов и новых запросов. Скорее можно говорить о необходимости усовершенствовать юридическую форму понимания сущности этого явления.

Целью данной работы является краткий аналитический обзор основных современных подходов к определению информационного суверенитета.

Данная статья не претендует на исчерпывающий обзор всех существующих исследований по рассматриваемой проблематике. Ее основу составили концепции и воззрения, которые позволяют сформировать представление о понимании «цифрового суверенитета» в отечественной науке.

В первую очередь нужно отметить определенную молодость исследований проблемы цифрового суверенитета. Так, В. Б. Наумов только в 1999 г. одним из первых обосновал необходимость научного осмысления и формирования подходов к реализации суверенитета государства в информационном пространстве. На основе аналитического обзора данных первых судебных процессов, связанных с трансграничным распространением информации, он выявил непосредственный конфликт национальной юрисдикции при рассмотрении конкретного дела и исполнительном производстве в рамках данного дела [4].

Потом были работы А. В. Глушкова, который обращает внимание на то, что в условиях повсеместного распространения сферы действия сети «Интернет», а так же разрушения связи между различными органами государственной власти, вопросы отправления государственного суверенитета отягощаются дополнительными проблемами, решение которых возможно, прежде всего, с помощью законодательной регламентации осуществления деятельности в информационном пространстве [5].

Нельзя не согласиться с А. В. Россошанским в том, что тенденции современного мира в части эволюции цивилизационных категорий выдвигают информационные составляющие суверенитета как политико-правовой категории на первый план, как следствие, практическая значимость нового характера властных отношений требует введения концептуально нового механизма правового регулирования. В частности, А. В. Россошанский приходит к выводу о том, что информационный суверенитет в условиях процессов деглобализации общественных отношений - это ««способность и намерение субъекта политики производить, распределять и потреблять информацию в зависимости от собственных интересов участия в политике и использовать информацию как ресурс политического влияния в тех масштабах и объемах, которые соответствуют его текущим и долгосрочным политическим интересам» [1]. В данном определении акцентируется внимание на составляющей части информационного пространства - отношениях с информацией, но не на всей информационной системе в целом, которая, помимо указанного элемента, включает в себя так же информационную инфраструктуру и цифровые технологии. Данный подход не уникален. Например, к подобному выводу приходит Д. В. Винник, который так же связывает суверенитет цифрового государства с политико-правовыми режимами распространения информации в глобальных информационных сетях, прежде всего - в сети «Интернет» [2].

В последние годы формируется позиция, что информационный суверенитет должен базироваться на анализе и обнаружении угроз, которые препятствуют реализации суверенитета, в том числе таких вызовов, которые возникают в общественном пространстве в силу распространения влияния социальных сетей на формирование законов и закономерностей общественного развития [3].

В целом можно отметить, что концепция суверенитета меняется достаточно сильно в зависимости от того какой аспект цифровой сферы рассматривается. Наиболее интегративной сегодня видится концепция государственного суверенитета в условиях цифровизации общественных отношений, предложенная М. М. Кучерявым. Автор, основываясь на многообразии общественных отношений, принимая во внимание предмет государственного регулирования, проводит градацию видов суверенитета, разделяя их на юридический, идеологический, экономический, военный и дипломатический. Все они, являясь отдельными структурными элементами системы государственного суверенитета, развиваются в тесном взаимодействии друг с другом, руководствуясь принципами разделения предметов ведения. Принимая во внимание предметный характер данной концепции, а так же цифровизации современного общества, автор прибегает к прямой подчиненности информационного суверенитета реализуемой в государстве информационной политики. Однако, цель данной политики не ситуативная, а императивная, и заключается в осуществлении национальных интересов, а так же защите информационной безопасности, как на внутрисоциальном уровне, так и на международной политической арене. Информационная политика, по мнению автора, может быть классифицирована на следующие виды: технологическая, психологическая и политическая. Принимая во внимание данную градацию, выделяется три составных элемента суверенитета информационного государства - цифровой, ментальный и властный. Данная концепция является политологической и, на современном этапе, сомнительна ее проекция на правовую науку, поскольку в последней отсутствуют необходимые механизмы информационно-правового регулирования, а также недостаточно развито научное осмысление составляющих информационной системы с правовой точки зрения в силу сравнительной новизны данных категорий, что только дополнительно подчеркивает актуальность определения понятия «цифровой суверенитет» в праве.

Так же необходимо учитывать тот факт, что в международной правовой доктрине выработалась единая формула соотношения верховенства, ограниченного определенной территорией, суверенитета и юрисдикции. Данная формула может быть охарактеризована следующим образом - юрисдикция есть составная часть территориального верховенства, которое входит в систему государственного суверенитета. Однако с данной формулой согласны не все. В частности, А.А. Стрельцов считает, что «суверенитет и юрисдикция государства в телекоммуникационной среде означают его верховенство в сети электросвязи и в определенной части сети «Интернет», которая может быть названа «национальным сегментом» данной сети. Суверенитет государства в области сети «Интернет» определяется его верховенством в национальном сегменте сети «Интернет». Суверенитет государства в информационной среде означает его верховенство в пространстве вычислительных и информационных ресурсов» [6].

Подводя промежуточный итог проведенного исследования доктринальных положений, можно сделать вывод о том, что российская правовая наука выделяет две концепции суверенитета в рамках информационного государства, а именно:

1. юрисдикционный, основывающийся на детализации юрисдикции органов государственной власти в отношении субъектно-объектного состава информационных отношений;
2. технократический, основывающийся на рассмотрении информационных угроз как основы угроз государственному суверенитету.

Вторую концепцию поддерживает Д. В. Абдурахманов, который утверждает, что «с развитием информационного общества усиливаются угрозы государственному суверенитету

как основополагающему элементу информационной безопасности государства. Меры, направленные на обеспечение государственного суверенитета, в свою очередь приводят к сдерживанию процессов, направленных на развитие информационного общества» [7].

Учитывая сравнительно непродолжительный период развития концепции информационного суверенитета, стоит отметить, что отечественное информационное право не разработало в себе положений об обеспечении безопасности и неприкосновенности государственного суверенитета в рамках деятельности в сети «Интернет».

Таким образом, несмотря на обыденность данного явления и кажущуюся очевидность, и простоту общеизвестного понятия суверенитет, а также степень его осмысления в науке, современные законы и закономерности развития общественных отношений ставят новую задачу, сущность которой заключается в трансформации определения теоретико-правовой сущности суверенитета в виду увеличения влияния цифрового аспекта.

Список использованных источников:

1. Россошанский А.В. Политический и информационный суверенитет в контексте процессов глобализации // Симбирский научный вестник. 2011. № 4(6). С. 185
2. Винник Д.В. Цифровой суверенитет: политические и правовые режимы фильтрации данных // Философия науки. 2014. №2 (61). С. 95–113.
3. Сиволов Д.Л. Новые угрозы национальному суверенитету России в сфере информационной безопасности // Социум и власть. 2015. № 6 (56). С. 82–88
4. Наумов В.Б. Интернет и государственный суверенитет // I Всерос. конф. «Право и интернет: теория и практика». 1999. 2 ноября. URL: <http://www.ifap.ru/pi/01/r16.htm>
5. Глушков А.В. Проблемы правового регулирования Интернет-отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 13.
6. Стрельцов А.А. Суверенитет и юрисдикция государства в среде информационнокоммуникационных технологий в контексте международной безопасности // Международная жизнь. 2017. № 2. С. 94–96.
7. Абдрахманов Д.В. Государственный суверенитет и информационное общество: взаимосвязь и взаимозависимость / Д.В. Абдрахманов // Вестник ЮУрГУ. Серия; Право. 2016. Т. 16, № 4. С. 66–72.

УДК 34.028.6

Иванченко С. В.

аспирант кафедры истории и теории государства и права,

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ФОРМАЛИЗМА И ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ АКТУАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Аннотация: Рассмотрена возможность соотношения принципа процессуального формализма и принципа процессуальной экономии как одного из инструментов достижения

целей судопроизводства. Рассмотрены последствия чрезмерной формализации процесса и использования средств процессуальной экономии. Сделан вывод о необходимости сочетания и взаимного применения процессуального формализма и процессуальной экономии в зависимости от особенностей конкретных категорий дел, обстоятельств и усложненности дел.

***Annotation:** The possibility of correlating the principle of procedural formalism and the principle of procedural economy as one of the tools for achieving the goals of legal proceedings is considered. The consequences of excessive formalization of the process and the use of means of procedural economy are considered. It is concluded that it is necessary to combine and mutually apply procedural formalism and procedural economy, depending on the characteristics of specific categories of cases, circumstances and complexity of cases.*

Несмотря на устойчивость и структурную целостность, право представляет собой крайне чувствительное к внешним влияниям явление. Стремительное развитие рыночных отношений с неизбежностью приводит к изменениям в праве. При гипертрофированном положении экономического начала, право подвергается таким искажениям, которые приводят к его подчиненному положению по отношению к рыночной экономике. В таком случае право обслуживает экономику, выступая не институтом государственной власти, общественного устройства и регулятором общественных отношений, а институтом социальной инфраструктуры, то есть, право не столько регулирует общественные отношения, сколько обеспечивает их функционирование и динамику. В свою очередь развитие свободного доступа к комплексу правовых институтов, начал свободы и равенства, «удешевление» процесса и существенное сокращение сроков рассмотрения дел иногда приводят к негативным последствиям в виде профанации процессуального пространства, что выражается в отсутствии требований правового профессионализма, наличия юридических знаний и навыков у участников процессуальных отношений. При отсутствии системного правового мышления и осмысленного понимания права неизбежно воследует снижение уровня авторитета государственных органов, суда, правопорядка в целом.

Другой крайностью, при избыточном наделении права сверхнормативным содержанием, неадекватном применении принципа процессуального формализма, при чрезмерной детализации в урегулировании всех аспектов процессуальной деятельности и восприятии его как догмы, возникают феномены чрезмерного формализма и правового пуризма. Н. Ю. Сакара, проводя различие данных явлений, указывает, что «чрезмерный формализм в отличие от процессуального формализма предусматривает механическое соблюдение норм процессуального права безотносительно к учету целесообразности этого.» [1, с. 85]. Таким образом, Н. Ю. Сакара различает процессуальный формализм и чрезмерный формализм как явление позитивное и негативное соответственно. Касательно явления правового пуризма Н. Ю. Сакара пишет следующее: «Правовой пуризм является крайним проявлением чрезмерного формализма, то есть представляет собой слишком бюрократичное соблюдение норм процессуального права, и всегда приводит к нарушению принципа правовой определенности» [1, с. 85]. Явления чрезмерного формализма и правового пуризма, на наш взгляд, формируют в обществе недоверие и страх перед бюрократическим аппаратом, вызывают ощущение непонимания функционирования государственных институтов. Все это создает чувство незащищенности у потенциальных участников процесса в силу отсутствия ощущения причастности к судопроизводству, поскольку процесс становится герметичным, допускающим только «посвященных» профессионалов. Следствием этого становится повышение расходов на судебную защиту и понижение уверенности в объективности процесса и возможности достижения ожидаемого уровня должной справедливости.

Естественным образом представляется, что вышеотмеченные крайности в судопроизводстве противоестественны. Для предотвращения крайностей в процессуальной динамике необходимы инструменты, которые должны действовать взаимозависимо, строго в

заданных алгоритмах и максимально эффективно. Одним из таких инструментов выступает антагональность процессуального формализма и процессуальной экономии.

Полагаем, что судопроизводству необходимо сочетать в себе два начала, которые конструктивно противопоставляются друг другу – процессуальный формализм, как категорию, связанную с исполнением формальных правил процесса, «ритуальности» процесса, и процессуальную экономию, как категорию, суть которой состоит в «достижении процессуального результата при минимизации затрат.» [2].

В. М. Трофименко отмечает позитивные стороны формализации, как то формирование «четкого представления о предусмотренной законом процедуре», «сужение пространства для дискреции, свободного усмотрения и субъективизма при применении норм права, чем обеспечивает прозрачность правоприменительной деятельности, действие принципа правовой определенности как одного из важнейших элементов верховенства права» [3, с. 226]. Ж.-Л. Бержель указывает, что процессуальный формализм при условии правильного дозирования является «гарантией качественного правосудия и оплотом прав защиты против произвола судей» [4, с. 565].

Процессуальная экономия, как отмечает Мартыненко И. Э., «проявляется в том, чтобы при разбирательстве дела в суде наиболее полно, целесообразно и своевременно использовались все установленные законодательством средства для правильного и быстрого разрешения споров и устранения выявленных при этом недостатков в деятельности спорящих сторон.» [5, с. 67].

Во взаимной реализации принципа процессуального формализма и процессуальной экономии состоит возможность достижения процессуальной эффективности. Инструментом такого взаимодействия может выступать третий элемент системы взаимодействия рассматриваемых категорий – судейское руководство процессом, под которым мы понимаем такую модель правоприменения, при которой судья как руководящий субъект процесса, исходя из внутреннего убеждения, требований обстоятельств дела усматривает необходимость корректировки процесса в сторону формализации либо же реализации процессуальной экономии. Полагаем, что первую необходимо допускать при разрешении более сложных дел, дел, осложненных множественной предметностью, множественностью субъектов, необходимостью применения аналогии права, дел при которых отсутствуют устоявшиеся алгоритмы принятия решений. В иных случаях процессуальный формализм должен быть соблюден ровно в той степени в которой бы им обеспечивался механизм судопроизводства в соответствии с требованиями процессуального законодательства, но при этом рассмотрение дела, очевидно, требует реализации процессуальной экономии, ярким примером необходимости применения процессуальной экономии представляются дела о взыскании задолженностей, принятии наследства, об установлении юридических фактов.

Список использованных источников:

1. Сакара Н. Ю. Феномен формалізму у цивільному судочинстві // Проблеми законності. - 2018. - №143. - С. 77-89;
2. Шакирьянов Р. В. Действие принципа процессуальной экономии в гражданском судопроизводстве // Мудрый Юрист URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/59318-dejstvie-principa-processualnoj-ehkonomii-grazhdanskom-sudoproizvodstve?ysclid=laf0hxjwgc388247934> (дата обращения: 09.11.2022);
3. Трофименко, В. М. Процессуальная форма: сущность и значение в уголовном судопроизводстве / В. М. Трофименко. — Текст : непосредственный // Проблемы законности. — 2012. — № 120. — С. 224-231;
4. Бержель, Ж. - М. Общая теория права: учебник / Ж. - М. Бержель. — М. : NOTA-BENE, 2000. — 575 с.;
5. Мартыненко И.Э. Судоустройство и судопроизводство по хозяйственным спорам. -

Гродно: ГрГУ, 2009. – 599 с.

УДК 342.729

Сильванович Ю.Н.

ассистент кафедры истории и теории государства и права,

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

**ПРАВО ГРАЖДАН НА ПРОВЕДЕНИЕ СОБРАНИЙ, МИТИНГОВ И
ДЕМОНСТРАЦИЙ: КОНСТИТУЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ И ПРЕПЯТСТВИЯ К
РЕАЛИЗАЦИИ**

Аннотация: данное исследование направлено на раскрытие содержательной сущности института самозащиты граждан в контексте практической возможности по реализации права на проведение публичных мероприятий. Особое внимание уделено законодательным нововведениям в части процессуального аспекта реализуемых акций, преимущественно в отношении установления обязанности для организаторов публичных мероприятий по составлению отчета о расходовании собранных денежных средств.

Annotation: these theses are aimed at revealing the substantive essence of the institution of self-defense of citizens in the context of the practical possibility of exercising the right to hold public events. Particular attention is paid to legislative innovations in terms of the procedural aspect of the actions being implemented, especially with regard to the establishment of a duty for the organizers of public events to compile a report on the expenditure of the collected funds.

Исходя из смысла положений Главы 1 Конституции РФ, государство Россия является демократической, правовой формой организации общества, признающей человека, его права и свободы в качестве высшей ценности. Безусловно, столь важный социальный элемент обуславливает необходимость в формировании действенного правового механизма его защиты. На сегодняшний день видится возможным произвести разграничение анализируемых механизмов на две взаимосвязанные группы: реализуемые органами государственной власти (в частности, судами, исполнительными органами, Уполномоченным по правам человека и т.д.), а также предпринимаемые человеком и гражданином допустимые, в соответствии с действующим законодательством, меры самозащиты. В рамках настоящего исследования будет уделено внимание второй выделенной разновидности механизмов, в контексте анализа одного из наиболее распространенных способов самозащиты права - проведение собраний, митингов и демонстраций.

В соответствии со статьей 31 Конституции РФ: «Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование» [1]. Отметим, что анализируемая норма не являлась нововведением для российской правовой системы: так, уже в советский период предпринимались неоднократные попытки по урегулированию правовой возможности для граждан на проведение мирного собрания в целях реализации доступной и, что немаловажно, эффективной формы выражения своих идей, взглядов, акцентировании внимания на

волнующих вопросах, донесении сведений до широких масс населения. В частности, был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР от 28 июля 1988 г.

После распада Союза ССР, во исполнение положений Конституции РФ, в 2004 году был принят Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 N 54. Указанный нормативный акт сыграл ведущую роль в урегулировании коллизионных вопросов реализации права граждан на проведение собраний, митингов, демонстраций и т.д., сгруппировав фундаментальные положения не только в части теоретико-правовой составляющей (как, например, закрепление легальных определений понятий: публичное мероприятие, митинг, шествие, демонстрация), но также привнес ясность в процессуальный аспект реализуемых акций, в частности, касательно необходимости уведомительного порядка проведения публичного мероприятия, утверждения соответствующего регламента и т.д. Однако, несмотря на столь продолжительный характер реализации законодательных попыток по совершенствованию института самозащиты граждан, прикладной, правоприменительный аспект все еще выявляет его пробельность.

Право на проведение собраний, митингов и демонстраций является важным инструментом защиты интересов граждан, в связи с чем законодателем изначально закладывался смысл по реализации исключительно уведомительного порядка в процедуре согласования проведения публичных мероприятий, о чем можно судить исходя из положений статьи 7 Федерального закона от 19.06.2004 N 54. Тем не менее, проводимые в анализируемой области реформы свидетельствуют о возникновении негативной тенденции к излишней бюрократизации изначально провозглашенного уведомительного порядка, его переформировании в категорию разрешительного. Один из наиболее ярких примеров – предложенные в 2020 году Законопроект № 1057230-7 и Законопроект № 1057213-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (впоследствии Федеральный закон от 30.12.2020 N 541). Реформа была направлена на совершенствование двух основных направлений сферы публичных мероприятий: вопросы финансирования процесса их организации, а также возможности по взаимодействию организаторов и участников митингов, демонстраций со средствами массовой информации [2].

В рамках проводимого анализа видится необходимым обратить особое внимание на принятые Федеральным законом от 30.12.2020 N 541 части 11-13 статьи 11 Федерального закона от 19.06.2004 N 54. Анализируемые нормы возложили на организаторов публичных мероприятий обязанность по составлению отчета о расходовании собранных денежных средств (или иного имущества), предусмотрев ответственность за нарушение установленных требований. При этом, как отмечается, такой отчет составляется «по форме и в сроки, установленные федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел» [3].

На наш взгляд, данная законодательная новелла негативно отражается на всей концептуальной сути института самозащиты граждан (в том числе, посредством проведения митингов, собраний и т.д.) как механизма представления интересов в уведомительной форме. Вновь образованный, по своей сути, разрешительный порядок в результате сформировал неочевидные административные барьеры, препятствующие реализации возможности людей по осуществлению своего конституционного права на мирные собрания, высказывание суждений. Возложение обязанности по составлению дополнительной отчетности, помимо всего вышеизложенного, фактически обуславливает возникновение дополнительных расходов у организаторов публичных мероприятий, ввиду необходимости пользования услугами сторонних специалистов.

В научно-правовых кругах все чаще высказывается точка зрения о том, что «разрешительный порядок проведения публичных мероприятий должен быть четко

установлен законом через конкретизацию требований для получения разрешения, в противном случае у органов государственной власти появляется возможность субъективного суждения в процессе согласования проведения публичных мероприятий, что недопустимо, так как ведёт к ограничению свобод» [4]. Исходя из всего вышеизложенного, видится необходимым внести изменения в статью 11 Федерального закона от 19.06.2004 N 54 в контексте упразднения частей 11,12 и 13.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Rg.ru: Митинги будут проводить по новым правилам и без иностранных спонсоров. — URL: <https://rg.ru/2020/12/23/mitingi-budut-provodit-po-novym-pravilam-i-bez-inostrannyh-sponsorov.html>
3. Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 N 54-ФЗ (последняя редакция). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48103/
4. Чаплинский, В. Б. Проблемы реализации прав граждан при проведении публичных мероприятий на территории Российской Федерации / В. Б. Чаплинский. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 26 (316). — С. 190-196. — URL: <https://moluch.ru/archive/316/72060/>.

УДК 342.92

Символокова Д.А.

*Высшая школа права Балтийского федерального университета
имени Иммануила Канта, Россия, г. Калининград*

**ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация: В статье приведены результаты сравнительного анализа законов об административных правонарушениях шести субъектов РФ. Сделан вывод, что необходимость принятия данных нормативных актов на уровне субъектов РФ определена тем, что положения данного законодательства сохраняют уникальность регионов и поддерживают эффективную работу регулирования сферы административно-деликтных правоотношений.

Abstract: The article provides a comparative analysis of the laws on administrative offenses of 6 subjects of the Russian Federation. It is concluded that the need to adopt these regulations at the level of the subjects of the Russian Federation is determined by the fact that the provisions of this legislation preserve the uniqueness of the regions and support the effective work of regulating the sphere of administrative and tort legal relations.

Региональное законодательство об административных правонарушениях отдельно взятого субъекта Российской Федерации содержит в себе специальные нормы и положения в силу географических, экономических, культурных, социальных и иных особенностей. Цель настоящей работы состоит в выявлении специфики региональных правовых норм и составов административных правонарушений на примере следующих субъектов РФ: городов

федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга, а также отдельных субъектов Северо-Западного федерального округа.

Так, нормы главы 7 Кодекса г. Москвы об административных правонарушениях отражают специфику развития Москвы как крупнейшего мегаполиса и во многом посвящены регулированию правоотношений, возникающих в сфере градостроительства, а также эксплуатации объектов городской инфраструктуры [1, с.30]. Например, статья 7.20, устанавливает ответственность за несанкционированную прокладку кабелей в подземных инженерных сооружениях. Среди составов административных правонарушений, отражающих специфику развития г. Санкт-Петербурга можно уделить внимание норме, которая регулирует правоотношения, возникающие в связи с нарушением правил эксплуатации мостов и набережных. [5, с.42].

В Кодексе Калининградской области об административных правонарушениях отметим ст. 85, которая предусматривает административную ответственность за нарушение требований законодательства в сфере мелиорации земель [2, с.30]. Наличие данной нормы обусловлено тем, что мелиоративная сеть является своеобразной кровеносной системой указанного региона и от уровня мелиоративной обустроенности земель зависит не только сельхозпроизводство, но и жизнедеятельность Области в целом.

В свою очередь, положения Закона Мурманской области «Об административных правонарушениях» предусматривают административную ответственность за превышение численности домашних северных оленей над оленеемкостью оленьих пастбищ, предоставленных оленеводческим хозяйствам [6, с.10].

В Архангельской области предусмотрена административная ответственность за нарушение собственниками земельных участков, землепользователями и другими лицами порядка использования для собственных нужд в границах данных земельных участков общераспространенных полезных ископаемых, подземных вод [4, с.19]. Нетипичным составом является также сидение на спинках скамеек в зонах рекреационного назначения.

Закон «Об административной ответственности в Республике Коми» устанавливает административную ответственность за нарушение установленного органами исполнительной власти Республики Коми порядка добычи общераспространенных полезных ископаемых для пользователей недр, осуществляющих разведку и добычу полезных ископаемых [3, с.12].

Итак, основные отличия состоят в конкретных составах административных правонарушений, которые призваны отразить территориальные, геологические, экономические и культурные особенности указанных регионов. В частности, можно выделить составы Закона Калининградской области (статья 13-2, статья 85), которые определяются агроклиматическими и территориальными особенностями области. В свою очередь, специфические составы Закона Архангельской области касаются лесных и животных ресурсов, поскольку территория региона покрыта лесными массивами и богата наличием северной фауны. Если говорить о составах Закона Республики Коми, то их наличие объясняется культурными особенностями народа и геологическими особенностями местности региона, куда входят развитие отраслей сельского хозяйства и складирование полезных ископаемых. Составы, предусмотренные Кодексом об административных правонарушениях г. Москвы, в свою очередь отражают специфику региона как центрального мегаполиса России, богатого инженерной и социальной инфраструктурой, которая постоянно нуждается в коммунальном и транспортном обслуживании.

Таким образом, необходимость принятия законодательства об административных правонарушениях на уровне субъектов РФ определена, в первую очередь, регулированием и охраной положений, установленных региональными нормативно-правовыми актами и актами органов местного самоуправления. Содержание данных законов обеспечивает сохранение различного рода уникальностей регионов, к которым можно отнести территориальные, экономические, социальные, культурные и другие особенности.

Вместе с тем, федеральное административное законодательство в виде Кодекса РФ об административных правонарушениях не может в полной мере учитывать особенности административного законодательства всех 89 субъектов РФ. В противном случае содержание Кодекса было бы слишком объемными и перегруженным, что могло бы затруднить как поиск необходимых составов для установления в деянии лица факта совершения административного правонарушения, так и восприятие сущности нормативных положений КоАП РФ. Соответственно, право субъектов РФ на принятие собственных законов об административных правонарушениях помогает не только обогатить административное законодательство, учитывая особые условия субъектов РФ, но и способствует эффективной работе регулирования сферы административно-деликтных правоотношений, но и обеспечивает гармонизацию и системность российского законодательства в целом.

Список использованных источников:

1. Закон Московской области от 04.05.2006 N 37/2016-ОЗ «Кодекс Московской области об административных правонарушениях» // [Электрон. ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения 19.03.2022).
2. Закон Калининградской области от 12.05.2008 №244 «Кодекса Калининградской области об административных правонарушениях» // [Электрон. ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения 19.03.2022).
3. Закон Республики Коми от 30.12. 2003 №95 -РЗ «Об административной ответственности в Республике Коми» // [Электрон. ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения 20.03.2022).
4. Закон Архангельской области об административных правонарушениях от 3 июня 2003 года N 172-22-ОЗ «Об административных правонарушениях» // [Электрон. ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения 17.03.2022).
5. Закон Санкт-Петербурга от 31.05.2010 N 273-70 "Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге"// [Электрон. ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения 19.03.2022).
6. Закон Мурманской области от 06.06.2003 N 401-01-ЗМО "Об административных правонарушениях"// [Электрон. ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения 17.03.2022).

УДК 342.7

Хаяли Б. Р.

аспирант кафедры истории и теории государства и права,

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

ПРОЕКТ РЕШИДА МЕДИЕВА ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: В статье анализируется проект Решиды Медиева по реформированию конфессиональной и государственной системы для крымских татар. Идеи Решиды Медиева были направлены на модернизацию системы образования крымских татар в соответствии с

потребностями времени. Реформированная система образования открывала новые возможности для крымскотатарской молодежи в образовательном пространстве Российского государства.

Ключевые слова: Решид Медиев, реформа, этноконфессиональная система образования, государственная система образования.

Annotation: The article analyzes Reshid Mediev's project to reform the confessional and state system for the Crimean Tatars. The ideas of Reshid Mediev were aimed at modernizing the education system of the Crimean Tatars in accordance with the needs of the time. The reformed education system opened up new opportunities for the Crimean Tatar youth in the educational space of the Russian state.

Среди работ, отражающие взгляды Решида Медиева по вопросу реформирования системы образования, необходимо выделить «Каковой должна быть начальная образовательная школа для татар?», «Современное положение начальных татарских школ?», «К вопросу об образовании крымских татар», «Выступление при чествовании Исмаила Гаспринского, в связи с 25-летием газеты «Терджиман»».

Сложившая на протяжении столетий система образования крымских татар в конце XIX–начале XX вв. требовала серьезных реформ. По мнению Р. Медиева, это требовали новые общественные отношения и экономическое развитие Крыма. Развитие сельского хозяйства и промышленности напрямую были связаны с качеством образования [1].

По мнению Решида Медиева, система образования находится в крайне неудовлетворительном состоянии и нуждается в коренном преобразовании. Преобразование должно начинаться с того, что все они должны носить общее название, а именно называться мектебами.

Модернизация этноконфессиональной системы образования была в центре внимания Р. Медиева на протяжении всей его короткой и насыщенной на события жизни. Будучи депутатом Государственной Думы второго созыва Российской империи и членом думской комиссии по народному образованию он находил время для работы в свободное время. Так, 31 марта 1907 г. по другим данным 1 апреля в Высшей школе Санкт-Петербурга он выступил с речью на тему «Мусульманская школа в России». В своем выступлении он охарактеризовал положение народного образования российских мусульман, изложил историю конфессиональных мектебов и подверг резкой критике русско-татарские министерские училища. В своем докладе он изложил предложения по реформированию начальной народной школы, придав ей светское начало, всеобщую доступность, обязательность обучения и бесплатный доступ. Также им были высказаны пожелания, чтобы новая школа была так организована, чтобы известное изречение «германский народный учитель победил Францию» претворилось в «российская народная школа одержала окончательную победу над буржуазным миром» [2. С. 3]. Выступление Решида Медиева в части создания в Крыму новых мектебов «усул и джедид» и мектебов рушдие вызвала дискуссию.

Реформа образования по проекту Р. Медиева предполагала кардинальное преобразование школьной системы образования крымских татар. По мнению Решида Медиева, джадидистская модернизация конфессиональной системы образования Исмаила Гаспринского не удовлетворяла требованиям времени. Решение проблемы Решид Медиев видел в коренной реформе всей системы образования [3. Л. 4].

Все существующие типы школ, а их было три, по мнению Решида Медиева, нуждались в радикальных преобразованиях всей системы обучения или создать новый тип школы путем объединения всех типов. В соответствии с этим он предлагал реформировать сельские и городские школы. Так, он предложил объединить сельские и городские конфессиональные учебные заведения для малоимущих и низшие государственные начальные школы. Обучение в данного типа школах предполагалось осуществлять по единым образовательным стандартам на основе разработанных учебных программ в соответствии с требованиями времени. Созданная первая ступень состояла из училищ с четырехгодичным курсом обучения, в которых необходимо было ввести преподавание русского языка и арифметики. Одновременно в программу создаваемых училищ в объеме

преподавания русского языка вводилось мусульманское вероучение и родной язык.

Начальным училищам, по мнению Р. Медиева, нужно было дать то имя, которым мусульмане издревле привыкли называть свои первоначальные учебные заведения. Благодаря этому традиционному и как бы священному для них названию мектеб мусульмане другими глазами будут смотреть на правительственные начальные училища, будут видеть в них нечто свое, нечто им родное и посылать туда своих детей без всякого опасения. От этого только выиграет дело просвещения. Такая мелочь, как название, имеет громадное значение.

Существующие ныне мектебы и переименованные в мектебы открытые в деревнях правительственные начальные училища для татар должны иметь один общий тип, одну общую программу. К программам правительственных училищ нужно прибавить мусульманское вероучение и татарскую грамоту и письма, то есть преподавание татарского языка, по крайней мере в таких же пределах, в каких преподается в них русский язык. Одновременно в мектебах ввести преподавание русского языка и арифметики, согласно программам правительственных училищ. Все они должны иметь четырехгодичный курс.

Р. Медиев был против закрытия мектебов рушдие. Он считал, что они должны войти наряду городскими начальными училищами во вторую ступень реформированной системы образования, с обучением продолжительностью 6–7 лет, и рассчитана на средний класс татарского городского населения. Программа обучения строилась на основе сочетания светских дисциплин – арифметики, естествознания, географии, истории и вероучения, арабского и крымскотатарского языков [4. 1–2].

Преобразование городских начальных училищ для татар должно состоять в том, что они должны служить средним учебным заведениям для детей среднего класса татарского городского населения и приближаться к тому типу существующих в некоторых крымских городах и содержащихся на средства татарских обществ мектебов, известных здесь под именем мектебов рушдие. Для этого необходимо расширить их курс введением в них мусульманского вероучения, татарского и арабского языков, также и некоторых общеобразовательных предметов, как то: география, история, естествоведение и полного курса арифметики. В этих общеобразовательных мектебах курс продолжается 6–7 лет.

Языком для преподавания общеобразовательных предметов в низших классах мектебов второго типа должен быть родной язык учеников, но в высших классах желательно ввести преподавание на русском языке, как язык культурный, на котором можно найти и лучшие учебники для преподавания предметов. С какого класса следует начинать преподавание на русском языке, предоставить решению упомянутой выше комиссии. Во всяком случае, преподавание всеобщей и отечественной истории и объяснительное чтение произведений русской литературы, как прозаических, так и поэтических, должно обязательно вестись на языке русском.

В мектебах низшего разряда, как назначенных для начинающих, преподавание русского языка должен иметь чисто практический характер. Для них наиболее подходящим учебником можно считать учебник Вольпера, составленный специально для инородческих училищ в трех частях. В нем для ознакомления учеников с русской азбукой принят признанный в педагогическом мире наиболее рациональным метод звуковой, облегченный наглядностью при посредстве целесообразных прекрасно исполненных рисунков, которые служат также темой для бесед с учениками, и таким образом метод Вольпера приближается к так называемому естественному методу. С грамматическими формами языка и наиболее важными синтаксическими правилами ученики знакомятся путем искусства составленных кратких фраз.

Учебные программы для учебных заведений, по мнению Решида Медиева, были «самыми жгучими, но вместе с тем далеко еще не решенным вопросом времени». При разработке новых обучающих программ для национальных школ необходимо учитывать педагогические мотивы, учитывавшие отношение к документу народных масс, а также его понимание «более интеллигентных слоев» народа [5. Л. 1].

Р. Медиев приводил примеры типового набора дисциплин в учебных заведениях. Например, в новометодных мектебах изучалась крымскотатарская грамота, чтение Корана и основы мусульманского вероучения. В это же время в мектебе рушдие изучалась крымскотатарская

грамота, а также светские дисциплины как арифметика и геометрия, география, история и восточные языки [6. Л. 4].

Сформированный новый тип начальных учебных заведений включал в себя четырехгодичный курс обучения. Оговаривая срок обучения в 4 года, с учетом быта и традиций крымского села, когда дети были заняты физическим трудом, и родители уделяли недостаточно времени обучения, Решид Медиев считал небольшим [7. Л. 2].

Модернизация системы образования укладывается в доктрину Р. Медиева на основе мысли французского просветителя Жана Массе: «Над всем человеческим развратом, на высоте недостижимого шума битв, царит общая обязанность распространения среди людей образования, на которую все имеют одинаковое право». Национальная элита должна работать для образования своего народа не покладая рук, потому что «само просвещение приводит до общей выгоды, и вместе с этим является наивысшим принципом объединения народов и лишь путем просвещения народных масс становятся доступными те великие общечеловеческие идеи, какими проникнута молодая татарская интеллигенция» [8. Л. 9].

Прогрессивные взгляды Решиды Медиева в вопросе реформирования этноконфессиональной системы образования были направлены на создание двухступенчатой системы образования, сочетающей в себе светские дисциплины с конфессиональным. Идеи Решиды Медиева были направлены на инкорпорацию крымских татар в российское политико-правовое пространство, отвечали духу времени и потребностям крымскотатарского социума.

Список использованных источников:

1. Маади // Каспий. – 1902. – 21. XII. – № 276.
2. Тат Казбич. Доклад члена Государственной Думы от Таврической губернии Р. Медиева // Южные ведомости. – 1907, 5 апреля. – № 77.
3. Центральный музей Тавриды (г. Симферополь). Архивный фонд Решиды Медиева. КП 27005. Д. 9987.
4. Центральный музей Тавриды (г. Симферополь). Архивный фонд Решиды Медиева. КП 27020. Д. 10002.
5. Центральный музей Тавриды (г. Симферополь). Архивный фонд Решиды Медиева. КП 27003. Д. 9985.
6. Центральный музей Тавриды (г. Симферополь). Архивный фонд Решиды Медиева. КП 27005. Д. 9987.
7. Центральный музей Тавриды (г. Симферополь). Архивный фонд Решиды Медиева. КП 27020. Д. 10002.
8. Центральный музей Тавриды (г. Симферополь). Архивный фонд Решиды Медиева. КП 27005. Д. 9987.

УДК 349.4

Шармоянц А. Н.

кандидат юридических наук, доцент,

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

**О ПРОБЛЕМАХ ИНТЕГРАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
В ПРАВОВОЕ ПОЛЕ РФ**

Аннотация. Работа посвящена рассмотрению отдельных проблем и сложностей в обеспечении прав и интересов жителей Республики Крым при переходе из Украинской в правовую систему Российской Федерации на примере обеспечения реализации в РФ отдельных прав, возникших еще при Украине. В качестве примера рассматриваются особенности правового регулирования процедуры завершения оформления права собственности на земельные участки.

Ключевые слова: интеграция, нормотворчество, закон, правовое регулирование, конституционные принципы

Annotation. The work is devoted to the consideration of certain problems and difficulties in ensuring the rights and interests of the inhabitants of the Republic of Crimea during the transition from the Ukrainian to the legal system of the Russian Federation on the example of ensuring the implementation in the Russian Federation of certain rights that arose even under Ukraine. As an example, the features of the legal regulation of the procedure for completing the registration of ownership of land plots are considered.

Keywords: integration, rule-making, law, legal regulation, constitutional principles

С момента вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации прошло уже более восьми лет и, в целом, можно уже констатировать, что самый сложный процесс перестройки и формирования правового фундамента Республики и интеграции его в правовую систему Российской Федерации проходит вполне успешно. Одной из главных задач такой интеграции была в обеспечении прав и интересов крымчан и жителей г. Севастополя в сложный переходный период. Особую актуальность данный восьмилетний опыт приобретает на фоне событий 2022 года и включения в состав Российской Федерации новых субъектов. Учитывая ограниченные рамки, в докладе хотелось бы осветить отдельные проблемы обеспечения прав и интересов жителей Республики Крым при переходе из Украинской в правовую систему Российской Федерации на примере обеспечения реализации в РФ отдельных прав, возникших еще при Украине.

Важнейшую роль в обеспечении прав и интересов новых граждан Российской Федерации в Крыму играло, и безусловно играет сейчас, федеральное законодательство, в частности Федеральный конституционный закон № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» в котором среди прочего установлено, что на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя действуют документы, выданные государственными и иными официальными органами Украины, государственными и иными официальными органами Автономной Республики Крым, без ограничения срока их действия и какого-либо подтверждения со стороны государственных органов Российской Федерации, государственных органов Республики Крым [1].

В то же время Верховный Совет Республики Крым 10 апреля 2018 года своим законом, фактически, в противоречие вышестоящему ФКЗ № 6 (в котором указывалось, что документы, выданные государственными и иными официальными органами Украины действительны без ограничения срока их действия и какого-либо подтверждения со стороны государственных органов), лишил крымчан возможности завершить процедуру оформления в собственность земельных участков, решения на выдачу которых было выдано еще при Украине до 14 октября 2008 года (Закон Республики Крым №481-ЗРК/2018) хотя, в земельном законодательстве Украины, по состоянию на 21.03.2014 г. такое ограничение отсутствовало [2].

В пояснительной записке к законопроекту ЗРК №481 причины ведения такого ограничения отсутствуют, но в законодательстве Украины можно найти положения Закона Украины от 16.09.2008 г. №509-VI «Про внесения изменений в некоторые законодательные акты Украины о содействии строительству», в которых также устанавливалось аналогичное ограничение. Интересующая нас часть ЗУ №509-VI вносила изменения в Земельный Кодекс

Украины (в ст. 118, ст. 151). В ст. 151 ЗКУ устанавливалось, что срок действия разрешения на разработку проекта отвода составляет 1 год и может быть продлено однократно на такой же срок после чего решение считается аннулированным. Таким образом, для вновь принятых решений, устанавливался максимальный срок их действия продолжительностью в 2 года. Относительно же уже принятых решений (до вступления в силу ЗУ №509-VI) также устанавливалось двухлетнее ограничение их действия, начиная с 14.10.2008 г. (вступления в силу ЗУ №509-VI) [3].

Таким образом, с 2008 года в Украине органы местного самоуправления и органы исполнительной власти, при решении вопросов о даче разрешения на разработку проектов землеустройства, устанавливали срок на их реализацию в один или два года, после чего решения автоматически аннулировались. Однако, Законом Украины от 5 ноября 2009 года № 1702-VI «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины по упрощению порядка приобретения прав на землю» статья 151 Земельного Кодекса Украины была изложена в новой редакции, в соответствии с которой органы местного самоуправления и органы исполнительной власти при решении вопросов о даче разрешения на разработку проектов землеустройства **не были наделены полномочиями по установлению сроков действия таких решений**, были отменены нормы, регулирующие срок действия разрешения на разработку проекта отвода земельного участка [4].

Фактически, с вступлением в силу 10 декабря 2009 года ЗУ № 1702-VI, решения органы местного самоуправления и органы исполнительной власти о даче разрешения на разработку проектов землеустройства **стали снова бессрочными**, как это и было до принятия в 2008 году ЗУ №509-VI. Соответствующие изменения были внесены в 2009 году в ст. 118 и 151 Земельного Кодекса Украины (редакция ЗКУ от 10.12.2009 г.) и не менялись до вступления Республики Крым в состав Российской Федерации 18 марта 2014 г.

Таким образом, законодатель Республики Крым, приняв ЗРК №481-ЗРК/2018, необоснованно, в противоречие вышестоящему ФКЗ № 6, произвольно, без каких-либо объективных характеристик и оснований с 10 апреля 2018 года лишил жителей Республики Крым права на завершение процедуры оформления в собственность земельных участков. Нарушен был и конституционный принцип равенства, в соответствии с которым граждане фактически лишены возможности завершить оформление права собственности на земельные участки только лишь потому, что они обратились после 10 апреля 2018 года (после принятия ЗРК №481), или же по аналогии получили разрешение до 14.10.2008 года, а не после.

С учетом вышеизложенного важное значение представляет позиция Верховного Суда РФ, по делу со схожими обстоятельствами. В кассационном определении по делу № 127-КАД21-25-К4 от 26 января 2022 г. он отметил, что принцип равенства всех перед законом, как неоднократно отмечал и Конституционный Суд Российской Федерации, гарантирует одинаковые права и обязанности для субъектов, относящихся к одной категории, и не исключает установление различных условий для различных категорий субъектов права; такие различия, однако, **не могут носить произвольный характер, они должны основываться на объективных характеристиках соответствующих субъектов**.

По рассмотренному ВС РФ делу № 127-КАД21-25-К4 граждане, которым выданы разрешения на составление проектов землеустройства до 10 декабря 2009 г., фактически лишены возможности завершить оформление права собственности на земельные участки в порядке части 1 статьи 13 Закона Республики Крым от 31 июля 2014 г. № 38-ЗРК, поскольку на момент вступления в силу Федерального конституционного закона 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ срок действия указанных разрешений истек. В то же время граждане, которым аналогичные разрешения выданы после 10 декабря 2009 г. (после принятия ЗУ № 1702-VI), имеют право на завершение процесса оформления земельных участков в собственность, так как срок действия упомянутых разрешений органами власти установлен не был, нарушает Конституционный принцип равенства.

Таким образом, несмотря на то, что в целом сложнейший процесс перестройки и формирования правового фундамента Республики и интеграции его в правовую систему Российской Федерации проходит вполне успешно, но существуют и проблемы в вопросах обеспечения прав и интересов крымчан. Что примечательно, как приведено в примере выше, проблемы эти возникают не на федеральном уровне, а непосредственно на уровне законодателя Республики Крым. Конечно, Республике Крым проходит в кратчайшие сроки путь, на который другие республики РФ потратили гораздо больше времени, сложный путь по интеграции в законодательство РФ. В такой деятельности нужно не забывать, что одной из основных задач законодателя, является обеспечение прав и интересов граждан, а правовое регулирование отношений должно быть объективно необходимым и достаточным. В обеспечении прав и интересов граждан руководствоваться необходимо в том числе и базовыми конституционными принципами, избегая крайностей, таких как излишняя зарегулированность отношений особенно там, где в этом нет никакой объективной необходимости, избегать формализма и более тщательно осуществлять подготовительные мероприятия, чтобы при анализе принятых законодательных актов и пояснительных материалов к ним у заинтересованных лиц была возможность четко понимать цели и задачи законодателя, а в отдельных случаях и оспаривать их.

Список использованных источников:

1. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя». СПС «Гарант»

2. Закон Республики Крым от 10 апреля 2018 года № 481-ЗРК/2018 «О внесении изменений в статью 13 Закона Республики Крым «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым». СПС «Гарант»

3. Закона Украины от 16.09.2008 г. №509-VI «Про внесения изменений в некоторые законодательные акты Украины о содействии строительству». Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/509-17/ed20080916#Text>

4. Закон Украины от 05.11.2009 № 1702-VI О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины об упрощении порядка обретения прав на землю. Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1702-17#Text>

УДК 340.134

Шевчук И.А.

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

СПЕЦИФИКА ЭЛЕМЕНТОВ НОРМЫ ПРАВА: ТЕОРИИ И ИДЕИ ЕЕ СТРУКТУРИРОВАНИЯ

Аннотация. Нормы права представляют собой правовые конструкции, которые направлены на урегулирование либо охрану общественных отношений. Структурное построение правовой нормы раскрывает ее сущность и дает возможность для выработки

разумного представления о свойствах этой нормы и определения её как одного из главных элементов права в рамках правосознания и правопонимания. Анализируя концепции и идеи построения нормы права автор затрагивает вопрос о необходимости каждого из элементов, определяя их специфику.

Ключевые слова: норма права, структурные элементы нормы права, гипотеза, диспозиция, санкция, концепция.

Annotation. Rules of law are legal structures that are aimed at regulating or protecting social relations. The structural construction of a legal norm reveals its essence and makes it possible to develop a reasonable idea of the properties of this norm and define it as one of the main elements of law within the framework of legal consciousness and legal understanding. Analyzing the concepts and ideas of building a rule of law, the author raises the question of the need for each of the elements, defining their features.

Key words: rule of law, structural elements of the rule of law, hypothesis, disposition, sanction.

Норма права, являясь правовой конструкцией, направлена на урегулирование и охрану общественных отношений. Она является частью не только теоретических знаний и размышлений, но и имеет своё практическое применение. С учетом всех языковых способов моделирования нормативно-правовых актов, способность определения в них правовых предписаний, отнесенных к определенной правовой норме, невозможно без установления последовательности ее структурных элементов.

Данный вопрос имел место для дискуссий еще в дореволюционный период. Среди ученых, интересовавшихся проблемой структурного положения правовой нормы, можно выделить А.Ф. Черданцева, Е.Н. Трубецкого, В.М. Хвостова, В.Н. Протасова.

В дореволюционной юридической литературе главенствующую роль играла двухэлементная структура нормы права. Она включала в себя либо гипотезу и диспозицию, либо диспозицию и санкцию. Самым дискуссионным был вопрос о включении санкции в структуру правовой нормы.

По мнению Н.М. Коркунова, являющегося сторонником концепции о двухчленном строении нормы права, санкция не может быть рассмотрена как неотъемлемый элемент правовой нормы. Ученый настаивал на том, что предписания и принуждения должны выступать самостоятельными правовыми нормами. Согласно идее Н.М. Коркунова представленные нормы-санкции по своей сути подразделяются на нормы, которые: 1) признают деяния нарушителя крайне незначительными; 2) влекут невыгодные для нарушителя последствия, которые выражены в виде взыскания либо наказания; 3) предусматривают неблагоприятные для нарушителя последствия, в свою очередь которые признают правовую значимость за неправомерным действием. [3]

Будучи единомышленником Н.А. Зверева, Н.М. Коркунов настаивает на важности двух структурных элементов правовой нормы – гипотезы и диспозиции. Это объясняется и в самом ее понятии, где говорится о том, что как веление норма с необходимостью содержит соответствующие распоряжения, а ее применение всегда обусловлено предшествующими юридическими фактами – условиями, перечисленными в гипотезе. Согласно учению Н.М. Коркунова, тем не менее, считающийся важным запрет посягательства на человеческие жизни, обусловлен ситуациями войны, необходимой обороны, а также осуществления карательной власти государства. [2]

Сторонником положения о том, что норма права не должна содержать в себе такой элемент как санкция, выступал В.М. Хвостов. Автор наделял эту идею другим объяснением. По его мнению «правовая норма – это норма поведения, взятая под защиту государственной властью». В.М. Хвостов утверждал, что отдельные нормы могут существовать без санкций,

аргументируя это тем, что для того, чтобы привести в исполнение наказание, необходим определенный орган, который в данном случае отсутствует. Примером служат нормы, которые устанавливают положение высших органов государства, их права и обязанности. [3]

Большинство авторов дореволюционной эпохи, выступающих за идею двухэлементной структуры правовой нормы, указывали на санкцию, как самостоятельную норму права и ее отчужденность от нормы права. Практически каждый автор преподносил очерки своего доктринального обоснования, касательно числа структурных элементов в норме права. Однако, теоретики советского периода обосновывали и противоположную мысль. Они утверждали, что норма права должна содержать в себе все три элемента, и, отсутствие хотя бы одного из них полностью разрушало логически построенный механизм для правопонимания. Таким образом мнения авторов разделилось на два направления: поддерживавших теорию о трехэлементной структуре и поддерживающих теорию о двухэлементной структуре правовой нормы.

Говоря о трехэлементной структуре правовой нормы следует подчеркнуть, несмотря на то, что она является классическим примером, в добавок оказалась наиболее логически приемлемой и используется по сей день. На данном этапе она является аксиомой в научной среде. Данная теория была обоснована учеными-правоведами С.А. Голунским и М.С. Строговичем и представлена в учебнике советского периода по теории государства и права в 1940 году. Данная структура включает в себя гипотезу, диспозицию и санкцию. Концепция трехэлементной структуре правовой норм была воплощена посредством позитивистской уверенности в государственном принуждении как особом признаке права. Отсюда берут свои корни убеждения о том, что санкция – неотъемлемый элемент правовой нормы. Вполне допустимым является выражение авторов о том, что санкция, даже не упоминаясь в тексте закона, может «вытекать из него». [4]

Среди теоретиков-правоведов дискуссии на тему количества структурных элементов правовой нормы не прекращался.

Так, согласно взглядам В.Н. Протасова, допустимо существование правовых норм как с двумя, так и с тремя элементами. Но сам автор предполагал, что наиболее целостной считается четырехэлементная правовая норма. В классической концепции для наступления правоотношений в норме права можно лишь определить необходимые обстоятельства (гипотезу) и возникающие из них правовые последствия (диспозицию). Однако, как говорил В.Н. Протасов: «правоотношения могут возникать не только из диспозиции, но и в ходе действия самой санкции, которая в свою очередь должна быть определена условиями ее применения». Из этого становится понятно, что логически завершенной по своему составу правовая норма становится лишь тогда, когда включает в себя четыре элемента: «если..., то..., а если..., то». Но и здесь можно проследить возвращение к двухэлементной структуре правовой нормы. [3]

Хорошо нам известную структуру «если..., то..., иначе», можно рассмотреть на примере повседневной жизни. Если студент пишет статью для научной конференции, то он должен выполнить ряд условий, указанных в информационном письме, а иначе статью не примут в печать. То есть, необходимо выполнение строго установленных условий, требующих своего выполнения.

Но имеют место быть не только ситуации с негативными последствиями, но и с положительными. Существует, набирающая свою популярность, тенденция, согласно которой санкции могут быть рассмотрены в нейтральном аспекте, даже не смотря на императивный характер уголовного права. Так, реализуются поощрительные санкции. Например, осужденный, попавший в места лишения свободы, и, в процессе своего отбывания, за свое хорошее поведение и не имеющий нареканий со стороны исправительного учреждения, может подлежать условно-досрочному освобождению. То есть положительная санкция – своего рода юридическое одобрение поведенческого параметра субъекта. [6]

Если рассматривать конкретно уголовно-правовые нормы, то среди ученых-правоведов, опять же раскрывают свою сущность предположения о двухзвенной структуре таких норм-правил, которые включают в себя нормы, определяющие запрет и наказание за несоблюдение данного запрета. И, возвращаясь к трехзвенной структуре, противники двухзвенной теории трактуют мысль, о том, что необходимо включение гипотезы адресата нормы или перемещение элементов между собой. К примеру, путем добавления к гипотезе части диспозиции, что является ключевым в формировании трехэлементной структуры правовой нормы.[5]

Данную теорию можно рассмотреть на примере статьи 158 УК РФ. Формулировка звучит следующим образом: Кража, то есть тайное хищение чужого имущества. [1]

Согласно формуле «если...,то...,иначе», если – вы вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, то – нельзя совершать кражу, иначе – последует наказание в виде... . Из этого следует, что положение о добавлении указывает на тот факт, что наличие четырехэлементной структуры правовой нормы является не совсем рациональным решением, в этом нет необходимости.[7]

Стоит сказать о том, что в современной теории права также имеет место быть еще одна идея структурного построения правовой нормы. Здесь уже прослеживается мысль о разделении «юридических» и «правовых» норм. Речь идет о том, что правовые нормы определяют область правосознания и имеют абстрактный характер, а юридические же в свою очередь относятся к системе законодательства и обладают свойством определения варианта поведения. Из этого следует, что вопрос о структуре данных норм все еще остается открытым.

Так или иначе, самой устоявшейся и наиболее допустимой считается концепция трехэлементной структуры правовой нормы, более того, на данном этапе развития теории права, она применяется большинством. Но все таки, даже будучи логически завершенной, действующая структура нормы права, все же имеет свои перспективы для развития и совершенствования. Возможно, законодатель в будущем сможет предложить новую структуру, которая будет более актуально отображать состояние норм законодательства вне зависимости от их отраслевой направленности.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. Илалутдинов А. И. Структура нормы права и первичные правовые средства: вопросы соотношения // Russian Journal of Economics and Law. 2012. №1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-normy-prava-i-pervichnye-pravovye-sredstva-voprosy-sootnosheniya>.
3. Малиновская Наталья Владимировна Структура правовой нормы: становление конструкции // Вестник ВИ МВД России. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-pravovoy-normy-stanovlenie-konstruktsii>.
4. Попов Виктор Викторович К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ПРАВОВОЙ НОРМЫ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. №1 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-strukture-pravovoy-normy>.
5. Петропавловский А.И. Структура уголовно-правовой и уголовно-процессуальной нормы. Универсальность трехзвенной модели. Формальная логика и условность интерпретации элементов правовых норм // Вестник ВУиТ. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-ugolovno-pravovoy-i-ugolovno-protsessualnoy-normy-universalnost-trehzvennoy-modeli-formalnaya-logika-i-uslovnost>.

6. Сумачев А. В. О структуре уголовно-правовой нормы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. №4 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ugolovno-pravovoy-normy>.

7. Шевченко Е. В. К вопросу о структуре уголовно-правовой нормы // Проблемы законности. 2012. №118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-strukture-ugolovno-pravovoy-normy-1>.

УДК 342.7

Шестакова Д. А.

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ ФЕМИНИЗМА В РОССИИ И США: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье исследуется история феминистического движения в России и США, его закрепления в Конституциях стран. На основе сравнительного анализа рассматривается проблема списка запрещенных профессий для женщин в России и необходимость его отмены.

Annotation. The article examines the history of the feminist movement in Russia and the USA and its anchoring in the constitutions of the countries. On the basis of a comparative analysis, the problem of the list of banned professions for women in Russia and the need to abolish it are examined.

В современном мире все чаще приходится говорить о таком социальном движении, как феминизм. Автором термина «feminisme» является Шарль Фурье, французский философ. Он был уверен, что расширение женских прав – основной источник социального прогресса [1, с. 15].

В обобщенном формате движение за равноправие можно разделить на три «волны».

Первая волна (конец XIX начало XX века) характеризуется движением суфражисток. Поднимается тема полового неравенства на законодательном уровне, происходит борьба за избирательные права, доступ к образованию. В итоге, в 1920 году, женщины получили избирательное право (XIX поправка к Конституции США).

Вторая волна (начавшаяся с середины 1960-х годов) основывается на осознании необходимости реформирования законодательства в отношении женских прав, важности закрепления этой идеи в общественном строе (социологический подход к пониманию права), искоренения проблем «второй смены», то есть официальной и домашней занятости женщин, домашнего насилия. Именно в этот период феминизм делится на два основных направления: радикальный и либеральный.

Третья волна (начавшаяся с 1990-ых годов) характеризуется более глубоким пониманием не только проблематики гендерного неравенства, но и других форм дискриминации людей. Главенствует идея изменения образа человеческого мышления, отделения его от устаревших общественных стереотипов для дальнейшего развития, фактической реализации принципа справедливости.

В нашей стране идеи равноправия стали распространяться после Великой французской революции. Во второй половине XVIII века благодаря деятельности Екатерины II, Е. Р.

Дашковой и других ярких персон того времени сформировался образ женщины, готовой принимать активное участие в политике государства и общественной жизни. В 1812 году под покровительством супруги Александра I было создано «Женское патриотическое общество», положившее полноценное начало для развития политических прав женщин. Однако в общественной среде периода XIX века все еще сохранялась консервативно-патриархальная концепция, несмотря на предпринимаемые попытки повысить социальную значимость женщин в обществе. Особенно ярко данная концепция была показана М. Л. Михайловым в его популярной статье «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе» [2, с. 214]. После отмены крепостного права в 1861 г. появился новый виток женского движения, которое на фоне реформации политико-правовых сфер жизни страны стремилось к преодолению половой дискриминации, однако многие передовые участники общественных движений не поддерживали инициативу закрепления в Конституции избирательного права женщин.

В дальнейшем полноценное развитие тема феминизма получила в XX веке. Важной представительницей движения за равноправие стала Н. К. Крупская, идеи которой в дальнейшем были закреплены в политической программе РСДРП. В сравнении с США, рывок в развитии прав женщин был совершен СССР: в Конституции 1918 года закрепилось избирательное право женщин, юридическое равноправие мужчин и женщин. Тем не менее В. И. Ленин не считал феминизм актуальной проблемой анализируемого периода, уделяя больше внимания классовому, политическому неравенству. Он считал, что после решения этих вопросов автоматически решится и вопрос равноправия, из-за чего дальнейшая законодательная трансформация данной идеологии не происходила вплоть до времени правления И. В. Сталина. В тот период была закреплена идея «матери-работницы», которая провозгласила эмансипацию женщин, однако установила рабское положение женщины в сравнении с мужчинами в связи с необходимостью трудиться на официальной работе и домашней. Хотя проводимые реформы можно расценить, как прорыв в борьбе за равноправие, на тот момент кардинальных улучшений в политико-правовом статусе женщин не наблюдалось, Советский Союз не ушел от понимания женщины в качестве «хранительницы очага», и на некоторое время остановил теоретическую разработку новых документов, посвященных равноправию.

Во время «второй волны» феминизма в США, оглашения проблем равноправия и появления новых течений феминизма, в СССР начали ослаблять контроль над женщинами, к примеру был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещения абортов», также выпускались различные периодические журналы в самиздате [3, с. 83]. В дальнейшем, под влиянием третьей волны феминизма в США, в СССР снова стали возникать общественные организации, освещающие проблемы равноправия. Последние отразились в Конституции 1993 года, принятой на основании положений международных договоров и конвенций, к примеру Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года. В самой Конституции гендерное равноправие было закреплено в статье 19, гласившей, что «мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации», к тому же в части 3 статьи 37 гарантировалась право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации [4]. Тем не менее Конституция не дает достаточных гарантий для преодоления проблемы гендерного неравенства: по данным на 2022 год, зарплата женщин почти на двадцать тысяч рублей меньше, чем у мужчин [8].

На данный момент движение за равноправие в США имеет большой успех за счет общественной огласки, которая приводит к реформированию системы законодательства. В России же феминистические организации разобщены и не представляют собой достаточной силы для влияния на законодательные акты. Важным показателем отставания России в вопросах правового регулирования гендерного равенства является список запрещенных профессий для женщин, отсутствующий в США [7]. По мнению директора Департамента условий и охраны труда Минтруда РФ В. А. Коржа, дискриминацией перечень не является — это лишь забота о женщинах «с учётом физиологических особенностей их организма» [5]. По

мнению автора, несмотря на сокращение количества запрещенных профессий с 456 до 100, данный список является показателем гендерного неравенства и противоречит пониманию прав и свобод человека и гражданина. Запрет на определенные виды деятельности часто исходит из понимания необходимости сохранения «репродуктивных функций» женщины, однако стоит учитывать, что есть ряд случаев, когда женщина по физиологическим или личным соображениям не хочет или не может иметь детей. В данном случае запрет не имеет никакой функциональной направленности, нарушает свободу выбора человека на вид профессиональной деятельности [4, ст. 37].

В заключение стоит отметить, что проблема равноправия приобретает все большую огласку в современном обществе, в том числе и на уровне государственных органов. Так Правительством Российской Федерации было выпущено распоряжение на 2017-2022 годы «Национальная стратегия действий в интересах женщин» [6]. Данный документ подчеркивает наличие гендерного неравенства в стране и реализует политику по его преодолению.

Список использованных источников:

1. Третьякова, А. А. История формирования феминистского движения / А. А. Третьякова // Символ науки: международный научный журнал. – 2018. – № 11. – С. 15-18. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36547757&ysclid=19o5933zl755014357>. – Режим доступа: по подписке. – Текст: электронный.
2. Петров, А. В. Возникновение женского общественно-политического движения в России и его роль в становлении правового статуса женщин в дореволюционный период / А. В. Петров, Ю. В. Кокорева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2008. – № 3. – С. 213-219. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11838256&ysclid=19o67e8u4c171808806>. – Режим доступа: по подписке. – Текст: электронный.
3. Коновалова, А. П. Тренды феминизма и российское общество / А. П. Коновалова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2022. – № 1. – С. 80-88. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48106034&ysclid=19o8dupewz604649805>. – Режим доступа: по подписке. – Текст: электронный.
4. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>. – Текст: электронный.
5. Минтруд: ограничения по труду для женщин в РФ - не дискриминация // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20150911/1244501794.html?ysclid=19o9exsur1117833346>. – Текст: электронный.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.03.2017 № 410-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017 – 2022 годы» // Минтруд России. – URL: <http://static.government.ru/media/files/njlkIvH7WCvOYRmcucV4jdNihEmTOUe.pdf>. – Текст: электронный.
7. Приказ Минтруда России от 18.07.2019 N 512н (ред. от 13.05.2021) "Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин" // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331608/. – Текст: электронный.
8. В незарплатном долгу: заработок женщин в РФ оказался на треть ниже, чем у мужчин // Известия iz. – URL: <https://iz.ru/1363088/iuliia-eliseeva/v-nezarplatnom-dolgu-zarabotok-zhenshchin-v-rf-okazalsia-na-tret-nizhe-chem-u-muzhchin?ysclid=19pzalgn1173505495>. – Текст: электронный.

УДК 347

Казанцева Е. В.

кандидат юридических наук

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь***Казанцев А. Ю.***КрФ ФГБОУВО «РГУП», г. Симферополь***ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Аннотация. В статье авторами проанализированы теоретические и практические аспекты освобождения от гражданско-правовой (договорной и внедоговорной) ответственности, рассмотрены особенности каждой из них, в том числе их отличие. Проанализированы обстоятельства, по которым допускается освобождение от ответственности.

Annotation. In the article, the authors analyzed the theoretical and practical aspects of exemption from civil (contractual and non-contractual) liability, considered the features of each of them, including their difference. The circumstances under which exemption from liability is allowed are analyzed.

Гражданско-правовая ответственность, как один из древних институтов, сегодня характеризуется плюрализмом понятий в научной литературе, суть которых сводится к тому, что это форма принуждения (государственная) направленная на восстановление прав и интересов других лиц, участвующих в гражданских правоотношениях. В теоретическом и практическом аспекте гражданско-правовая ответственность основана на автономном режиме функционирования в гражданском праве без учёта использования на практике комплексных общественных отношениях, регулируемых различными отраслями права.

Как известно гражданские правоотношения возникают на договорной и внедоговорной основе, что является и основой ответственности за нарушения.

Внедоговорная ответственность (деликтная ответственность) – это один из видов ответственности из причинения вреда, которому: во-первых, присущ аномальный характер, так как они возникают помимо воли участников этих правоотношений; во-вторых, не по воле, а преимущественно вопреки воле субъектов правоотношений; в-третьих, законодатель закрепил исчерпывающий перечень деликтной ответственности. Законодательство предусматривает, что причинение вреда является противоправным, если законом не предусмотрено иное, однако теоретические аспекты гражданского законодательства указывают, что вред, который причинён вследствие правомерных действий, также подлежит возмещению. Презумпция противоправности состоит в том, что в суде правомерность своих действий доказывает только ответчик, в то время как у истца есть основания требовать имущественной компенсации – наличие вреда. При этом действия, которые были совершены в состоянии необходимой обороны, не будут являться противоправными, и правонарушитель не будет нести ответственность. В отличие от других отраслей права, в гражданском праве понятие необходимая оборона намного шире, поскольку относимость действий не включается в себя совокупность состава преступления, а имеет характерные черты правонарушений. Соответственно, не будет являться необходимой обороной действия, которые способствуют повышению характера нарушения. Гражданское законодательство закреплено, что не

подлежит возмещению вред, причинённый в состоянии необходимой обороны, если не были превышены её пределы (ст. 1066, 1067 ГК РФ) [1, с. 96-103].

На основания освобождения от внедоговорной ответственности влияет вина, которую законодатель соотносит через такие формы как неосторожность и умысел (ст. 401 ГК РФ). Вина – это осознанное психическое отношение правонарушителя к своему противоправному поведению, которая, несомненно, будет выражаться в безразличии к интересам государства и общества. Несмотря на то, что законодатель не указывает вину как психическое отношение, данное понятие уже подразумевает собой как субъективная психическая категория [2, с. 109].

Помимо вышеперечисленных обстоятельств, которые предусматривают исключение гражданско-правовой ответственности, есть иные основания от её освобождения. Так основанием для освобождения от различного вида мер гражданско-правовой ответственности будут являться юридические факты, которые служат как основанием возникновения ответственности, так и связывает полное или частичное освобождение лица нести ответственность за совершение правонарушения.

Что касается договорной ответственности, то она предполагает ответственность в рамках заключенного договора, с учетом действующего законодательства.

Анализируя основания освобождения субъекта от договорной ответственности, следует отметить, что они могут быть закреплены как в законе, так и в договоре. Одним из видов основания освобождения от договорной ответственности, закреплённых в законе, является форс-мажорные обстоятельства или непреодолимая сила – представляет собой действие, которое при определённых обстоятельствах является непредотвратимым и чрезвычайным. Она [непреодолимая сила] для должника характеризуется внешними обстоятельствами, которые при наличии чрезвычайности и непредотвратимости выявляется в непреодолимую силу. При ее возникновении вопрос о том, совершило ли лицо действия, нарушающие договорные отношения является нецелесообразным, а с целью изучения как основания освобождения от договорной ответственности суды должны признать, являются ли обстоятельства непредотвратимыми и чрезвычайными. Некоторые правоведы предполагают непредотвратимые обстоятельства тогда, когда не только определённое договором лицо не может предотвратить его, но и для других лиц оно также является непредотвратимым. Чрезвычайными же обстоятельства считаются как события, так и действия, которые будут являться для всех исключительными. Непреодолимая сила даёт понятию понимание мощных и выходящих из ряда вон явлений [3, с. 102-104].

Непреодолимой силой при определённых обстоятельствах может считаться обман, о котором лицо не знало и не могло знать или подозревать и(или) заблуждение, когда лицо сформировало неправильное представление о договоре, которую оно совершило и(или) угроза, то есть намеренное запугивание лица, с помощью психического воздействия на него. Следует отметить, что непреодолимая сила отличается от случайного причинения вреда, тем что оно описывается как субъективная неизбежность, при этом сама непреодолимая сила является объективной непредотвратимостью. Описывая непреодолимую силу, лицо не могло знать и не знало о том, что была возможность наступления неблагоприятных последствий, однако если бы лицо знало о том, что может произойти, то смогло бы применить какие-либо средства для их устранения.

К основаниям освобождения от гражданской ответственности, можно также отнести: 1) причинение вреда лицом при осуществлении им права или исполнении обязанности (уничтожение животных с целью предупреждения эпизоотии, повреждение имущества при тушении пожара и т.д.); 2) причинение вреда по просьбе или с согласия потерпевшего (если потерпевший мог распоряжаться принадлежащим ему правом (благом), не нарушая нравственных принципов общества, например, согласие собственника на уничтожение принадлежащей ему вещи, которая не представляет большой ценности, исключает ответственность лица, причинившего убытки; 3) ответственность лица может исключаться действиями третьих лиц, умысел потерпевшего (п. 1 ст. 963 ГК РФ, который предусматривает

освобождение страховщика от обязанности выплатить страховое возмещение, если страховой случай произошел вследствие умысла страхователя, выгодоприобретателя или застрахованного лица) и так далее.

Подводя итог, отметим что, несмотря на закрепленные законодателем и(или) субъектами правоотношений основания освобождения от гражданско-правовой ответственности (договорной или внедоговорной), на практике чаще всего имеет место освобождение должника от ответственности по двум основаниям: во-первых, если в действиях данного лица отсутствует вина – фактическая ситуация, а во вторых, вследствие неисполнения обязательства – юридическая невозможность исполнения взятых на себя обязательств. Стремительная динамика общественных отношений в мире, в том числе в России, требует от законодателя своевременного внесения изменений и дополнений в действующее гражданское законодательство с целью обеспечения равенства сторон, в том числе для защиты нарушенных прав и своевременного и действенного привлечения к гражданско-правовой ответственности виновных субъектов.

Список использованных источников

1. Казанцева, Е. В. К вопросу об институтах необходимой обороны и крайней необходимости в деятельности органов внутренних дел / Е. В. Казанцева, Т. С. Тохтаров // Актуальные вопросы права и правоприменения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ставрополь, 25 октября 2019 года. – Ставрополь: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2020. – С. 96-103

2. Исупова, Е. А. Влияние вины на снижение и освобождение от внедоговорной ответственности / Е. А. Исупова // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2019. – № 3. – С. 108-112.

3. Фролов, А. И. О чрезвычайных обстоятельствах в гражданском праве / А. И. Фролов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – № 3(9). – С. 101-106

УДК 342.9

Шильнов Н.Н.

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Аннотация: Правонарушения, совершаемые в налоговой сфере, являются одними из самых распространенных правонарушений. Анализ законодательства позволяет сделать вывод об отсутствии системного подхода к правовому регулированию ответственности за правонарушения в налоговой сфере. В статье выделяются актуальные проблемы привлечения к административной ответственности за правонарушения в сфере налогообложения.

Annotation: Offenses committed in the tax sphere are one of the most common offenses. An analysis of the legislation allows us to conclude that there is no systematic approach to the legal regulation of liability for offenses in the tax sphere. The article highlights the actual problems of bringing to administrative responsibility for offenses in the field of taxation.

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях определяются признаки, лежащие в основе наступления административной ответственности за правонарушения. В частности, привлечение к административной ответственности возможно только при совершении деяний, охватываемых положениями КоАП РФ или законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

При этом, «в законодательстве об административных правонарушениях не зафиксированы некоторые налоговые правонарушения, закрепленные Налоговым кодексом РФ, и правонарушения, установленные Бюджетным кодексом РФ, что послужило причиной выделения таких разновидностей юридической ответственности, как налоговая и бюджетная ответственность» [1, с. 21]. Однако, решению проблемы ответственности за налоговые правонарушения это не способствовало. Также актуальным для исследования выступает вопрос дублирования нормативных положений в КоАП РФ и Налоговом кодексе РФ, связанных с налоговыми правонарушениями, за одни и те же правонарушения для юридических лиц наступает налоговая ответственность, а для должностных лиц - административная ответственность.

Несмотря на схожесть и единство правовой природы санкций налогового и административно-деликтного законодательства, они представляют собой различные средства влияния на общественные отношения.

При одном правонарушении законодателем искусственно создано несколько механизмов привлечения к юридической ответственности. От привлечения к двойной юридической ответственности предостерегает Конституционный суд в п. 4 Постановления от 04.02.2019 N 8-П [2].

О.В. Пономарев и Л.А. Гранева обращают внимание на следующую ситуацию: «в случае совершения административного правонарушения в сфере налогообложения бухгалтером, работающим на основании договора оказания бухгалтерских услуг, административная ответственность наступает для юридического лица, которому оказываются данные услуги, и должностного лица этой организации» [3, с. 164]. Данное основание указано в п. 24 Постановлении Пленума Верховного Суда от 24.10.2006 № 18 [4] и в письме Минфина от 13.10.2016 № 03-02-08/59759 [5].

В данном случае исследователями справедливо отмечается непродуманная процедура привлечения к ответственности, предполагающая наступление ответственности для субъектов, не совершавших правонарушение.

Отмеченные казусы, порожденные законодателем, легли в основу дискуссий научно-практического характера, вышедших уже на институциональный уровень. Так, Е.В. Овчаров указывает, что «административная ответственность за налоговые правонарушения не систематизирована. К примеру, наряду с КоАП РФ, она также установлена в НК РФ в отношении субъектов налоговых правоотношений» [6, с. 32-33].

Данный факт объясняется отсутствием преемственности и необходимых взаимосвязей правового регулирования мероприятий налогового контроля, на основании которых устанавливается юридическая ответственность, и административно-деликтным и уголовным производством по делам о налоговых правонарушениях и преступлениях.

Это дает основание для специалистов в области финансового права говорить о наличии отраслевой юридической ответственности, к которой относится и налоговая ответственность.

Необходимо отметить ряд противоречий в положениях ст.ст. 15.3 - ст. 15.9, 15.11 КоАП РФ, устанавливающих административную ответственность должностных лиц юридического лица за правонарушения в налоговой сфере. Наличие противоречий обусловлено

бессистемным построением бюджетного, административно-деликтного и налогового законодательства, дублированием нормативных положений, что на наш взгляд недопустимо.

В настоящее время практика правоприменения использует подходы, согласно которым должностные лица привлекаются к административной ответственности по ст. 15.11 КоАП РФ, если юридическое лицо является налоговым нарушителем по ст.ст. 120 и 122 НК РФ. Имеет место различная формулировка диспозиций данных норм в КоАП РФ и в НК РФ, лежащих в основании ответственности, что является недопустимым [7, с. 134].

Имеют место также различия в санкциях, которые определены в административно-деликтном и налоговом законодательстве. Если конечный размер административного штрафа из санкции нормы КоАП РФ определяется судом, исходя из обстоятельств правонарушения, тогда как штраф, закрепленный в законодательстве о налогах и сборах, фиксированный и не может дифференцироваться в зависимости от тяжести правонарушения.

Думается, что указанное не способствует эффективной правоприменительной деятельности и требует разрешения. Для этого следует, предварительно переработав нормативные положения об административной ответственности в налоговой сфере, систематизировать их в одном правовом акте. На сегодняшний день не целесообразно создавать множественные правовые нормы, предусматривающие административную ответственность должностных лиц – руководителей организаций в налоговой сфере.

Таким образом, мы считаем необходимым отказ от дуализма нормативно-правового регулирования административной ответственности в сфере налогообложения. Иначе можно констатировать нарушение единства института административной ответственности, несоблюдение принципов административной ответственности, отступление от режима законности при привлечении к административной ответственности в сфере налогообложения. Для этого целесообразно предварительно, переработав нормативные положения об административной ответственности в налоговой сфере, систематизировать их в отдельной главе Особенной части КоАП РФ.

Список использованных источников:

1. Кононов К.А. Развитие законодательства об административной ответственности в России // Lex russica. 2018. № 1. С. 21 - 24.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.02.2019 N 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 15.33.2 КоАП РФ в связи с жалобой гражданки У.М. Эркеновой» // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/.
3. Пономарев О.В., Гранева Л.А. Некоторые проблемы административной ответственности должностных лиц за нарушения российского законодательства о налогах и сборах // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 2 (27). С. 164 - 167.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 N 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/.
5. Письмо Минфина России от 13.10.2016 N 03-02-08/59759 "О привлечении к ответственности в случае представления организацией налоговых деклараций (расчетов) через представителя" // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/.
6. Овчарова Е.В. Обеспечение законности в области налогов и сборов и административная ответственность за нарушение налогового законодательства // Административное право и процесс. 2018. № 11. С. 31 - 38.
7. Цаплина Е.С., Петречук А.С. Административная ответственность за правонарушения в сфере налогов и сборов // Научно-аналитический экономический журнал. 2022. № 4 (15). С. 127 - 143.

УДК 341.43

Шумиленко А. П.

кандидат юридических наук, доцент,

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

О ЧЁМ МОЛЧИТ СОВРЕМЕННАЯ ДОКТРИНА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА БЕЖЕНЦЕВ

Доклад посвящён обзору основных направлений научного исследования проблем обеспечения и защиты прав беженцев и других вынужденно перемещённых лиц. Особое внимание уделено вынесению на поверхность тех проблем, о которых западная доктрина международного права предпочитает молчать.

Ключевые слова: международное право беженцев; УВКБ ООН; вынужденно перемещённые лица; беженец; искатель убежища; внутренне перемещённые лица.

The report is devoted to an overview of the main directions of scientific research on the problems of ensuring and protecting the rights of refugees and other forcibly displaced persons. Particular attention is paid to bringing to the surface those problems about which the Western doctrine of international law prefers to remain silent.

Key words: international refugee law; UNHCR; forcibly displaced persons; refugee; asylum seeker; internally displaced persons.

Небывалое со времён окончания Второй мировой войны обострение глобальной проблемы вынужденно перемещённых лиц (далее – ВПЛ) в начале XXI в. спровоцировало активизацию деятельности потенциальных государств предоставления убежища, нацеленной на изменение не только национальных стратегий решения проблемы беженцев, но и общих региональных подходов и определяемых на международном уровне глобальных приоритетов. В обстоятельствах политизированности позиций государств и в условиях распространения практики применения двойных стандартов в решении проблемы беженцев из конкретных государств помощь международному сообществу в восстановлении верховенства права могла бы и должна была бы оказать доктрина международного права. Удаётся ли ей это сделать?*

Общий обзор и критический анализ статистических данных и специальной научной литературы позволяют сделать выводы, что доктрина международного права: **1)** остаётся безучастной к возмутительному и целенаправленному игнорированию УВКБ ООН степени серьёзности проблемы ВПЛ из Украины в период 2014–2021 гг. (т. е., в годовых отчётах УВКБ ООН намеренно не включало Украину в перечень основных государств происхождения беженцев и искателей убежища, а Россию – в список основных государств их назначения; а в

* Поскольку, к нашему большому сожалению, отечественная доктрина по вопросам международно-правовой защиты прав беженцев и других вынужденно перемещённых лиц крайне скудно представлена на глобальном уровне в научном мире, приходя к определённым умозаключениям, приходится исходить из преимущественного воздействия именно западной научной мысли на развитие современного международного права беженцев.

конце 2020 г. УВКБ ООН посчитало, что, с точки зрения статистики, в отношении РФ уже нет оснований применять формулировку «затяжная ситуация с беженцами из Украины» [1; 2]; показательным стал принципиальный разворот УВКБ ООН на 180° в конце февраля 2022 г. – с 24.02.2022 обновление статистических данных по числу ВПЛ из Украины осуществляется ежедневно; сегодня Украина явно возглавляет список государств происхождения беженцев и искателей убежища (7 751 169 чел.) [3]); **2)** либо хранит молчание по поводу возникновения «политически чувствительных» проблем беженцев из определённых государств мира, либо рассматривает такие проблемы крайне однобоко, демонстрируя крайнюю политизированность позиций государств (т. е., на протяжении 2014–2021 гг. мы почти ничего не слышим о потоках ВПЛ из Украины в Россию, но нам сообщают о наплыве ВПЛ из Республики Крым в Украину и ЕС); **3)** умалчивает о практике применения двойных стандартов в решении проблемы беженцев из конкретных государств (т. е., если речь идёт о ВПЛ из стран Африки, Азии и Латинской Америки, то потенциальные государства назначения беженцев и искателей убежища будут настаивать на применении стратегий внутреннего переселения, но вот ВПЛ из Украины с 2014 г. по 2021 г. статус беженца или временное убежище в ЕС предоставлялись даже в случае отсутствия оснований по *Конвенции о статусе беженцев* 1951 г. [4]); **4)** молчит о применении двойных стандартов в определении истинных причин возникновения потоков ВПЛ из конкретных государств (т. е., если речь идёт о ВПЛ из стран Латинской Америки, Африки и Азии, то для представителей западной доктрины международного права причина скрыта именно в авторитарных политических режимах, вооружённых конфликтах, крайней нищете либо засухе, но в случае с ВПЛ из Украины в период 2014–2021 гг. – во «внешней агрессии», а не антиконституционном перевороте, нежелании умирать в ходе АТО либо грядущей крайней нищете); **5)** скрывая *истинную причину обострения проблемы беженцев в мире (иностранный вмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию развивающихся государств, «экспорт цветных революций», а также разжигание внутрисоюзных вооружённых конфликтов с целью обеспечения экономической эксплуатации ресурсов этих государств в будущем)*, отвлекает международное сообщество поисками лекарства от симптомов болезни, а не от причины заболевания; **6)** отказывается замечать нежелание экономически развитых государств мира принимать на себя гораздо более существенную часть бремени и ответственности за решение проблемы беженцев, несмотря на зафиксированные в *Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах* 2016 г. и *Глобальном договоре о беженцах* 2018 г. их соответствующие намерения [5; 6] (т. е., пока 83 % нагрузки по оказанию помощи беженцам и искателям убежища ложится именно на развивающиеся страны с низким и средним уровнем дохода населения [2, с. 2], США, Канада, Великобритания и государства-члены ЕС работают над совершенствованием национального миграционного законодательства с целью минимизации негативного воздействия на их экономику потоков ВПЛ, нахлынувших из Ирака, Ливии, Сирии, Венесуэлы, Никарагуа, Афганистана, Мьянмы, ДР Конго, Сомали, Судана, а также Украины – государств, растерзанных спланированными и оплаченными американо-англо-евросоюзным альянсом «гуманитарными интервенциями», «цветными революциями», «дворцовыми переворотами» и их последствиями); **7)** не спешит во всеуслышание заявлять, что преследуемые в рамках Глобального договора о беженцах 2018 г. цели невозможно достичь в условиях фактического отсутствия у обладающих авторитетом, экономическими ресурсами, а также техническими возможностями государств политической воли и стремления укреплять международное сотрудничество в сфере обеспечения и защиты прав беженцев и других ВПЛ, поскольку «Глобальный договор не имеет обязательной юридической силы» [6, пар. 4, с. 1].

Список использованных источников:

1. Global Trends: Forced Displacement in 2020. – UNHCR, 2021. – 72 p. URL: <https://www.unhcr.org/60b638e37/unhcr-global-trends-2020> (дата обращения: 26.09.2022). – Текст электронный.

2. Global Trends: Forced Displacement in 2021. – UNHCR, 2022. – 48 p. URL: <https://www.unhcr.org/62a9d1494/global-trends-report-2021> (дата обращения: 26.09.2022). – Текст электронный.
3. Ukraine Refugee Situation / OPERATIONAL DATA PORTAL. URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine> (дата обращения: 27.10.2022). – Текст электронный.
4. Конвенция о статусе беженцев от 28 июля 1951 г. // Международное публичное право. Сборник документов: в 2 ч. Ч. I / сост. и авт. вступ. статьи К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 400–410.
5. UN Doc. A/RES/71/1; 3 October 2016. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 19 сентября 2016 г. 71/1. Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах.
6. UN Doc. A/73/12 (Part II); 2018. Доклад Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по делам беженцев. Часть II. Глобальный договор о беженцах.

УДК 341

Сорокин Р.А.

кандидат юридических наук

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИНЯТИЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Доклад посвящен международно-правовым аспектам принятия в состав Российской Федерации Донецкой Народной Республики. В докладе проведен анализ применения принципов международного права к ситуации вокруг Донецкой Народной Республики в 2014- 2022 гг., до ее вхождения в состав Российской Федерации.

The report is devoted to the international legal aspects of the admission of the Donetsk People's Republic to the Russian Federation. The report analyzes the application of the principles of international law to the situation around the Donetsk People's Republic in 2014-2022, before its entry into the Russian Federation.

Принятие в состав Российской Федерации Донецкой Народной Республики (далее - ДНР), осуществленное в октябре 2022 г. получило неоднозначные оценки от различных государств. Некоторые страны Запада обосновывают свое непризнание результатов проведенного 23-27 сентября 2022 г. в ДНР референдума и последовавшего вхождения в состав России нового субъекта тем, что эти события, по их мнению, противоречат нормам международного права.

В данной ситуации особое значение приобретает вопрос соответствия принятия в состав Российской Федерации ДНР нормам действующего международного права.

Действующие принципы международного права выступают основами и нормами функционирования современной межгосударственной системы, имеют высшую юридическую силу и отображают основы практики международных отношений [1, с. 167].

Пункт 2 статьи 1 Устава ООН, определяет одной из целей ее деятельности развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов [2].

Глава VIII Заключительного акта СБСЕ дает разъяснение этого принципа: «Государства-участники будут уважать равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой, действуя постоянно в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций и соответствующими нормами международного права, включая те, которые относятся к территориальной целостности государств. Исходя из принципа равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие» [3].

При этом, Декларация о принципах международного права содержит возможные формы дальнейшего самоопределения народов: «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются способами осуществления этим народом права на самоопределение» [4].

Исследуя международно-правовое обоснование принятия ДНР в состав России, необходимо определить соотношение принципа самоопределения народов с принципом суверенного равенства государств, включающим неприкосновенность их территориальной целостности.

Данный вопрос решен в Декларации 1970 г., подтверждающей нерушимость территориальной целостности суверенных и независимых государств, которые, во-первых, соблюдают в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов, во-вторых, имеют правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на соответствующей территории [5, с. 368]. В Венской декларации Всемирной конференции ООН по правам человека 1993 г. еще раз подчеркнута, что государство, претендующее на защиту принципа территориальной целостности и политического единства, должно иметь «правительства, представляющие интересы всего народа на их территории без каких-либо различий» [6].

На Украине в феврале 2014 г., вследствие государственного переворота, было свергнуто законное правительство, власть в Киеве и западных областях страны захватили незаконные националистические вооруженные формирования. Их представители под формальным управлением высших должностных лиц «постмайданной» Украины с мая 2014 г. и по настоящее время устроили настоящий террор в отношении населения Донбасса с использованием украинской армии, военной авиации, тяжелой артиллерии и т.д. По многим эпизодам Следственным Комитетом Российской Федерации возбуждены уголовные дела. Поэтому, к моменту принятия Декларации о суверенитете ДНР 07 апреля 2014 г. [7] на Украине не существовало правительства «представляющего без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на соответствующей территории». Украинские националисты и неонацисты, осуществившие переворот в феврале 2014 г., фактически занялись уничтожением населения ДНР., что, в свою очередь, исключило равноправие и самоопределение народов на Украине не только в 2014 г., но и в последующие годы.

В этих условиях принятие Декларации о суверенитете ДНР, волеизъявление ее жителей на референдуме в сентябре 2022 г. и последующее принятие в состав Российской Федерации, закрепленное соответствующим Договором [8], полностью соответствуют приведенным выше принципам международного права.

Список использованных источников:

1. Сорокин Р.А. Международно-правовые основы воссоединения Республики Крым с

- Российской Федерацией / Р.А. Сорокин // Крымский гуманитарный вестник. – № 1. – 2017. – С. 167 – 171.
2. Устав Организации Объединенных Наций.
 3. Заключительный акт Сопещения по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.)
 4. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (1970 г.).
 5. Сорокин Р.А. Международно-правовые аспекты вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации / Р.А. Сорокин // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов «Актуальные проблемы сравнительного правоведения». (19 – 20 апреля 2017 г., г. Симферополь). – С. 367 – 371.
 6. Венская декларация и Программа действий (принята на Всемирной конференции по правам человека, 1993 г.).
 7. Декларация о суверенитете Донецкой Народной Республики от 07 апреля 2014 г.
 8. Договор между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республики о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта (Москва, 30 сентября 2022 г.).

Секция 2

Современные проблемы гражданского и трудового права

УДК 347

Еремеев Д.В.

кандидат юридических наук, доцент

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,

Российская Федерация, г. Симферополь

ВОЕННЫЕ ОБЛИГАЦИИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данных тезисах исследуется исторические аспекты использования государствами, в том числе на территории Российской Федерации, такого финансового инструмента, как облигация в условиях военного времени, а также перспективы и целесообразность его внедрения в настоящее время. Кроме того, рассматриваются некоторые вопросы инвестиционной деятельности в России некоторыми специальными субъектами, в том числе

сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, а также предлагаются некоторые пути усовершенствования законодательства в данной сфере.

These theses examine the historical aspects of the use by states, including on the territory of the Russian Federation, of such a financial instrument as a bond in wartime, as well as the prospects and feasibility of its implementation at the present time. In addition, some issues of investment activity in Russia are considered by some special subjects, including employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation, and some ways to improve legislation in this area are also proposed.

Действующее законодательство Российской Федерации содержит понятие и закрепляет основы использования такого финансового инструмента, как облигация, а именно Федеральный закон от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», где в статье 2 указано, что облигация это - эмиссионная ценная бумага, закрепляющая право ее владельца на получение (если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом) в предусмотренный в ней срок от эмитента облигации ее номинальной стоимости или иного имущественного эквивалента. Облигация может также предусматривать право ее владельца на получение установленных в ней процентов либо иные имущественные права. Доходом по облигации являются процент и (или) дисконт [1].

Следует сразу отметить, что понятие «военная облигация» в настоящее время в законодательстве России отсутствует хотя уже из самого названия понятно целевое назначение данного финансового инструмента – заем денег государством у частных лиц для финансирования военных действий. Такие заимствования дают возможность государствам аккумулировать средства для обеспечения расходов армии во время войны, а гражданам данной страны ощутить свою причастность к военным действиям, а себя патриотами своей страны, да и к тому же немного заработать, так как проценты по таким займам обычно невелики. Еще одной целью выпуска военных облигаций является предупреждение или снижение инфляции, которая, как правило возникает с момента начала военных действий, так как эти деньги изымаются из свободного оборота на достаточно длительный срок.

Первые упоминания об облигациях уходят в далекое прошлое и насчитывают уже более пяти веков, а именно к XVI веку, когда во Франции был придуман способ избежать притеснений ростовщиков со стороны церкви, так как облигация предполагала приобретение потока доходов, а не ростовщичество. В дальнейшем облигации нашли широкое применение в Европе, особенно в Голландии XVI века, однако текст на облигациях во многих странах мира был на французском языке вплоть до начала XX века.

Говоря об истории возникновения облигаций в России следует отметить, что попытки осуществить внешние займы предпринимал еще Петр I, хотя и не удачные, впрочем, как и его последователи. Первый в истории России успешный заем удалось осуществить только Екатерине II в 1769 году благодаря ее успешной внешней политике. При ее правлении займы брались в основном под 5% годовых и к концу ее правления долг Росси уже составлял 215 млн. руб.

Первые военные облигации на территории Российской империи были выпущены во время Отечественной войны 1812 году, что позволило оказать значительную помощь армии и уберечь Россию от гиперинфляции [2].

Следующие военные государственные облигации были выпущены в России во время Первой мировой войны. Во все времена ведение боевых действий государством становилось для его бюджета серьезным финансовым испытанием. Как отмечал довоенный финансовый эксперт, профессор Боголепов: «Обычные приёмы изыскания чрезвычайных ресурсов, займы и отчасти налоги, оказываются ввиду колоссальных военных расходов несостоятельными». К сожалению, это в полной мере относилось к военным облигациям, которых российское правительство разместило до 1917 года на сумму более 8 миллиардов рублей [3].

Первый военный заем в СССР выпускается весной 1942 года. Великая отечественная война потребовала огромных финансовых вливаний: в атмосфере патриотического подъема

государство активно привлекало нужные средства у населения, государственных и кооперативных организаций через размещение военных облигаций. Хотя формально подписка на военные займы носила добровольный характер, фактически она была принудительной. Всего за годы ВОВ СССР разместил военные облигации на общую сумму более 80 млрд рублей. В итоге удельный вес средств от госзаймов в доходах бюджета в годы войны составил около 10% [4].

В настоящее время Российская Федерация проводит специальную военную операцию на Украине, что уже повлекло за собой серьезные экономические последствия, а именно: значительный рост бюджетных расходов, падение ВВП, значительный рост инфляции, заморозка зарубежных активов, различные санкции и ограничения со стороны ряда государств, уход с фондового рынка многих крупных инвесторов и, как следствие, значительное его падение и т.д.

Выпуск военных облигаций правительством Российской Федерации способствовал бы решению сразу нескольких задач:

- привлечение значительных денежных средств частных и юридических лиц для финансирования военных действий;
- снижение общей денежной массы, находящейся в свободном обороте и, как следствие, замедление инфляции;
- повышение материального обеспечения граждан в связи с получением ими инвестиционного дохода от купонов по облигациям;
- рост патриотических настроений и доверия к государству в Российском обществе;
- стабилизация фондового рынка России и поднятие его привлекательности в глазах зарубежных «дружественных» инвесторов и т.д.

При этом следует отметить, что часть населения нашей страны, в том числе сотрудники органов внутренних дел и ряд других категорий госслужащих ограничены в возможностях приобретать финансовые инструменты, приносящие доход. В связи с этим необходимо усовершенствовать законодательство в этой сфере.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что исторический опыт России по использованию военных облигаций насчитывает более двух веков и доказывает целесообразность применения данного финансового инструмента в наше непростое время, однако действующее законодательство Российской Федерации в сфере инвестирования требует своего совершенствования с целью привлечения к покупке военных облигаций значительного количества граждан нашей страны.

Список использованных источников:

1. О рынке ценных бумаг: Федеральный закон Российской Федерации № 39-ФЗ от 22 апреля 1996 года. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ivo.garant.ru/#/document/10106464/paragraph/1977070:0>.
2. Что такое облигация? Описание и определение понятия. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://biznes-prost.ru/obligaciya.html>.
3. Население финансирует войну. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://journal.open-broker.ru/history/naselenie-finansiruet-voynu/>.
4. Все для фронта, все для победы. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://yango.pro/blog/vse-dlya-fronta-vse-dlya-pobedy/>.

УДК 347.2/3.

Бахриева З.Р., Муртазаева А.А.

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВАХ

В статье анализируется «право проживания», возникающее на основании завещательного отказа и договора пожизненного содержания с иждивением. Авторами отмечается вещно-правовой характер указанного права и предлагается прямое закрепление данной конструкции в числе ограниченных вещных прав в ст. 216 Гражданского кодекса Российской Федерации.

The article analyzes the "right of residence", which arises on the basis of a testamentary refusal and a contract of life maintenance with a dependent. The authors note the proprietary nature of this right and propose a direct fixing of this construction in the list of limited proprietary rights in Art. 216 of the Civil Code of the Russian Federation.

В действующем российском законодательстве к ограниченным вещным правам отнесены те права, которые перечислены в ст. 216 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) [1]. Однако несмотря на то, что данный перечень является исчерпывающим, существуют и иные ограниченные вещные права, в том числе, закрепленные Жилищным кодексом Российской Федерации (далее по тексту – ЖК РФ) [2], например, право отказополучателя на жилое помещение, а также право пользования жилым помещением на основании договора пожизненного содержания с иждивением.

С целью выяснения природы и сущности указанных жилищных прав для последующего их отражения в ст. 216 ГК РФ считаем не только актуальным, но и необходимым проведение специального исследования, посвященного таким ограниченным вещным правам, которые являются «скрытыми» для гражданского оборота и не поименованы в качестве таковых в ГК РФ.

Начнем настоящее исследование с п. 1 ст. 33 ЖК РФ, согласно которому «гражданин, которому по завещательному отказу предоставлено право пользования жилым помещением на указанный в соответствующем завещании срок, пользуется данным жилым помещением наравне с собственником данного жилого помещения».

Напомним, что сам завещательный отказ урегулирован ст. 1137 ГК РФ и предусматривает, в частности, возложение завещателем на наследника обязанности предоставить другому лицу на период жизни этого лица или на иной срок право пользования этим помещением или его определенной частью. При этом важной гарантией такого права является то, что при изменении собственника такого помещения за отказополучателем сохраняется право, предоставленное ему по завещательному отказу, что указывает на важный признак следования, характерный, в основном, вещным правам.

Также, если исходить из иных характерных признаков, то следует отметить то, что отказополучатель не только пользуется имуществом наряду с собственником имущества, но и вправе защитить данное право, в том числе, и от самого собственника. На практике случаются такие ситуации, когда собственник или иные лица чинят препятствия в пользовании жилым

помещением. Кроме того, свидетельство о праве собственности вручается только наследнику – собственнику имущества, где лишь отдельной графой указывается о праве отказополучателя. Следовательно, случаи, когда недобросовестный наследник не приходит за свидетельством долгое время, либо изначально отказался от наследства, делают уязвимым положение отказополучателя.

Законодатель не только не включил указанное ограниченное вещное право в перечень в ст. 216 ГК РФ, но и не установил требования о регистрации данного права. В то же время, согласно п. 3 ст. 33 ЖК РФ «гражданин, проживающий в жилом помещении, предоставленном по завещательному отказу, вправе потребовать государственной регистрации права пользования жилым помещением, возникающего из завещательного отказа». И здесь возникает вопрос о том, на основании какого документа отказополучатель должен требовать осуществления государственной регистрации его права?

Считаем, что отказополучатель может лично (без самого наследника) обратиться к нотариусу за подтверждением возникшего у него ограниченного вещного права с целью последующей регистрации. Для того, чтобы такое обременение имущества не было скрытым от третьих лиц, необходимо прямо закрепить возможность отказополучателя на получение свидетельства, в котором бы указывалось его право, что, в свою очередь, упростило бы совершение государственной регистрации права по завещательному отказу.

Впрочем, на похожих условиях согласно ст. 34 ЖК РФ пользуется жилым помещением гражданин, проживающий в жилом помещении на основании договора пожизненного содержания с иждивением, если иное не будет установлено таким договором, регулируемым, опять-таки, гражданским законодательством.

И снова возникает вопрос о том, почему данное право получателя ренты не упоминается в ст. 216 ГК РФ как ограниченное вещное право? Для ответа на этот вопрос необходимо вспомнить основания возникновения этого права у получателя ренты – заключенный договор пожизненного содержания с иждивением, из которого у плательщика ренты и возникает обязанность по предоставлению содержания с иждивением, включающего потребность в жилище. Так, у получателя ренты, совершившего отчуждение имущества, сохраняются право проживания, пользования таким помещением.

В то же время, несмотря на договорную природу возникновения такого рода права, нельзя не отметить, что при этом, как и при возникновении права у отказополучателя, возникают абсолютные правоотношения, в которых, с одной стороны – управомоченное лицо (отказополучатель, получатель ренты), которому, с другой стороны, ему противостоит неограниченный круг лиц, обязанных не нарушать его право пользования жилым помещением. Относительно получателя ренты важно указать еще и на возникающее у него право залога на жилое помещение. Но это отдельное право, дискуссии о правовой природе которого не разрешены в доктрине гражданского права.

Возвращаясь к вопросу о исследуемых в данной работе ограниченных вещных правах, считаем, что нет необходимости в противопоставлении прав отказополучателя и получателя ренты, подпадающих под общее понятие «право проживания». Это не говорит о том, что не может быть специальных правил, касающихся каждого из них, например, в отношении отказополучателя в п. 4 ст. 1137 ГК РФ установлено правило о том, что «право на получение завещательного отказа действует в течение трех лет со дня открытия наследства и не переходит к другим лицам».

Между тем, каждое из указанных прав подразумевает только личное использование жилого помещения, никто из членов семьи отказополучателя, либо получателя ренты не имеет такого права, хотя в юридической литературе предлагалось закрепление в законодательстве перечня тех лиц, которые также будут иметь право совместного проживания с обладателем ограниченного вещного права (супруга, родителей, детей) [3, с. 57]. Считаем, что такое право если и может распространяться, то только в отношении несовершеннолетних детей отказополучателя.

В целом, по результатам проведенного исследования следует сделать вывод о том, что основания пользования жилыми помещениями регламентируются и гражданским, и жилищным законодательством, но так как в нашей правовой системе не предусмотрен принцип неограниченного перечня вещных прав, все ограниченные вещные права должны быть отражены в ст. 216 ГК РФ. При этом, на наш взгляд, не вызывает сомнений вещно-правовая природа прав отказополучателя и получателя ренты по договору пожизненного содержания с иждивением. А поэтому предлагаем дополнить перечень ограниченных вещных прав в п. 1 ст. 216 ГК РФ внесением дополнительной конструкции - «права пользования жилым помещением».

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: (ред. от 28.06.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.03.2022).

2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ: (ред. от 07.10.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.03.2022).

5. Безик Н. В. Проблемы правового регулирования пользования жилыми помещениями отказополучателями и получателями ренты / Н.В. Безик, К.С. Безик. - [Электронный ресурс]// Сибирский юридический вестник - 2016. - № 4. - С. 49 - 58. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-polzovaniya-zhilymi-romescheniyami-otkazopoluchatelyami-i-poluchatelyami-renty> (дата обращения: 20.10.2022).

УДК 347.4

Гасанова Т.И.

*Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет
правосудия», Российская Федерация,
г. Симферополь*

НЕУСТОЙКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ИЛИ МЕРА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ?

Аннотация: В настоящей статье исследуется проблемный вопрос о правовой сущности неустойки, анализируются нормы законодательства, позиции высших судов и наработанные доктринальные взгляды. В завершении автор приходит к выводу о двусторонней правовой природе неустойки, тем самым заняв срединную позицию.

Abstract: This article examines the problematic issue of the legal nature of the penalty, analyzes the norms of legislation, the positions of the higher courts and the established doctrinal views. In conclusion, the author comes to the conclusion about the bilateral legal nature of the penalty, thereby taking a middle position.

В качестве способа обеспечения исполнения обязательств Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] предусматривает, помимо прочего, неустойку. Её легальная дефиниция закреплена в п.1 ст.330 ГК РФ, однако, несмотря на это, касаясь правовой природы неустойки в научном сообществе всё еще ведутся дискуссии, и мнения учёных-цивилистов разделились: одни полагают, что неустойка – способ обеспечения

обязательств, другие утверждают, что отечественный законодатель неверно расположил норму о неустойке, поместив её в гл.23 ГК РФ. В данной связи исследование вопроса о неустойке актуализируется.

Для детального понимания сущности, следует установить, что вообще означает слово «неустойка». В одном из найденных источников указывается, что в российском праве «термин «неустойка» происходит от глагола «устоять»: устоякой называли исполнение обещания (обязательства), а неустойкой – как его нарушение, так и последствие нарушения» [2]. В связи семантического смысла данного слова можно было бы сказать, что неустойка есть мера ответственности, но применительно к современному гражданскому правовому регулированию утверждение об этом представляется недостаточно убедительным и неюридически аргументированным. Стоит обратиться к легальному понятию неустойки, сформулированному законодателем следующим образом: неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности, в случае просрочки исполнения. Сразу же следует обратить внимание на императивно-диспозитивный характер неустойки как самого гражданско-правового института: она может определяться законом, равно как и договором, заключенным между сторонами. Вместе с тем, указывается обязанность должника по уплате денежной суммы в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения им обязательства, что указывает на присутствие ответственности в этом аспекте.

Резюмируя, позволяется сказать, что правовая природа неустойки имеет черты публичности, определенные рамки, что позволяет относить её к мере гражданско-правовой ответственности. Как отметили Н.А. Аблятипова и А.В. Шабнова, «неустойка является одним из основных видов санкций, применяемых к сторонам обязательств» [3, с. 85].

С другой стороны, невозможно игнорировать позиции, выработанные судами России – Конституционным Судом и, ныне упраздненным, Высшим Арбитражным Судом. Оба суда в своих определениях [4] и постановлениях [5] обратили внимание на то, что гражданское законодательство рассматривает неустойку как способ обеспечения исполнения обязательства независимо от того, из чего оно возникает – из договора или вследствие причинения вреда. Исходя из этого, рассматривать неустойку не как способ обеспечения обязательства неверно.

Но как быть с определением сущности неустойки? Думается, единственно верным, полным и объективным мнением будет то, что на практике она имеет двойственную природу, что не раз отмечалось в исследованиях отечественных правоведов. Например, Д.А. Гришин в своей диссертации пришел к выводу, что «неустойка обладает двойственным компенсационно-штрафным характером» [6, с.9]. Е.И. Аксёнова подметила справедливо подметила «кочующую» составляющую неустойки: она «то выступает в качестве способа обеспечения исполнения обязательств, то становится мерой гражданско-правовой ответственности. Названные меры не имеют четких границ, что приводит к «двуликости» неустойки» [7, с.32].

Разумеется, отнюдь не многие ученые соглашаются с двойственностью неустойки, занимая одну из позиций, а не балансируя в данном вопросе посередине. При этом часть научного сообщества полагает, что отечественный законодатель вовсе допустил ошибку при отнесении в ст.329 ГК РФ неустойки к способам обеспечения обязательства, и, соответственно, расположении норм о ней в гл.23 ГК РФ. Изложенная точка зрения полностью противоречит позиции, которой придерживаются Конституционный Суд и Высший Арбитражный Суд, и, на наш взгляд, она является необъективной, так как не учитывает стимулирующую функцию неустойки.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что неустойка сама по себе выступает одновременно и как способ обеспечения обязательства, и как мера гражданско-правовой ответственности. Невзирая на это, думается, находящиеся в гл.23 ГК РФ нормы о ней не нуждаются в перемещении в другую главу указанного нормативного правового акта, и

законодатель не ошибся при их размещении здесь. Ибо правоприменитель, оперируя закрепленными положениями об неустойке, сам должен исходить из того, что её ипостась представляет не только способ обеспечения обязательства.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Происхождения неустойки. – URL: <https://clck.ru/325cjX> (дата обращения 19.09.2022).
3. Аблятипова, Н. А. Особенности взыскания неустойки в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) / Н. А. Аблятипова, А. В. Шабнова // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 3. – С. 85-89.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 24 января 2006 г. № 9-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шаганца Гарика Айрапетовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации». – URL: <http://study.garant.ru/#/document/12145947/paragraph/10:0> (дата обращения 19.09.2022).
5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 октября 2013 г. № 801/13 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 2014 г., № 2.
6. Гришин, Д.А. Неустойка: вопросы теории и практики: 12.00.03 – гражданское право, семейное право, предпринимательское право, международное частное право: автореферат диссертации ... канд. юрид. наук / Гришин Дмитрий Алексеевич; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва, 2004. – 32 с.
7. Аксенова, Е. И. Неустойка – способ обеспечения исполнения обязательств или мера гражданско-правовой ответственности? / Е. И. Аксенова // Юрист Юга России и Закавказья. – 2019. – № 3(27). – С. 30-33.

УДК 347

Дмитриенко А.Я.

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЦИФРОВЫХ ПРАВ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: В статье рассматриваются «цифровые права» как категория объектов гражданского права. Проанализированы определение и специфические черты цифровых прав, а также рассмотрены проблемы формирования правового режима цифровых прав.

Abstract: The article considers “digital rights” as a category of civil law objects. The definition and specific features of digital rights are analyzed and the problems of the formation of the legal regime of digital rights is examined.

Двадцать первое столетие ознаменовалось стремительным развитием информационных технологий, увеличением объема и скорости информационных потоков, появлением виртуального цифрового пространства, в котором стали происходить практически все общественные процессы, а также произошла так называемая цифровизация субъектов и объектов общественных отношений. С одной стороны, это качественно изменило жизнь общества, а с другой – поставило целый ряд вызовов, в частности, в аспектах управления социальными и информационными процессами, а также эффективного осуществления правового регулирования.

Так, в системе объектов гражданских прав в 2019 году был закреплен такой объект, как «цифровые права». Стоит сказать, что данный термин часто в литературе применяется в очень широком смысле, обозначая целый комплекс прав, возникающих у человека в связи с получением доступа к информационно-телекоммуникационным сетям и совершением каких-либо действий в виртуальном цифровом пространстве. В рамках настоящей работы предметом анализа выступает не такое широкое и достаточно абстрактное понимание цифровых прав, а то, которое предполагается в законодательстве о гражданском обороте цифровых объектов.

Как было отмечено, в 2019 году содержание этих прав было законодательно определено в статье 141.1 ГК РФ, которая отнесла к цифровым правам обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Регламентация цифровых прав содержится также в таких актах, как Федеральный закон от 31 июля 2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», ФЗ от 2 августа 2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», а также ФЗ от 31 июля 2020 «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».

Несмотря на это, в научном сообществе дискуссии относительно места и роли цифровых прав продолжаются. Не разрешен окончательно вопрос о правовой природе такого нового объекта гражданских прав. Что конкретно подразумевается под этим цифровым правом, и в каких случаях право, фиксируемое в той или иной информационной системе, можно признать цифровым? Можно ли признать цифровым правом персональные аккаунты, в том числе в социальных сетях, цифровые валюты и иные виртуальные активы, так называемые NFT-объекты, получающие все более широкое распространение?

Законодатель, указывая в определении этого термина «обязательственные и иные права» создает неопределенность в аспекте того, какие именно «иные» права могут признаваться цифровыми: иные, сходные по конструкции с обязательственными, либо же вообще любые, в том числе абсолютные права.

Некоторые ученые, исследующие данную проблематику, отмечают, что понятие «цифровое право» представляет собой альтернативу существующего за рубежом понятия «токен» [1]. Токеном принято называть тот цифровой код, с помощью которого его обладатель может быть идентифицирован информационной системой, а также совершать какие-либо действия, влекущие правовые последствия [2].

Е.А. Кириллова, Т.Э. Зулфагарзаде С.Е. Метелев отмечают, что цифровые права идеальны по своей природе, но могут быть выражены с помощью кодов, специальных символов, алгоритмов, которые, в свою очередь, переносятся на материальные носители в виде флеш-накопителей, дисков, дискет, иногда они хранятся в облачных хранилищах [3]. Это отличает их от всех иных существующих видов прав, поскольку они существуют исключительно в цифровом виде.

По своей сути цифровые права отчуждаемы, передаваемы, обладают имущественной ценностью и могут выступать предметом сделок. Специфической их чертой является то, что

содержание и условия осуществления таких прав определяется правилами той информационной системы, в которой они расположены.

Оборот цифровых объектов в информационных системах осуществляется без третьих лиц, т.е. отсутствует система учета и удостоверения прав [4]. Это означает, что субъект, обладающий цифровым правом, способен осуществлять любые действия в отношении него (с соблюдением правил информационной системы) при условии наличия у него логина и пароля для входа и доступа к информационно-телекоммуникационной сети.

Правовая конструкция, которая закреплена в законодательстве для цифровых прав, схожа с той, которая регламентирует режим бездокументарных ценных бумаг. В связи с этим существует мнение о том, что цифровое право не порождает, а лишь подтверждает факт наличия какого бы то ни было права у лица, то есть носит удостоверяющий характер. Нет однозначного ответа на вопрос о том, как соотносятся цифровое право и тот объект, права на который фиксируются в информационной системе, порождая цифровое право.

В.В. Кресс признает возникновение института цифровых прав качественным изменением правовой действительности [5]. И с этим утверждением стоит согласиться, однако важно отметить необходимость разрешения вопросов, связанных с оборотом новых объектов и регламентацией цифровых прав, возникающих на сегодняшний день.

Поскольку институт цифровых прав находится на этапе формирования, исследуемое понятие будет уточняться и наполняться конкретным содержанием по мере совершенствования и доработки законодательства о правах, реализуемых в рамках цифрового оборота. Сейчас же вопрос признания права в качестве цифрового будет подвергаться оценке в каждом конкретном случае в процессе правоприменения и судопроизводства.

Список использованных источников:

1. Родионов Л.А. К вопросу правовой характеристике цифровых технологий в гражданском праве // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* – 2019. – № 4-3. – с. 188-190.
2. Лисаченко А.В. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав // *Российский юридический журнал.* – 2014. – № 2. – с. 104-110.
3. Институт цифровых прав в гражданском праве России / Е.А. Кириллова, Т.Э. Зулъфагарзаде, С.Е. Метелев // *Журнал «Правоприменение».* – 2022. – том 6. – № 1. – с. 245-256.
4. Гонгало Б.М. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права / Б.М. Гонгало, Л.А. Новоселова // *Пермский юридический альманах.* – 2019. – № 2. – с. 188-197.
5. Кресс В.В. Цифровые права как объекты гражданских прав: правовое регулирование и перспективы развития в условиях цифровизации гражданского оборота. // *Журнал российского права.* – 2022. – № 4. – с. 67-76.

УДК 347.78.01

Лазбекина А. С., Уласень Е. О.,

*Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Минск*

ОТВЕСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РЕКЛАМЕ

Цель исследования - определить сходства и различия в области ответственности за нарушение законодательства о рекламе в Республике Беларусь и Российской Федерации. В статье рассматриваются органы, проверяющие и контролирующие соблюдение субъектами

хозяйствования законодательства о рекламе. Также дается сравнение перечня объектов рекламирования, которые не допускаются к рекламированию в обоих государствах. В заключении авторы делают вывод об ответственности за нарушения законодательства о рекламе и предлагают новый правовой инструмент для улучшения эффективного регулирования рекламной деятельности белорусского законодательства, который уже существует в Российской Федерации.

The purpose of the study is to identify similarities and differences in the area of responsibility for violation of advertising legislation in the Republic of Belarus and the Russian Federation. The article deals with the bodies that check and control the compliance of business entities with the legislation on advertising. A comparison of the list of advertising objects that are not allowed for advertising in both states is also given. In conclusion, the authors make a conclusion about liability for violations of advertising legislation and propose a new legal instrument for improving the effective regulation of advertising activities of the Belarusian legislation, which already exists in the Russian Federation.

Важной составляющей правового регулирования правоотношений в сфере рекламы являются меры государственного принуждения, которые выражаются в ответственности участников данных правоотношений за несоблюдение установленных государством норм права. Справедливо отмечается, что правовое регулирование рекламной деятельности преследует цели защиты прав и интересов лица, вкладывающего сбережения в реализацию товаров, работ и услуг фирмы, а также правовой защиты лиц, которые потребляют товары, работы и услуги, имеющие фирменное наименование, а также определенный уровень качества [1].

Согласно абз. 9, ст. 2 Закона Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-3 «О рекламе» (далее – Закон), под рекламой понимается информация об объекте рекламирования, размещаемая (распространяемая) в любой форме с помощью любых средств, направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и (или) его продвижение на рынке [2]. Согласно абз. 6 ст. 2 Закона, объект рекламирования – продукция, товар, работа или услуга, организация или гражданин, права, охраняемые законом интересы или обязанности организаций или граждан, производственный объект, торговый объект, иной объект обслуживания, средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, результаты интеллектуальной деятельности, конкурсы, лотереи, игры, иные игровые, рекламные и иные мероприятия, пари, явления (мероприятия) социального характера [2].

Общие требования к рекламе установлены в ст. 10 Закона [2].

Согласно абз. 4 ст. 2 Закона, под ненадлежащей рекламой понимается недостоверная, недобросовестная, неэтичная, скрытая и иная реклама, при производстве и (или) размещении (распространении) которой допущены нарушения законодательства.

В ст. 26 Закона даются критерии для отнесения какой-либо информации, содержащейся в рекламе к недостоверной, недобросовестной или неэтичной. Согласно ч. 5 ст. 26 Закона ненадлежащая реклама запрещается.

За распространение ненадлежащей рекламы предусматривается административная ответственность. Согласно действующему Кодексу об административных правонарушениях Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 91-3 (далее – КоАП) ответственность в виде штрафа за нарушение законодательства о рекламе предусматривается ст. 13.9 КоАП [3].

В ст. 19.7 КоАП предусмотрена ответственность в виде штрафа за хранение с целью распространения или рекламирования либо распространение, рекламирование порнографических материалов, печатных изданий, изображений, кино-, видеофильмов или сцен порнографического содержания, иных предметов такого характера. Согласно ст. 19.8 КоАП ответственность наступает за изготовление либо хранение с целью распространения или рекламирования либо распространение или рекламирование, а равно публичная

демонстрация кино- и видеопроизведений или иных произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости [3].

В Республике Беларусь соблюдение субъектами хозяйствования законодательства о рекламе контролирует и проверяет Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (далее – МАРТ). Проверка, проводимая МАРТ, состоит из: анализа рекламы, выявления необходимых согласований государственными органами, запроса пояснений и необходимых документов у рекламодателя, рекламодателя, рекламопроизводителя, запроса мнения специалистов в определенной сфере [4].

По законодательству Российской Федерации реклама должна быть добросовестной и достоверной, и в ст. 5 Федерального Закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» [5] (далее – ФЗ о рекламе) определяется, какая реклама признается недобросовестной и недостоверной.

Согласно ст. 7 ФЗ о рекламе, перечень объектов рекламирования, которые не допускаются к рекламированию, также не является исчерпывающим.

Помимо государственного регулирования ФЗ о рекламе предусматривает саморегулирование в сфере рекламы. Деятельность саморегулируемых организаций урегулирована главой 4 ФЗ о рекламе, согласно ст. 31 и ст. 32 которого, объединения рекламодателей, рекламопроизводителей, рекламодателей и иных лиц, созданные в форме ассоциации, союза или некоммерческого партнерства должны обеспечить представительство и защиту интересов своих членов, а также выработать требования соблюдения этических норм в рекламе и обеспечить контроль за их выполнением [5].

Согласно ч. 1 ст. 14.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 24.09.2022) (далее – КоАП РФ) содержит общий состав правонарушения и предусматривает наложение штрафа, величина которого варьируется в зависимости от субъекта [6].

Помимо этого ст. 14.3 КоАП РФ предусматривает ряд специальных правонарушений, куда относится: нарушение порядка прерывания рекламой теле- или радиопрограммы (ч. 2); превышение допустимого объема рекламы в периодических печатных изданиях (ч. 3); прерывание рекламой демонстрации фильма при кино- и видеообслуживании (ч. 4); нарушение требований к рекламе лекарственных средств, медицинских изделий и услуг (ч. 5); распространение кредитной организацией рекламы, содержащей хотя бы одно условие, влияющее на стоимость кредита (займа), без указания всех остальных условий (ч. 6). За данные правонарушения также следует ответственность в виде штрафа.

В Российской Федерации органом антимонопольного регулирования является Федеральная антимонопольная служба (далее – ФАС), в полномочия которого входит осуществление контроля за соблюдением законодательства о рекламе. В ходе проверок ФАС устанавливает факты нарушения законодательства о рекламе, привлекая субъектов контроля к ответственности и разъясняя, как не допустить в дальнейшем нарушения в области рекламной деятельности [7].

По итогам проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Некоторые группы товаров и услуг не допускаются к рекламированию, однако законы о рекламе Республики Беларусь и Российской Федерации не определяют точный закрытый список данных товаров и услуг. За нарушение законодательства о рекламе следует ответственность в виде штрафа в обоих государствах. Также, функции органов в области регулирования рекламной деятельности (ФАС – в Российской Федерации и МАРТ – в Республике Беларусь) не имеют явных различий, т.е. по сути функции данных органов идентичны. Федеральный закон Российской Федерации о рекламе предлагает весьма перспективный правовой инструмент – саморегулирование, необходимый для улучшения эффективного регулирования рекламной деятельности, чего не хватает белорусскому законодательству.

Список использованных источников:

1. Рахматуллин Т.Э. Проблема регламентации ответственности в сфере рекламной деятельности: гражданско-правовой аспект // Юрист. 2017. № 2. С. 14.
2. О рекламе: Закон Республики Беларусь, 10 мая 2007 г., № 225-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. – 2022.
3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь, 6 января 2021 г. № 91-3: принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г.: одобрен Советом Респ. 18 декабря 2020 г.: в ред. от 04.01.2022 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. Положение о Министерстве антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 6 сентября 2016 г. № 702 // Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь. – URL: <https://www.mart.gov.by/> (дата обращения 28.10.2022).
5. О рекламе [Электронный ресурс]: Федеральный закон, 13 марта 2006, № 38-ФЗ, с изм. и доп. // Справочная правовая система КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 28.10.2022).
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Кодекс Российской Федерации, 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [Электронный ресурс]: принят Государственной Думой 20 декабря 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г.: в ред. от 20.10.2022 г. // Справочная правовая система КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 28.10.2022).
7. Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 г. № 331 // Справочная правовая система КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48611/ (дата обращения: 28.10.2022).
8. Баранова М. В. Юридическая ответственность за правонарушения в сфере рекламного бизнеса: состояние, проблемы, перспективы / М. В. Баранова // Государственно-правовые исследования. 2018. № 1. С. 55 – 61.

УДК 347

Некрасова Е. В.

кандидат юридических наук, доцент,

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ПУТИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматривается актуальный вопрос о правовом регулировании статуса искусственного интеллекта и возможности наделяния его правосубъектностью в будущем. Исследовано законодательство Российской Федерации и зарубежных государств в указанной сфере. Проанализированы возможные подходы к решению вопроса о наделянии искусственного интеллекта правосубъектностью и развития его статуса.

Annotation. The article deals with the topical issue of the legal regulation of the status of artificial intelligence and the possibility of granting it legal personality in the future. The legislation of the Russian Federation and foreign states in this area has been studied. Possible approaches to solving the issue of granting artificial intelligence legal personality and developing its status are analyzed.

Активное развитие науки и техники постепенно приводит к тому, что роботизированные системы и искусственный интеллект все больше входят в нашу жизнь. Соответственно возникают определенные проблемы, касающиеся правового регулирования деятельности этих систем. Прежде всего, это вопросы определения понятия искусственного интеллекта, содержания и объема его правоспособности, дееспособности и деликтоспособности, проблема определения для роботов специальной или общей правосубъектности и многие другие.

В Российской Федерации определение искусственного интеллекта дано в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», где в соответствии с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [1]. Следует заметить, что опыт многих стран свидетельствует о том, что правовое регулирование отношений людей с искусственным интеллектом уже находит отражение в законодательстве и вопрос правосубъектности искусственного интеллекта все чаще дискутируется среди ученых-юристов. Анализируя дискуссии о перспективах правового регулирования в условиях применения технологий искусственного интеллекта, можно выделить три основные концепции, которые и определяют основное содержание научных подходов к совершенствованию или реформированию правовых систем с использованием ИИ. Это:

- ИИ является объектом общественных отношений, а означает и объектом правоотношений;

- ИИ является субъектом общественных отношений, а значит может быть субъектом правоотношений. Например, по мнению Т.Я. Хабриевой и Н.Н. Черногор, необходимо ИИ определять, как «новую цифровую личность», что, в свою очередь, свидетельствует о необходимости изменения юридических подходов к определению группы участников правоотношений [2, с. 94]. Ряд авторов обращает внимание на то, что новые роботы и иные киберфизические системы в силу их свойств и способности влиять на общественные отношения позволяют говорить о появлении в теории права не только субъектов, но и квазисубъектов права [3; 4]. Г.А. Гаджиев, отмечает, что развитие все новых и новых технических и технологических возможностей создает предпосылки для изменения всей системы права в целом и института правосубъектности в частности [5, с. 14].

- роботы могут быть как объектом, так и субъектом отношений, а значит могут быть как объектом, так и субъектом правоотношений в зависимости от исполняемых функций.

Следует заметить, что одним из основных критериев отнесения ИИ к субъекту или объекту права долгое время был критерий наличия у него самостоятельного сознания. Однако, С. Чопра и Л. Уайт утверждают, что сознание не является необходимым или достаточным условием для правосубъектности. Так, люди, временно не обладающие сознанием, например находящиеся в коме, на этом основании её не лишаются, хотя и в некоторых случаях не могут осуществлять реализацию многих своих прав. Кроме того, юридические лица также не обладают сознанием, но правосубъектностью при этом наделяются [6].

Еще одной проблемой, которая волнует специалистов занимающихся сферой ответственности искусственного интеллекта, является вопрос о гражданско-правовой и

уголовной ответственности ИИ при причинении вреда в деликтных отношениях (сфера беспилотного автотранспорта). В связи с этим, нельзя оставить без внимания рекомендации Европарламента в части «наделения, в перспективе, роботов особым правовым статусом. Наиболее продвинутые автономные роботы будут создаваться как «электронные лица» и нести ответственность за причиненный ими ущерб в тех случаях, когда они принимают решение автономно или иным образом самостоятельно взаимодействуют с третьими лицами» [7].

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что на современном этапе развития законодательства ИИ и робот не являются субъектами права и полную ответственность за их действия несет собственник или лицо, управляющее роботом, в то же время ИИ приобретает все больше признаков самостоятельности. В связи с чем, нельзя исключать признание его в качестве «электронного лица» *de lege ferenda* в недалеком будущем.

Список использованных источников:

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электронный ресурс]// <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/?ysclid=19qx1pqlq8294664345#review> (дата обращения: 27.10.2022 г.).
2. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в эпоху цифровой реальности // Журнал российского права. - 2018. - № 1. - С. 85-102.
3. Попова А. В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журнал российского права. - 2018. - Т. 6. - № 11. - С. 14–24.
4. Попова А. В., Абрамова М. Г. Природа природы и онтология человека: к вопросу о новых субъектах права // Российский журнал правовых исследований. - 2017. - № 1. - С. 54–63.
5. Онтология права : (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография / Г. А. Гаджиев. - М. : Норма : ИНФРА - М, 2013. -320 с.
6. Chopra S., White L. Artificial Agents – Personhood in Law and Philosophy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sci.brooklyn.cuny.edu/~schopra/agentlawsub.pdf> – (дата обращения: 27.10.2022).
7. Нормы гражданского права о робототехнике. Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года 2015/2013(INL) P8_TA-PROV(2017)0051 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://robotrends.ru/images/1725/66137/201706722_Resolution_and_Charter_EU_RoboTrendsru.pdf.

УДК 347.6

Мургазаева А.А.

Институт «Гаврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

г. Симферополь

**ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ ЕЩЕ НЕ РОДИВШЕГОСЯ РЕБЕНКА
В НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ**

В статье проводится анализ ряда гражданско-правовых норм, гарантирующих возникновение наследственных прав у зачатого, но еще не родившегося ребенка в российском и зарубежном законодательстве. Сделан вывод о том, что в различных правовых порядках наследственные права распространяются на зачатого ребенка, но реализуются они только при условии его жизнеспособности после рождения.

The article analyzes a number of civil law norms that guarantee the emergence of inheritance rights for a conceived but not yet born child in Russian and foreign legislation. It is concluded that in various legal orders, inheritance rights apply to a conceived child, but they are realized only if he is born alive.

В римском праве для обозначения такого ребенка, зачатого при жизни наследодателя, но родившегося после открытия наследства, использовался особый термин - «насцитурус». В действующем российском законодательстве данный термин не используется, а ряд норм, направленных на обеспечение прав еще не родившегося ребенка наследодателя, свидетельствует о недостаточном фрагментарном урегулировании правового статуса «насцитуруса». Тем не менее, необходимость закрепления гарантий защиты прав такого ребенка и его матери представляет особую актуальность и подтверждает необходимость проведения специального исследования на данную тему.

Цель настоящего исследования заключается в анализе правовых положений, закрепляющих наследственные права зачатого, но еще не родившегося ребенка в российском и зарубежном законодательстве.

Так, согласно п. 1 ст. 1116 Гражданского кодекса Российской Федерации «к наследованию могут призываться граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства» [1]. Из указанного правового положения следует, что законодатель подразумевает не только детей самого наследодателя, зачатых при жизни и рожденных после его смерти, что позволяет распространять указанное правило в отношении иных субъектов, например, внуков, правнуков, племянников, братьев (сестер) наследодателя, в том числе. Вообще, в юридической литературе уже давно обращалось внимание на то, что необходимо разграничивать такие виды потенциальных наследников, как «постумов» и «насцитурусов». При этом пояснялось, что «постум» — это прямой наследник умершего, т.е. его потомок (сын или дочь), а «насцитурус» — это ребенок, рожденный любым другим наследником, например, внук, правнук и т.д. [2, с. 68]. Так вот ст. 1116 ГК РФ указывает в качестве будущих субъектов наследственных правоотношений «насцитурусов», а вот, например, в ст. 1088 ГК РФ, согласно которой вред лицам, понесшим ущерб в результате смерти кормильца, возмещается в том числе и ребенку умершего, родившемуся после его смерти, прямо указывается на право «постума».

Права несовершеннолетних или нетрудоспособных детей наследодателя предусмотрены и другими нормами действующего законодательства, но при этом в них не указывается на зачатого, но еще не родившегося на свет ребенка. Например, в ст. 1149 ГК РФ речь идет о лицах, подлежащих призыванию к наследованию обязательной доли независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону (обязательная доля). Считаем это важным упущением со стороны законодателя, так как «насцитурус» также должен иметь право на обязательную долю, о чем должно быть прямо указано в законе.

Важно отметить, что зачатый ребенок является лишь потенциальным наследником, так как правоспособность физического лица начинается с момента его рождения (ст. 17 ГК РФ), а следовательно, такой ребенок может стать субъектом наследственных правоотношений только в том случае, если он родится живым, иными словами, момент возникновения прав и обязанностей все же связан с фактическим рождением. При этом нельзя не отметить, что в зарубежном законодательстве иногда встречаются требования относительно жизнеспособности родившегося ребенка. Так, например, в ст. 725 Французского гражданского

кодекса прямо указывается, что «для того, чтобы наследовать, нужно существовать в момент открытия наследства, поэтому считается неспособным наследовать тот, кто еще не зачат, либо ребенок, рожденный нежизнеспособным [3].

Российским законодателем не определяется срок, в течение которого «наситирус» мог быть зачатым и рожденным. По нашему мнению, в таких ситуациях следует применять по аналогии п. 2 ст. 48 Семейного кодекса Российской Федерации о рождении ребенка в течение трехсот дней [4], которые следует исчислять с момента смерти наследодателя, хотя в некоторых правовых порядках такой срок меньше, например, в США – 280 дней со дня смерти отца, причем ребенок должен прожить после рождения хотя бы 120 часов [5, с. 496]. В отличие от американского права в российском законодательстве подобные правила отсутствуют. Более того, на наш взгляд, восприятие подобного правового опыта представляется нежелательным из-за того, что оговорка законодателем зависимости возникновения правоспособности ребенка от определенного количества времени, которое он должен прожить с момента рождения, создаст правовой вакуум, оставив без регулирования определение правового статуса ребенка в течение определенного периода и непременно породит проблемы, вызванные, в частности, формальной невозможностью привлечения виновного лица к ответственности за правонарушения против новорожденного ребенка.

Вместе с тем, считаем, что подобные нормы в зарубежном праве являются, скорее, общим правилом, а не исключением. В подтверждение такой позиции следует привести ссылки на ст. 31 Гражданского кодекса (ГК) Швейцарии, устанавливающей, что до своего рождения ребенок правоспособен только при условии, что родился живым, и на ст. 30 Гражданского кодекса (ГК) Италии, по которой жизнеспособным признается ребенок, проживший хотя бы сутки после своего рождения [6, с. 264].

Необходимо отметить, что несмотря на общее правило о возникновении правоспособности с момента рождения, законом предусмотрен целый ряд мер по защите прав еще не родившегося ребенка. Например, по законодательству республики Беларусь по ходатайству матери зачатого наследника совершение нотариальных действий по наследственному делу (выдача свидетельств о праве на наследство) может быть приостановлено до рождения такого наследника [7].

Законодательство Российской Федерации также защищает имущественные интересы еще не родившегося ребенка при открытии наследства, так как раздел наследства при наличии зачатого, но еще не родившегося наследника может быть осуществлен только после его рождения. Это прямо закреплено в ст. 1166 ГК РФ.

В то же время, правило о том, что наследник имеет право принять наследство в шестимесячный срок с момента рождения, делает его недостаточно защищенным, так как принять или отказаться от принятия наследства самостоятельно он не может, за него это совершают его законные представители.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного следует сделать вывод о том, что в различных правовых порядках наследственные права, хотя и распространяются на зачатого, но еще не рожденного ребенка, но реализуются они только при условии его жизнеспособности после рождения. Причем такой наследник может наследовать имущество как по закону, так и по завещанию. Разделение имущества до рождения ребенка невозможно. В случае раздела имущества такие сделки подлежат оспариванию в судебном порядке. Соответственно, из-за того, что нотариус и наследники не всегда могут знать о зачатом ребенке, отсюда вытекает большое количество судебных споров после рождения такого наследника.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: (ред. от 28.06.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.03.2022).

2. Полторацкая А.В. Правовой статус nascитуруса / А.В. Полторацкая, К.И. Синицына // Студенческая наука - взгляд в будущее: материалы XVI Всероссийской студенческой научной конференции. Том Часть 4. - Красноярск: Издательство: Красноярский государственный аграрный университет (Красноярск), 2021. – С. 67-70.

3. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011). [Электронный ресурс]. – М.: Инфотропик Медиа, 2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.03.2022).

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ: (ред. от 01.09.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.03.2021).

5. Сергеева Е.С. Презумпция отцовства nascитуруса / Е.С. Сергеева. - [Электронный ресурс] // Юридическая техника. - 2010. - № 4. С. 496 - 498. - Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20303958> (дата обращения: 23.10.2022).

6. Рябоконь Е.А. Зачатый ребенок как потенциальный субъект отношений, возникающих при наследственном правопреемстве / Е.А. Рябоконь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://repozytorium.uni.wroc.pl/Content/79000/PDF/19_Riabokon_J_Zacatyj_rebenok_kak_potencialnyj_subekt_otnosenij_voznikausih_pri_nasledstvennom_pravopreemstve.pdf (дата обращения: 23.03.2021).

7. О нотариате и нотариальной деятельности: Закон Республики Беларусь №305-З от 18.07.2004 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_notariate_i_notarialnoj_deyatelnosti.htm (дата обращения: 23.10.2022).

УДК 342

Перепелицын М.Н.

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА

В данной статье рассматриваются противоречия и проблемы в законодательстве относительно понятий: государственный язык, республики, Конституция, родной язык, государственный язык республик, народ.

This article examines the contradictions and problems in the legislation regarding the concepts: state language, republic, Constitution, native language, state language of the republics, people.

Правовой статус государственного языка опирается на законодательство состоящее из: Конституции, закона о «О языках народов Российской Федерации», закона «О государственном языке Российской Федерации», международных договоров и иных нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации.

Правовой статус государственных языков в законодательстве определен Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». Таким образом, государственным языком Российской Федерации устанавливается русский язык[2].

Большинство республик, входящих в состав Российской Федерации наряду с русским установили свои государственные языки. Исключением является Республика Карелия. Согласно ч. 6 ст. 3 закона РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 11.06.2021) "О языках народов Российской Федерации" карельский язык не может иметь статус государственного ввиду отсутствия алфавита на кириллической основе [3].

Статья 5 Конституции Российской Федерации указывает на то, что федерализм строится на «равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации» [1].

Статья 68 гарантирует народам, населяющим территорию Российской Федерации, право на сохранение и развитие родного языка, формирование условий для его познания [1].

Целью принятия нормативно-правовых актов в отношении регулирования государственного языка является обеспечение использования русского языка на всей территории государства, а также для поддержки и развития иных национальных языков.

Однако конституционные положения о статусе государственных языков в республиках недостаточно раскрыты.

В Конституции Российской Федерации не закрепляется верховенство русского языка в качестве государственного по отношению к государственным языкам республик. Таким образом понятия «государственный язык Российской Федерации» и «государственный язык республики» приобретают единый правовой статус, теряя всякое различие между собой.

Конституция Российской Федерации наделяет правом республики устанавливать свои государственные языки. Следовательно, подчеркивается особый статус республик по отношению к остальным субъектам РФ, что противоречит с ч. 3 ст. 5, провозглашающей равноправие народов РФ. Таким образом, данная норма лишает права нации иных субъектов страны устанавливать в качестве государственных свои национальные языки [1].

Также важной проблемой является отсутствие в законодательстве толкования понятий: «государственный язык Российской Федерации», «государственные языки республик», «официальные языки», «родной язык». Следовательно, необходимы дополнения и изменения действующего законодательства.

Возможностью решить неточность формулировок и повысить значение русского языка как государственного может быть замена понятия «государственный язык» на определение «государственные языки республик».

В настоящем законодательстве также не дано правовое толкование понятия «родной язык». Например, в ч. 2 ст. 26 Конституции РФ употребляется термин «родной язык», однако данное понятие можно определить в нескольких значениях:

1. Родной язык – это язык, прививаемый ребенку с рождения родителями, ввиду их национальной принадлежности.
2. Родной язык – это язык, приобретаемый в месте рождения и проживания человека по территориальному признаку [1].

Таким образом, отсутствие разъяснений приводит к проблеме понимания нормативно-правовых актов, несмотря на то что данные понятия часто используются в официальных документах.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.10.2022).
2. Закон Российской Федерации "от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»" от 1 июня 2005 № 53-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации
3. Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 11.06.2021) "О языках народов

Российской Федерации" от 25.10.1991 № 1807-1 // Официальный интернет-портал правовой информации. - с изм. и допол. в ред. от ред. от 11.06.2021.

УДК 347.43

Салло А.А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь

К ВОПРОСУ О ВИНДИКАЦИОННОМ ИСКЕ КАК СПОСОБЕ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. Статья автора посвящена изучению правового регулирования в современной России. Автором указано на некоторые проблемные вопросы, например, о правовой природе требования о возврате вещи (или ее части) от лица, самовольно его захватившего, указана на критерии разграничения виндикационного и негативного иска, предложено пути устранения.

Annotation. The author's article is devoted to the study of legal regulation in modern Russia. The author points out some problematic issues, for example, about the legal nature of the claim for the return of a thing (or part of it) from a person who seized it arbitrarily, points to the criteria for distinguishing vindication and negatory claim, and suggests ways to eliminate it.

Экономические отношения собственности являются материальной основой любого общественного строя, а их охрана — важнейшая задача любой правовой системы. Под гражданско-правовой защитой права собственности понимается совокупность предусмотренных гражданским законодательством средств, применяемых в связи с совершенными против этих прав нарушениями, и направленных на восстановление или защиту имущественных интересов их владельцев [5, с. 7]. В цивилистике специальные гражданско-правовые способы защиты права собственности делятся на несколько групп: вещно-правовые, обязательственно-правовые и другие способы защиты. Вещно-правовые средства защиты права собственности характеризуются тем, что: 1) непосредственно направлены на защиту права собственности как абсолютного субъективного права; 2) применяются в случае отсутствия между сторонами договорных отношений; 3) имеют целью восстановление правомочий собственника по владению, пользованию и распоряжению принадлежащего ему имущества, или устранение препятствий в осуществлении указанных правомочий [4, с. 75]. Кроме того, с помощью таких средств защищается право собственности на индивидуально определенную вещь, которая фактически сохранилась.

Основное место среди вещно-правовых средств защиты права собственности занимает иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения – виндикационный иск, который представляющий собой требование не владеющего вещью собственника к владеющему не собственнику о возврате ему вещи [2, с. 656]. Он защищается право собственности в целом, поскольку такой иск подается в тех случаях, когда нарушены права прежде всего право владения, а с ним и право пользования и распоряжения. Однако право собственности за собственником сохраняется на «законодательном уровне», что может быть подтверждено правоустанавливающими документами, а также показаниями свидетелей и письменными доказательствами.

Проблемным вопросом, который существенно влияет на эффективность защиты права

собственности на вещь, является вопрос о правовой природе требования о возврате вещи (или ее части) от лица, самовольно его захватившего. Так, к примеру, самовольное занятие земельного участка приводит к изъятию земельного участка из владения собственника и создает препятствия в использовании земельного участка. Именно это обстоятельство и является причиной разногласий в правовой квалификации требования вернуть самовольно занятый земельный участок. Одним из подходов к пониманию требования возврата самовольного занятого имущества (или его части) является его квалификация как виндикационного иска. Этот способ защиты заключается в требовании владельца, лишенного возможности владеть своим имуществом, к владельцу вещи, самовольно взявшим на себя право им владения, о его возвращении владельцу. Согласно другому подходу, самовольное взятие на себя права владения вещью, является созданием препятствий в пользовании, что не связано с лишением собственника владения. Практическое значение юридической квалификации требования о прекращении самовольного владения вещью заключается, среди прочего, в том, что если такое требование считать виндикационным иском, то на него распространяются правила о сроках исковой давности. Если же считать такое требование негаторным иском, к требованию о сроках исковой давности не могут быть применены к этому требованию, поскольку создание препятствий в пользовании является длительным нарушением.

Критерием, позволяющим установить, является ли такое требование виндикацией или негаторным иском, который применяется для того, чтобы устранить препятствия, которые мешали владельцу нормально и полноправно осуществлять свое право собственности, является лишение возможности владения. Например, если самовольное занятие земельного участка означает лишение владения, то требование о возврате такого земельного участка является виндикационным иском, а если же лишение владения не происходит, то требование о защите такого права является негаторным иском [1, с. 16]. Перед кредитором возникает дилемма: что должен потребовать должник - выполнить договорное обязательство по возврату имущества или истребовать его как собственник из чужого незаконного владения. Эта дилемма ставит вопрос: какую претензию - договорную или виндикационную - должен использовать владелец для защиты нарушенного права?

Анализ работ, специально посвященных исследованию соотношения виндикационного и негаторного иска, позволяет выделить тенденцию, которая заключается в восприятии концепции т. е. титульного владения. Согласно этой концепции, владельцем считают только лицо, зарегистрированное в реестре вещных прав на недвижимое имущество как собственник или субъект другого вещного права. Так, к примеру, самовольное занятие земельного участка не приводит к изменению записи в реестре, а, следовательно, владельцем продолжает оставаться потерпевший. Поскольку виндикационный иск применяется лишь в случае утраты потерпевшим права владения, то по мнению сторонников концепции «титульного владения», в случае самовольного занятия земельного участка должен применяться именно негаторный иск.

Обрисовав в общих чертах некоторые особенности правового режима негаторного и виндикационного исков, попробуем их сопоставить с ситуацией возврата самовольно занятого земельного участка (или его части) из чужого незаконного владения. Такое сопоставление приводит к выводу, что все вопросы, урегулированные нормами, устанавливающими правовой режим виндикационного иска и которые не регламентируются правовым режимом негаторного иска могут возникать во время самовольного занятия земельного участка и даже его части. Сама по себе возможность возникновения таких вопросов во время возврата самовольно занятого земельного участка и урегулированности этих вопросов исключительно правовым режимом виндикационного иска свидетельствует о том, что законодатель считал требование вернуть земельный участок из чужого незаконного владения виндикационным иском [3, с. 23].

Подводя итоги, необходимо обратить внимание на черты виндикации, важные для

рассмотрения затронутых в данном исследовании вопросов: 1) виндикация применяется ко всем вещам – каких-либо положений, которые бы позволяли предположить, что виндикация не может быть применена, ГК РФ не содержит; 2) в случае фактического занятия земельного участка, даже если в реестре вещных прав на недвижимое имущество собственник продолжает оставаться владельцем имущества, могут возникать вопросы расчетов между собственником и незаконным владельцем при возврате такого имущества, решение которых регулирует правовой режим виндикации и не регламентирует правовой режим негаторного иска; 3) правила возврата, безосновательно приобретенного или сохраненного имущества, не могут в полной мере заменить положения виндикации о расчетах между собственником и незаконным владельцем.

Изложенное позволяет утверждать, что по нормам гражданского законодательства требование об освобождении самовольно занятого земельного участка является именно виндикационным, а не негаторным иском. Субъектам правоотношений при его применении необходимо неуклонно придерживаться принципа четкого разграничения сферы применения различных способов защиты права собственности. Для правильного разграничения виндикационного и негаторного иска следует провести четкую квалификацию правоотношений, возникших между сторонами и установить характер нарушения права. Для этого следует верно определить предмет и объект иска, установить принадлежность истца и ответчика, проверить соблюдение условий, необходимых для его предъявления иска. В том числе для его удовлетворения.

Список использованных источников:

1. Бедунков, А. М. Понятия виндикационных и негаторных исков: вопросы теории и практики / А. М. Бедунков // Студенческий. – 2022. – № 11-3(181). – С. 16-18.
2. Братухина, Е. А. Место виндикационного иска в системе способов защиты вещных прав / Е. А. Братухина // Аллея науки. – 2020. – Т. 1. – № 12(51). – С. 656-662.
3. Бурлак, А. Е. Условия удовлетворения иска об истребовании имущества из чужого незаконного владения (виндикационного иска) / А. Е. Бурлак // Студенческий форум. – 2022. – № 23-3(202). – С. 23-25.
4. Каменева, П. В. О некоторых вещно-правовых способах защиты права собственности -виндикационный иск (часть 1) / П. В. Каменева, И. В. Дементьева // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 1(193). – С. 75-78.
5. Левушкин, А. Н. Виндикационный иск в цивилистической парадигме: от теории к правоприменительному процессу / А. Н. Левушкин // Гражданское право. – 2022. – № 5. – С. 7-12.

УДК 34.02

Самородский Е.О.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,

Г. Симферополь

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЦЕННОСТЯХ ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена краткому обзору развития теоретических представлений о ценностях личности, которые обеспечивают целостность и устойчивость

личности, определяют структуру сознания и программы, стратегии деятельности, определяют мотивы людей, их ориентацию на конкретные объекты, различные виды деятельности и общения, как средство достижения целей.

Annotation. The article is devoted to the review of the development of theoretical ideas about the values of personality, which ensure the integrity and stability of personality, determine the structures of consciousness and programs, strategies of activity, determine the motives of people, their orientation to specific objects, various types of activities and communication as a means of achieving goals.

В современном мире принято считать, что каждая сформировавшаяся личность имеет свою систему ценностей, которая и определяет её дальнейшее поведение, выступая как одна из важнейших мотивационных установок. В настоящее время, когда ценности, сформированные в советский период, критически осмысляются и, нередко, отрицаются, возникает потребность в выявлении новых ценностей – ценностей современного человека, и, необходимый этап в этом процессе – установление теоретических представлений о ценностях и ценностных ориентациях личности.

Ценностно-смысловая сфера личности занимает центральное место во многих теориях личности (в частности теориях А. Маслоу, В.Д. Ядов, Б.Т. Ананьев, С.С. Рубинштейн, Э. Фромм, Д.А. Леонтьев и др.). Так, в концепции А. Маслоу система ценностных ориентаций личности выступает в качестве основного регулятора активности личности и направленности ее развития [2, с.97].

Понятие «ценность» такие отечественные ученые и мыслители, как О. Г. Дробницкий, В. П. Тугаринов, С. Ф. Анисимов, рассматривают посредством выделения ряда признаков, характерных для разных форм общественного бытия и сознания: значимость, необходимость, нормативность [3, с.29]. Таким образом, на данный момент было проведено множество исследований в этой сфере, начиная с изучения ценностных ориентаций различных малых социальных групп, заканчивая изучением и сравнением ценностных ориентаций различных народов.

Понятие ценностных ориентаций впервые возникло в литературе в первой четверти XX века. Под ценностями (в труде У. Томаса и Ф. Знанецкого) понимались «более-менее точные формальные правила, с помощью которых группа старается удержать, регулировать, а также сделать более распространенными и частыми соответствующие типы действий своих членов» [5].

Однако сами представления о ценностях возникли намного раньше – впервые их сформулировал Аристотель в «Большой этике». Исследуя вопрос о благах, философ выделил три их типа – ценное (*timia*), хвалимое (*eipairieta*) и возможности (*dynameis*) [1]. По его мнению, ценное является тем, что находится у всех в почёте. Хвалимое же – это добродетели в такой мере, в какой согласованные с ними действия вызывают похвалу и одобрение. Под возможностями Аристотель подразумевал красоту, богатство, власть, силу.

Наиболее обширным и богатым направлением исследования, касающемся ценностных ориентаций являются исследования М. Рокича [6], который разделил все ценности на две группы – терминальные ценности и инструментальные ценности, проанализировав которые мы можем говорить о фактическом разделении на ценности – цели и ценности – средства.

В отечественной литературе одним из тех, кто активно изучал проблему ценностей и ценностных ориентаций, был В.А. Ядов, который под ценностными ориентациями понимал установку личности на те или иные ценности материальной и духовной культуры общества. «Это тот компонент структуры личности, который представляет собой некоторую ось сознания, вокруг которой вращаются помыслы и чувства человека и с точки зрения которой решаются многие жизненные вопросы» [4, с.199].

В. Г. Алексеева отмечает, что ценностные ориентации являются собой форму функционирования ценностей, этап перехода их в деятельность. В.Г. Алексеева выделяет две

формы ценностных ориентаций: индивидуальные и групповые. Индивидуальные ценностные ориентации воздействуют на формирование групповых ценностных ориентаций через межличностные отношения. Групповые ценностные ориентации учитывают общественные и личные интересы членов общества и формируются из совокупности индивидуальных ценностных ориентаций её членов [2, с.65].

Таким образом, представления о ценностях возникли еще в Древней Греции: такие философы как Сократ и Аристотель давали им определения и характеристики, определяли их роль в жизни человека. Дальнейшее исследование представлений о ценностях и системе ценностных ориентаций показало, что существует множество различных точек зрения, однако неизменным остаётся тот факт, что ценности являются важнейшей мотивационной установкой и, во многом, определяют поведение личности. Таким образом регулирование поведения личности в правовой сфере на основе ценностных ориентаций ведет к возникновению ценностно-правовой ориентации, выражающейся в отношении индивида к правовой действительности.

Список использованных источников:

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. - М.: Мысль, 1984. - Т.4. С. 299.
2. Букурова А. В. Концепция ценностей А. Маслоу и возможности ее применения / А. В. Букурова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 1. С. 97.
3. Валеева Г. В. Классификации и системы ценностей отечественных мыслителей: аналитический обзор / Г. В. Валеева, Н. Л. Богомазова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 7(81). С. 29
4. Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. 1965. Отношение к труду и ценностные ориентации личности. В кн.: Социология в СССР. М.: Мысль. Т. 2. С. 199-200.
5. История социологии: современный этап : учеб. для вузов / Г. Е. Зборовский; Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования ХМАО – Югры «Сургут. гос. пед. ун-т»; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования «Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина». – 2-е изд., испр. и доп. – Сургут [и др.]: РИО СурГПУ, 2015. С. 123.
6. Рокич М. Методика "Ценностные ориентации" / М. Рокич. – Москва // Большая энциклопедия психологических тестов / авт.-сост. А.А. Карелин. – Москва : Эксмо, 2009. С. 26-28.

УДК 346

Холецкая А.Ю.

*Крымский Филиал ФГБОУВО «Российский государственный
университет правосудия», Россия,
г. Симферополь*

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ТАЙНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ

Аннотация: В статье рассмотрена роль и значение тайны усыновления. Проанализирована тайна усыновления с позиции обеспечения конфиденциальности данных о семье и права ребенка знать своих родителей. На основе исследования сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.

Abstract: The article considers the role and significance of the secrecy of adoption. The secrecy of adoption is analyzed from the standpoint of ensuring the confidentiality of family data and

the child's right to know his parents. On the basis of the study, proposals for improving legislation are formulated.

Тайна усыновления не является обязательным аспектом процесса усыновления, сохранение данной тайны законодатель связывает с волей усыновителей. Однако, как правило, в случае усыновления ребенка в неосознанном возрасте усыновители стремятся к конспирации и сокрытию факта усыновления (как для самого усыновленного, так и окружающих). Разглашение тайны усыновления может крайне негативно отразиться на психическом состоянии ребенка. В связи с чем, законодателем разработан ряд правовых норм, направленных на охрану тайны усыновления ребенка и в современной правовой доктрине является одним из наиболее актуальных и приоритетных. Высокая значимость данного института для социальной стабильности государства и морально-психологического благополучия детей, обуславливает наличие большого количества исследований.

В категориально-понятийном аппарате правовой науки тайной усыновления является запрет на разглашение всех вопросов, связанных с усыновлением ребенка. За разглашение устанавливается уголовная, гражданско-правовая и административная ответственность. Например, уголовная ответственность предусматривает наказание вплоть до ареста сроком до четырех месяцев с лишением права занимать определенные должности [1], административная ответственность предполагает штрафы в размере 500-1000 рублей в отношении гражданских лиц и 4-5 тыс. рублей в отношении должностных лиц [2], а гражданская ответственность предполагает компенсацию морального вреда за нравственные страдания усыновленного, узнавшего о том, что его родители не являются родными [3].

Роль тайны усыновления заключается в формировании подлинно родственных отношений между усыновителем и усыновленным, стабильности усыновления, обеспечении психоэмоционального комфорта и облегчении воспитания ребенка. О тайне усыновления может идти речь только при условии, что ребенок был усыновлен в неосознанном возрасте. Если ребенок помнит своих биологических родителей или их отсутствие до момента усыновления (в случае пребывания ребенком в детском доме), усыновление не составляет для него тайну [4]. При этом факт знания (понимания) ребенком, того, что он приемный, не предоставляет возможности разглашения данных сведений посторонним лицам [5]. Также реализация права на тайну усыновления не может быть воплощена полностью в случае, если ребенок был найден, подкинут, либо в случае добровольного установления отцовства лицом, не являющимся биологическим отцом ребенка и в других случаях.

На суды возложена обязанность рассматривать дела, связанные с усыновлением в закрытых заседаниях. Соответствующие разъяснения были даны пунктом 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. [6] Также лица, которым стало известно об усыновлении ребенка в силу, осуществление ими их профессиональных обязанностей, должны сохранять эту тайну, что закреплено в ст. 139 Семейного Кодекса РФ [7] и пункте 2 статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» [8].

Необходимость обеспечения указанной тайны остается одним из наиболее дискуссионных вопросов в российском законодательстве. Тайна усыновления не предоставляет ребенку возможности знать свою настоящую родословную, в свою очередь, незнание собственного происхождения несет в себе риски вступления усыновленным в близкородственный брак, что запрещено российским семейным правом, а также препятствует диагностированию и лечению различных наследственных и генетических заболеваний. В Российской Федерации усыновленные дети, изъявившие воли получить сведения о биологических родителях, не могут это сделать.

Тайна усыновления распространяется не только на посторонних лиц, но и на самого усыновляемого (как правило, в случае, когда ребенок усыновлен в раннем возрасте и своими биологическими родителями считает усыновителей), что по замыслу законодателя, обеспечивает психоэмоциональный комфорт и адекватные условия формирования личности

несовершеннолетнего. Поскольку тайна усыновления не имеет сроков давности, при достижении совершеннолетнего возраста, усыновленный остается лишенным возможности узнать о своем происхождении. Основная дискуссия в данном контексте связана с соотношением тайны усыновления и права ребенка знать своих родителей. Позиция Конституционного суда РФ по данному вопросу выражена в Постановлении от 16 июня 2015 г. № 15-П, в которой содержатся положения о гарантии на неприкосновенность, в том числе, семейных тайн, что дает возможность контролировать информацию о самом себе [9].

Острота проблемы охраны прав несовершеннолетних детей требует укрепления гарантий их защиты на законодательном уровне [10, с. 239]. В связи с этим, полагаем допустимым открытие тайны усыновления по желанию усыновленного лица после достижения им совершеннолетия. Необходимо дополнить ст. 139 СК РФ следующими положениями: «предоставить право усыновленному лицу, достигшему возраста 18 лет, на предоставление сведений об усыновлении и биологических родителях в судебном порядке. Распространить данное право также на потомков усыновленного лица».

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 16.04.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.04.2022) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. - 1994, № 32. Ст. 3301.
4. Решение Ленинского районного суда г. Нижнего Тагила (Свердловской области) от 26 февраля 2020 г. по делу № 2А-500/2020 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fxUUTk0qSugQ/> (дата обращения: 10.10.2022)
5. Решение Всеволожского городского суда (Ленинградской области) от 28 января 2020 г. по делу № 2А-10200/2019 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Qnd5mYNWXbr/> (дата обращения: 10.10.2022)
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 N 8 (ред. от 17.12.2013) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Российская газета, N 92, 03.05.2006.
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, N 1, ст. 16.
8. Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 N 143-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ, 24.11.1997, N 47, ст. 5340.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 N 15-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной» // Собрание законодательства РФ, 29.06.2015, N 26, ст. 3944.
10. Аблятипова Н.А., Форостян А.С. Проблемы обеспечения интересов детей при отмене усыновления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 1. – С. 231-240.

УДК 347.6

Шипунов А.И.*Институт «Таврическая академия»**ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,**г. Симферополь***ПРИНЯТИЕ НАСЛЕДСТВА И ОТКАЗ ОТ НЕГО**

***Аннотация.** В данной статье рассматривается правовая природа принятия наследства и отказа от него, законодательные пробелы данного вопроса, а также проблемы института наследования. Актуальность темы обусловлена постоянным возникновением наследственных правоотношений в связи со смертью человека. Целью работы служит подробный анализ основных аспектов института принятия наследства и отказа от него.*

Ключевые слова: наследство, принятие наследства, отказ от наследства, наследственное право.

***Annotation.** This article examines the legal nature of the acceptance of inheritance and rejection of it, the legislative gaps of this issue, as well as the problems of the institution of inheritance. The relevance of the topic is due to the constant occurrence of hereditary legal relations in connection with the death of a person. The purpose of the work is a detailed analysis of the main aspects of the institution of inheritance acceptance and rejection.*

Наследованием признается переход имущества, а также связанных с этим имуществом прав и обязанностей умершего лица, именуемого наследодателем, к наследникам.

Открытие наследства связывают со смертью наследодателя. Однако, наследство можно как принять, так и отказаться от него. Юридическими фактами, которые прекращали бы наследственные правоотношения, выступают объективные и субъективные обстоятельства. К первым относят смерть лица, наследника, которое не успело принять наследство. Наследственные правоотношения прекращаются еще и в случае, когда наследник признан недостойным или, когда завещание было отменено. Самым распространенным же вариантом прекращения наследственных правоотношений является вступление наследника в наследство путем его принятия.

Наследственное право, вернее сказать, право на наследование является одним из элементов содержания субъективного права наследования. Его реализация осуществляется в одностороннем порядке, и сделка признается односторонней.

Несмотря на сегодняшнее развитое положение института наследования остается еще множество неразрешенных вопросов, касающихся принятия наследства и отказа от него.

Первый вопрос, затрагивающий наследственные правоотношения, возникает при принятии наследства малолетними наследниками. В статье 28 Гражданского Кодекса Российской Федерации содержится положение о том, что несовершеннолетние от 6 до 14 лет имеют право самостоятельно совершать сделки, которые направлены на получение ими выгоды и не требует государственной регистрации или нотариального удостоверения [1, с.1]. Итак, если в состав наследства не входит недвижимое имущество, то государственная регистрация или нотариальное удостоверение не требуется, а значит и малолетний наследник имеет право принять наследство. Однако, формально такой наследник может принять наследство лишь обратившись к нотариусу, а это уже нотариальное удостоверение, не отвечающее требованиям статьи 28 Гражданского Кодекса [1, с.1]. В таком случае интересы ребенка представляет его законный представитель. В случае с несовершеннолетними от 14 до

18 лет достаточно лишь письменного согласия законного представителя, а принятие наследства осуществляется самостоятельно. Ограниченно дееспособный наследник принимает наследство с согласия попечителя, а недееспособный и вовсе не имеет права получать наследство. За него это делает его опекун, которому согласие органов опеки и попечительства не требуется, так как имущество своего подопечного не уменьшается, а увеличивается в результате принятия наследства. Законодательно не решен вопрос о наследовании от имени безвестно отсутствующего наследника, хотя таких примеров из жизни целая масса. Орган опеки и попечительства принимает на себя заботу об имуществе, однако не принимает на себя его наследство.

Споры и по сей день не утихают в отношении регулирования сроков принятия наследства и отказа от него. Срок принятия наследства составляет шесть месяцев, однако, как и во многих положениях гражданского права, этот срок хоть и является общим, имеет ряд исключений. Последние, в свою очередь, составляют группу специальных сроков. Не учитываются при исчислении срока для принятия наследства наследником, приобретшим право на наследование из-за непринятия наследства первоначально, то, что при фактическом принятии наследства наследником, тот может от него отказаться и по истечении шестимесячного срока. Срок для обращения в суд не установлен, следовательно, обратиться можно и за рамками общих сроков отказа от наследства. Да и сам судебный процесс может растянуться на срок, превышающий шесть месяцев, к примеру, судебный процесс о признании наследника недостойным [3, с. 15].

Проблема исчисления срока наблюдается и при принятии наследниками последующих очередей наследства. Закон не учитывает это обстоятельство, а потому у наследников следующей очереди срок на вступление в наследство может истечь еще до возникновения у них прав на наследование. По закону можно и вступить в наследство по истечении шестимесячного срока, если лицо не знало и не должно было знать об открытии наследства или по другим уважительным причинам, а значит срок для принятия наследства может быть восстановлен. Однако, что следует считать под уважительностью причин незнания наследника о смерти умершего и открытия наследства? Невнимание родственников друг к другу при жизни не соответствует принципу социальной справедливости, а потому уважительность незнания наследника об открытии наследства для пропуска сроков ставится под большое сомнение.

Пропуск срока на принятие наследства без наличия уважительной причины влечет отказ суда в восстановлении сроков на вступление в наследство. В таком случае виноват никто иной как сам наследник, вовремя не подавший документы на вступление. Иначе дело обстоит с представителем наследника, коим может являться родитель, попечитель, опекун. Выходит, что отсутствие уважительности причин пропуска представителем наследника сроков на вступление в наследство, может повлечь отказ в восстановлении сроков на вступление в наследство, что нарушает права несовершеннолетних и недееспособных.

Статья 10 Гражданского Кодекса гласит, что при злоупотреблением правом суд с учетом характера такого злоупотребления может отказать лицу в защите его прав, полностью или частично, а также применяет и иные меры, которые суд определяет сам [1, с.1]. Так, Верховный Суд Российской Федерации дал разъяснение по этому поводу, где указано, что суд может отказать в защите принадлежащей недобросовестной стороны права полностью или в части. Значит, при недобросовестном поведении наследника, суд имеет право признать факт принятия наследства наследником даже при отказа от наследства для удовлетворения интересов кредитора [2, с.1].

Список использованных источников:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. No 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»

3. Попова Л.И. Отказ от наследства в российском гражданском законодательстве // Власть закона. 2015. No 2 (22). С. 85

УДК 349.2

Катренко А. И.

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

ПРОБЛЕМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В СИСТЕМЕ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. В работе были рассмотрены различные примеры регулирования с законодательной стороны злоупотребления правом в международной и отечественной практике, а также проанализированы случаи возможного злоупотребления работодателем своими правами при привлечении работника к дисциплинарной ответственности. В ходе работы также были представлены перспективы усовершенствования национального законодательства в рамках исследуемой темы.

Annotation. The paper considered various examples of legislative regulation of abuse of law in international and domestic practice, as well as analyzed cases of possible abuse by the employer of their rights when bringing an employee to disciplinary responsibility. In the course of the work, the prospects for improving national legislation within the framework of the topic under study were also presented.

В соответствии с п.4 ст.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, в связи с принципом добросовестности, установлено правило недопустимости извлечения выгоды из своего недобросовестного поведения. Например, не допускается недобросовестная конкуренция [1].

Злоупотребление правом – это действие во вред кому-либо, недобросовестная конкуренция и другие нарушения. Теория злоупотребления субъективным правом базируется на том, что один субъект правоотношений пытается реализовать свои права в ущерб правам и законным интересам другого субъекта.

В ряде государств, зачастую с романо-германской правовой системой, теория злоупотребления правом включает в себя все возможные юридические факты с указанием последствий (к примеру, Швейцария, Нидерланды, Турция). Такая практика присутствует во Франции, Швейцарии. В тоже время, в других государствах с идентичной правовой системой, таких как Германия, Австрия, для квалификации данного «правонарушения» необходимо наличие ключевого признака – при рассматриваемых действиях или бездействиях преследовалась цель в нанесении ущерба. Для концепции данной теории в англо-саксонских

правовых системах необходимо также наличие мнимых и притворных сделок, что свойственно США [5].

В национальном праве ни действующее законодательство, ни судебная практика, не смогли определить границы и закрепить принцип недопустимости злоупотребления правом. На сегодняшний день, на основании Пленума Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 17.03.2004 года № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (с изменениями от 24.11.2015 N 52), на законодательном уровне РФ закреплен принцип недопустимости злоупотребления правом, который должен соблюдаться как работодателем, так и работниками, если речь идет о трудовом правоотношении [4]. Подобный принцип недопустимости злоупотребления правом закреплен в статье 10 «Гражданского Кодекса Российской Федерации» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022), на основании которого не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке [1].

Лицо, уличенное в злоупотреблении правом, преследует цель – причинение ущерба и (или) получение незаконных преимуществ перед другими субъектами трудовых правоотношений [3].

В трудовых отношениях работодатель обладает властными полномочиями и, соответственно имеет ряд возможностей для злоупотребления своим правом, начиная от осуществления поиска кандидатов на должность, заканчивая доступом к конфиденциальным данным работников.

Приведем пример. В национальном и зарубежном праве существует коллизия пределов допустимости осуществления контроля действий работников в рабочее время со сторон работодателя. В зарубежной судебной практике нередки случаи, когда работники обращаются с исковыми заявлениями в суд в связи с нарушениями их частной жизни. Однако, исходя из судебной практики американских судов, работодателю удается предоставить доказательства целесообразности данных действий, объясняя их как «действия, направленные на повышение эффективности ведения бизнеса», при этом они предоставляют доказательства суду, что в их цели не входило завладение какой-либо иной информацией, помимо вопросов трудовой деятельности сотрудников, в следствие чего, суды безоговорочно встают на сторону работодателя. К примеру, в англо-саксонской правовой системе, суды опираются на прецедентные решения, квалифицируют подобные попытки со стороны работников скрыть нецелесообразное использование ресурсов работодателя ссылками на вмешательство в свою частную жизнь как злоупотребление правом и обязывают их компенсировать нанесенный ущерб [5].

Национальное трудовое право процедуру защиты права на неприкосновенность частной жизни работника со стороны работодателя не регламентирует. Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ) предусматривает лишь порядок получения конфиденциальных сведений о частной жизни работника лишь с его письменного согласия [6, ст. 86]. Вследствие чего возникает необходимость на законодательном уровне, в рамках ТК РФ, разработать положения и нормы о защите личной жизни работника, которые бы формировали рамки злоупотребления правом со стороны работодателя.

Благоприятным моментом для злоупотребления правом со стороны работодателя становится привлечение работника к дисциплинарному взысканию, особенно, когда дисциплинарным взысканием является увольнение. К примеру, Основное руководство по Национальному закону о трудовых отношениях США, объясняет это тем, что вмешательство закона в дисциплинарные увольнения довольно минимизировано в трудовом законодательстве США [7]. Американская доктрина устанавливает, что основания увольнения базируются на конкретных обстоятельствах, выраженных в связи с нарушением работником трудовой дисциплины, невыполнением или ненадлежащим выполнением трудовых обязанностей, а также нарушением законодательства. В соответствии с постановлением

Верховного суда штата Теннесси – не допускается никакое вмешательство в действия работодателя при увольнении работников, в случае, если это необходимо в связи с собственными требованиями производства, а также по любому иному основанию [2].

В национальном трудовом законодательстве также отражены случаи возможного злоупотребления работодателем своими правами при привлечении работника к дисциплинарной ответственности, а именно:

1. При наложении максимального срока привлечения к ответственности. Согласно мнению ряда юристов, максимальный срок привлечения к ответственности может быть обоснован в любой период, не зависимо от того, на каком этапе происходит расторжение трудового договора.

2. Применение дисциплинарного взыскания, которое не сопоставимо с совершенным правонарушением работника.

3. Использование формальных критериев при увольнении работника.

4. Подмена реального основания расторжения трудового договора более выгодным для работодателя.

Естественно, что как российской, так и зарубежной практике известно и о злоупотреблении правом по отношению к работодателю со стороны работников. Существует ряд «популярных» форм злоупотребления правом работниками, среди которых, на наш взгляд, самой распространенной является непредставление женщиной сведений о беременности при расторжении трудового договора по инициативе работодателя.

Анализируя судебную практику США относительно защиты работодателей от злоупотребления беременными женщинами своим правом на преимущественное оставление на работе и некоторыми другими, связанными с беременностью, существует судебный прецедент, согласно которому данная категория сотрудников подпадает под правовую защиту государственного закона лишь с момента оповещения работодателя о беременности. Особенностью является то, что работодатель не имеет права заставить женщину-сотрудника пройти тест на наличие беременности, если только женщина не планирует пользоваться государственными льготами. В результате чего увольнение беременных женщин, которые своевременно не поставили работодателя в известность, считаются правомерными.

Российское трудовое законодательство также предусматривает гарантии для беременных женщин. Законодательно установлен запрет на увольнение по инициативе работодателя беременных женщин, но существует исключение, если происходит ликвидация организации или прекращение деятельности организации или индивидуального предпринимателя. Закон не предусматривает возможности или невозможности увольнения беременной женщины в зависимости от осведомленности работодателя о ее положении, поскольку данное обстоятельство не должно влиять на соблюдение гарантий для беременных женщин [3].

В период беременности расторжение трудового договора с женщиной допускается лишь в случае, если трудовой договор с ней заключен на время исполнения обязанностей отсутствующего работника и отсутствует возможность перевода беременной женщины на иную вакантную должность, соответствующую ее квалификации, нижестоящую должность или нижеоплачиваемую работу, которую женщина может выполнять в силу состояния ее здоровья [6].

Подводя итог, стоит отметить, что национальное законодательство имеет огромные перспективы и фундаментальную основу для усовершенствования. На наш взгляд, целесообразно ввести изменения в трудовое законодательство Российской Федерации относительно вменения женщинам обязанности уведомления работодателя о своей беременности. Это в дальнейшем позволило бы оградить добросовестных работодателей от злоупотребления правом со стороны беременных женщин, а именно от сокрытия данного факта.

Также полагаем, что необходимо закрепить в Трудовом кодексе Российской Федерации понятие «злоупотребление правом» в сфере трудовых отношений, а вместе с ним и установить соответствующий принцип о недопущении злоупотребления правом.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ (ред. от 26.10.2021 N 45-П) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 01.11.2022).
2. Демидов, Н.В. Выбор работодателя: увольнять или нет? Применение пункта 6 статьи 81 ТК РФ (научная статья) [Электронный ресурс] / Н.В. Демидов // Кадровик: Трудовое право для кадровика. – 2008. – № 9. – С. 21–28. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/5592898/> (дата обращения: 01.11.2022).
3. Лушникова, М.В. Природа злоупотребления [Электронный ресурс] / М.В. Лушникова // Кадровик. Трудовое право для кадровика. – 2010. – №1-2. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/5850270/> (дата обращения: 01.11.2022).
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/ (дата обращения: 01.11.2022).
5. Ситников, А.А. Злоупотребление со стороны работодателя правом на управление трудом [Электронный ресурс] / А.А. Ситников // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – №4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-so-storony-rabotodatela-pravom-na-upravlenie-trudom> (дата обращения: 01.11.2022).
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 07.10.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 01.11.2022).
7. Basic guide to the National Labor Relations Act. Washington: U.S. Government Printing office, 1997. – 36 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nlrb.gov/sites/default/files/attachments/pages/node-184/basicguide.pdf> (дата обращения: 01.11.2022).

УДК 347.7

Сибилев Я.И.

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

**РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: АНТИМОНОПОЛЬНОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ И СЕТЕВЫЕ ЭФФЕКТЫ.**

Аннотация: в настоящем исследовании проведен анализ нового направления развития общественных взаимоотношений, именуемого цифровой экономикой. Помимо раскрытия терминологических и правоприменительных особенностей, также отдельное внимание

уделено актуальным правоприменительным недостаткам, к которым в текущих реалиях следует отнести пробелы и несовершенства отечественного законодательства в области антимонопольного регулирования.

Annotation: this article analyzes a new direction in the development of social relations, called the digital economy. In addition to the disclosure of terminological and law enforcement features, special attention is also paid to current law enforcement shortcomings, which in the current realities should include gaps and imperfections of domestic legislation in the field of antimonopoly regulation.

Научно-технический прогресс в современном мире оказывает существенное влияние на все сферы взаимоотношений между людьми. В частности, невозможно отрицать воздействие цифровизации и на современные отрасли права, включая гражданское право, а также его подотрасли и институты. Иными словами, на текущий момент право приобрело статус объекта воздействия цифровизации. Основываясь на данной мысли, обратим внимание на такую приоритетную область, как взаимодействие в контексте современной рыночной экономики, где, с началом XXI века решающую роль на себя приняли технологии, обусловив возникновение понятия «цифровая экономика».

Анализируемое терминологическое явление представляет собой научно-юридическую новеллу, к сожалению, пока еще не переросшую в форму легального определения. В связи с чем и подходы к пониманию сущности цифровой экономики могут быть различными.

Так, например, по мнению А.Е. Зубарева: «цифровая экономика – это системная совокупность экономических отношений по поводу производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг техноцифровой формы существования» [1]. Более перспективное толкование с точки зрения возможных траекторий развития и разрабатываемой проблематики было предложено А.В. Филипповичем, который отметил, что под цифровой экономикой следует понимать «комплекс нововведений, вследствие которых большая часть производства как товаров, так и услуг потребует меньших затрат труда, что позволит уменьшить удельные затраты на производство, сделать товары и услуги более доступными и качественными» [2]. Отчасти приведенное определение оправдывает актуальность анализируемой проблематики: использование информационных технологий в экономической среде предполагает реализацию возможностей по осуществлению законной кооперации, а также проведению политики добросовестной конкуренции. Однако, к сожалению, предполагаемые позитивные результаты не всегда соответствуют действительности. Так, цифровой прогресс в недобросовестных кругах способствует появлению так называемой опережающей конкуренции: новые цифровые компании осуществляют контролирующие функции в отношении определенного сектора экономики, тем самым нарушая законодательство в сфере регулирования антимонопольной деятельности.

Отметим, что антимонопольные органы осуществляют соответствующее реагирование на новые цифровые условия, что проявляется в регламентирующей деятельности последних актах нормативного характера, как например:

- Указе Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы»,

- Приказе ФАС России от 18.03.2020 N 289/20 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года» и др.

В указанных документах особое внимание уделено вопросам реализации этапов и способов полноценного перехода к условиям жизни в рамках существования цифровой экономики, а также промежуточному прогнозированию наиболее успешных методов взаимодействия между появляющимися и уже существующими субъектами рыночных отношений по поводу ключевых объектов экономико-правового сотрудничества. Тем не менее, на текущем этапе Федеральной антимонопольной службой РФ неоднократно высказывались предположения и появлении нового элемента информационного сектора

экономики, который следует именовать «сетевым эффектом».

Немного опережая события, отметим, что на текущий момент в Государственной Думе РФ на этапе первого чтения находится Законопроект № 160280-8 О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции». Исходя из его положений, под сетевым эффектом отечественный законодатель понимает «влияние хозяйствующего субъекта, обеспечивающего посредством использования программы (совокупности программ) для электронных вычислительных машин в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», совершение сделок между иными лицами, выступающими продавцами и покупателями определенных товаров, на общие условия обращения товаров на товарном рынке, на котором осуществляется взаимодействие таких продавцов и покупателей, за счет увеличения числа таких продавцов и покупателей» [3]. Иными словами, сетевой эффект представляет собой явление непрерывного стимулирования цифровой экономики, и, как видится, с точки зрения закона нацелен на внушительный рост уровня экономической эффективности субъектов, обладающих данным инструментом – цифровых компаний.

В текущем понимании, а также в условиях отсутствия (до момента принятия анализируемого законопроекта) должного нормативного закрепления статуса цифровых компаний, последние, как видится, в большей степени представляют собой безальтернативных монополистов, обладающих преимущественным положением на рынке и способных диктовать собственные условия для контрагентов. Безусловно, учитывая наличие такого доминирующего конституционного принципа, как «единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности» [4], данная ситуация не может и не должна оставаться законодательно неурегулированной.

Благополучное развитие рыночных отношений в условиях появления сильного доминирующего субъекта возможно лишь при условии грамотного внедрения механизмов воздействия антимонопольных органов. В противном случае, менее экономически защищенные субъекты, находясь в крайне невыгодном положении, будут вынуждены подчиняться потенциальному монополисту, что в конечном итоге, приведет к разрушению концепции свободной конкуренции ввиду отсутствия мотивированной идеи по развитию бизнеса. В связи с чем видится острая необходимость в реформировании Федерального закона «О защите конкуренции». Направления предполагаемых нововведений следующие:

1) Легальное закрепление определения понятия «сетевой эффект». На наш взгляд, предложенная в рамках Законопроекта № 160280-8 О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» дефиниция в целом является достаточно удачной и учитывающей все необходимые признаки анализируемого явления;

2) установить запрет на осуществление монополистической деятельности лицами, которые используют «в информационно-телекоммуникационной сети программы для электронных вычислительных машин для заключения сделок продавцов и покупателей» [3]. В контексте Законопроекта № 160280-8 данное положение предполагается к закреплению к форме отдельной статьи 10¹.

Подводя итог всему вышеизложенному, отметим, что реализация курса на правовую регламентацию механизмов цифровой экономики на текущий момент уже активно исполняется. При этом, развитие цифровой экономики в контексте совершенствования института антимонопольного регулирования по намеченным в настоящем исследовании направлениям, как видится, позволит вывести эффективность мер антимонопольного контроля на принципиально новый уровень, отвечающий требованиям своевременности и добросовестности.

Список использованных источников:

1. Зубарев, А.Е. Цифровая экономика как форма проявления закономерностей развития новой экономики [Текст] / А.Е. Зубарев // Вестник тихоокеанского государственного университета. - 2017.- №4(47).- С.177-184. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32463364>.
2. Филиппович А. В. Обзор подходов к определению сущности цифровой экономики // Экономические исследования и разработки. — 2019. — № 1. — С. 150–152. – URL: <http://edrj.ru/article/10-01-2019>
3. Законопроект № 160280-8 О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» / Срок представления поправок: 24.11.2022. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/160280-8>.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

Секция 3

Современные проблемы уголовного права

УДК 343.8

Евтушенко Инна Ивановна

кандидат юридических наук, доцент

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,

Россия, г. Симферополь

О ВЛИЯНИИ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ УСЛОВИЙ НА СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: анализируются существующие условия, оказывающие наиболее существенное влияние на содержание уголовно-исполнительной политики в современной России, факторы, препятствующие эффективному проведению реформ в сфере исполнения уголовных наказаний и исполнению программных положений Концепции развития УИС до 2030 года.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная политика, факторы, условия, реформа УИС, развитие УИС.

Annotation: The article analyzes the existing conditions that have the most significant impact on the content of the penal enforcement policy in modern Russia, the factors that hinder the effective implementation of reforms in the field of execution of criminal penalties and the implementation of the program provisions of the Concept of the development of the penal System until 2030.

Keywords: penal enforcement policy, factors, conditions, reform of the criminal justice system, development of the criminal justice system.

На формулирование конкретных направлений уголовно-исполнительной политики оказывают влияние определенные факторы, под которыми мы понимаем систему условий, определяющих как конечные цели, так и формы реализации такой политики [1. С. 3-6].

Прежде всего на нее влияние оказывают внешнеполитические факторы. Следует отметить, что в развитии отечественной уголовно-исполнительной системы можно выделить как периоды активного сотрудничества с другими государствами, обмена опытом (например, 18-19 века, длительный период после распада СССР до 2014 года), так и периоды почти полной изоляции, когда развитие УИС шло своим собственным путем (например, после Октябрьской революции 1917 года, или после 2014 года, когда зарубежные государства стали оказывать на Россию «санкционное давление»).

Вторым по значимости выступают условия, относящиеся к внутренней политике государства, прежде всего в сфере противодействия преступности, определение наиболее опасных ее проявлений в конкретный исторический период (например, известны периоды политической борьбы с оппозицией уголовно-правовыми и уголовно-исполнительными средствами; в периоды боевых и военных действий обостряется борьба с диверсантами, шпионами и государственными изменниками; в периоды экономического развития – противодействие экономической преступности).

Социально-политическое состояние и структура общества, господствующие в нем нравственные ценности и правовые представления определяют возможности реализации реформ в сфере исполнения уголовных наказаний. От уровня толерантности общества, его социального благополучия очень зависят и цели, и способы их достижения, и конечный результат уголовно-исполнительной политики, проводимой органами власти. Если сотрудники правоохранительных органов не готовы «принимать» положения Концепции развития УИС в части приближения условий содержания осужденных в местах лишения свободы и СИЗО к мировым стандартам, их гуманизации, а общество не воспринимает как справедливое назначение наказания, не связанного с изоляцией от общества, то и степень реализации этих положений будет крайне низкая.

Материальное благополучие, работа системы социальных служб, обеспечение граждан пенсиями, пособиями и иными гарантиями социальной защиты также должно быть на уровне мировых стандартов. В противном случае улучшение условий содержания для осужденных остальной законопослушной частью общества воспринимается как нарушение принципа социальной справедливости, если эти условия жизни для осужденных оказываются лучше условий жизни законопослушной части общества.

Развитие институтов гражданского общества, открытости в деятельности ФСИН России, эффективного общественного контроля за деятельностью УИС, создание условий для деятельности общественных формирований, таких как правозащитные организации; благотворительные фонды помощи лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации; кризисных центров; центров ресоциализации лиц, отбывших лишние свободы; центров по реабилитации лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией; подростков в девиантным поведением и т.п. оказывают прямое влияние на эффективность усилий государства в сфере исполнения уголовных наказаний.

Состояние и динамика преступности в стране, меры по ее предупреждению также имеют значение для корректировки уголовно-исполнительной политики России. Современное состояние преступности позволяет спрогнозировать в ближайшем будущем количество лиц,

которые будут отбывать наказание, предусмотреть для этого необходимые материально-технические, организационные и штатные ресурсы. Кроме того, изменение структуры преступности, увеличение доли тяжких и особо тяжких преступлений в общей структуре преступности, преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и в составе организованных преступных групп, лицами, ранее совершавшими преступления, оказывает влияние и на задачи, и формы деятельности оперативных подразделений ФСИН России и МВД России по выявлению и пресечению таких деяний.

От уровня развития экономики в стране, наличия финансовых и материальных ресурсов для нормального функционирования системы органов и учреждений, исполняющих наказание, зависит возможность структурных изменений в УИС России. На сегодняшний день эта деятельность в полном объеме финансируется государством, а имеющиеся предприятия и подсобные хозяйства в большей степени выполняют роль центров трудовой адаптации осужденных.

Развитие уголовного законодательства и практики его применения составляет необходимую правовую базу о системе наказаний и их применении судами. Прежде всего следует сказать о криминализации и декриминализации деяний, их пенализации и депенализации. Это сказывается на количестве лиц, содержащихся в СИЗО, колониях строгого и особого режима, оно неуклонно растет.

Уровень развития уголовно-исполнительного законодательства, приведение его и практики учреждений и органов, исполняющих наказания, в соответствие с требованиями международных стандартов по обращению с осужденными является актуальным направлением в развитии УИС России. В настоящий момент сложная геополитическая обстановка значительно осложнила возможности обмена опытом со странами Европы.

Уровень развития фундаментальных общественных наук, а также науки уголовного и уголовно-исполнительного права также оказывает влияние на содержание уголовно-исполнительной политики. Концепция правового государства была детально разработана учеными как правовых, так и политических наук. Именно в рамках концепции правового государства и его взаимодействия с институтами гражданского общества, строится разработка проблем повышения эффективности уголовного и уголовно-исполнительного права [2. С. 8-12].

Следует отметить, что на содержание политики, прежде всего, оказывают влияние экономические и социальные факторы. При реализации уже принятых программных положений необходимо исходить из динамично развивающихся как внешних, так и внутренних условий, своевременно внося изменения в них, в большей степени отвечающих вызовам настоящего времени.

Список использованных источников:

1. Грушин Ф.В. Система факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства // Автореферат диссертации на соискание степени доктора юридических наук. Екатеринбург, 2019 г.

2. Квашиш В.Е. О новой концепции развития уголовно-исполнительной системы // Общество и право. 2021. № 2 (76).

УДК 343.6

Евтушенко И.И.

кандидат юридических наук, доцент

Мамутов Э.Э.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,

Россия г. Симферополь

УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ МЕР, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ПРЕСТУПНИКА КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: Уголовный закон предусматривает составы, санкции которых закрепляют пониженную ответственность за такие деяния. Одним из таких составов является убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания преступника. В статье проводится анализ уголовно-правовых аспектов данного преступного деяния.

Ключевые слова: убийство, задержание преступника, ответственность, общественная опасность, преступник.

Abstract: At the same time, the criminal law provides for compositions whose sanctions fix reduced responsibility. One of such compositions is a murder committed in excess of the measures necessary to detain the criminal. The article analyzes the criminal-legal aspects of this criminal act.

Keywords: murder, detention, responsibility, public danger, criminal.

Согласно уголовному законодательству, к преступным посягательствам на жизнь человека относятся убийства разных видов (ст.ст. 105-108 УК РФ), причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), а также составы, предусматривающие различные виды деяний, последствием которых выступает самоубийство потерпевшего (ст.ст. 110 – 110.2) [1; С. 20-26]. Среди критериев такой дифференциации выступают общественная опасность совершаемого преступления; особенности поведения потерпевшего, имеющего юридическое и социальное значение, до совершения преступления, в процессе и после; социальные, моральные, криминальные, виктимные характеристики его личности.

Выделим особенности деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РФ.

Задержание преступника представляет собой очевидную общественно полезную деятельность [2; С. 42], но при определенных условиях и в определенных пределах, закрепляемых законом. Убийство, предусмотренное ч. 2 ст. 108 УК РФ, связано с задержанием преступника, которое сопровождается причинением вреда, за который предусмотрена уголовная ответственность. При этом лицо, осуществляющее задержание умышленно причиняет смерть задерживаемому, что является чрезмерным действием для реализации задач задержания, поэтому такое причинение вреда лишено необходимости. Однако, такое превышение либо предполагает, либо требует причинения вреда, с точки зрения его общей необходимости, при этом причинение максимального вреда в виде смерти не несет такой необходимости.

Следует отметить, что 31 мая 2022 г. Пленумом Верховного Суда РФ дополнено Постановление от 27 сентября 2012 года о необходимой обороне, где был расширен перечень примеров необходимой обороны [3]. Уточняется, что состояние необходимой обороны может иметь место, в случае реальной угрозы преступного посягательства сразу после действий

оборонявшегося, направленных на прекращение общественно опасного деяния. Пленум закрепляет обязанность судов исходить из принципа презумпции невиновности при проверке доводов подсудимого о необходимой обороне. Сторона обвинения несет бремя доказывания, связанные с обвинением и опровержением защитных доводов обвиняемого.

Таким образом, приведенные составы преступлений обладают виктимологическими признаками преступных деяний, отличающихся по содержанию и характеру, которые ложатся в основу уголовно-правовых норм, закрепляющих ответственность за «привилегированные» убийства, и являются обстоятельствами, смягчающими уголовную ответственность за совершение таких преступлений.

Понятно, что возможность верно квалифицировать преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 108 УК РФ напрямую связана с четким нормативным определением таких понятий, как «меры, необходимые для задержания лица, совершившего преступление», «состояние необходимости задержания преступника», «превышение пределов необходимости задержания преступника», «превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление» (ст. 38 УК РФ).

Следует отметить, что в положениях ст. 38 УК РФ правовая и социальная сущность исследуемых понятий отражается недостаточно точно. Согласно принципу пропорциональности, широко используемому в международной уголовно-правовой теории, у субъекта, цель которого состоит в предупреждении или пресечении преступления, нет права на применение силы, которая не соответствует данной цели [4; С. 32-38].

В ст. 38 УК РФ закрепляется как обстоятельство, исключающее преступность деяния, «причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление».

Минимальный вред, который допустим при задержании преступника, определяется исходя из общественной опасности преступления, которое было им совершено. Совершенное преступление также определяет вынужденные действия, обусловленные необходимостью преодолеть сопротивление лица, совершившего преступление, и учитывать общественную опасность этого преступления [5; С. 98-101].

Итак, определение пределов необходимости задержания лица, совершившего преступление, связано с общественной опасностью и характером совершенного ранее преступления, его криминальным поведением, а также с его действиями во время задержания, соответствием имеющихся возможностей и сил лица, производящего задержание, и задерживаемого.

Законодателю следовало быть точнее в определении превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, как явного несоответствия «обстоятельствам задержания» или причинения вреда, «не вызываемого обстановкой». Действия, превышающие необходимые меры к задержанию преступника, имеют необходимый, вынужденный характер, при этом вред преступнику, изначально превышает общественную опасность преступного посягательства, и превышает необходимые насильственные меры, необходимые для выполнения цели задержания. Тяжесть и размер причиняемого вреда не соответствует цели задержания, его нельзя назвать необходимым.

Таким образом, целесообразно в ст. 38 УК РФ закрепить положение об умышленном характере причиненного вреда и уточнить формулировку превышения мер, необходимых для задержания преступника.

Список использованных источников:

1. Милаева М.Ю. Проблемы квалификации преступлений против жизни: спорные вопросы и их решения // *Е-Scio*, 2021. - № 1.
2. Гарбатович Д.А. Превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление: проблемы понимания // *Администратор суда*. 2016. № 2.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.05.2022 № 11 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета, 2022, № 129.

4. Петрушенков А.Н. Правомерное причинение вреда лицу, совершившему преступление: проблемы уголовно-правовой регламентации // Вестник Белгородского юридического института МВД России, 2021. - № 2.

5. Утепова Н.Н. Особенность ответственности при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление // Вестник науки, 2019. - № 1.

УДК 343.3

Климова Д.В.

кандидат юридических наук

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, РФ,

г. Симферополь

МИГРАЦИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ЭКСТРЕМИЗМА

Аннотация. Статья посвящена миграционным процессам как детерминанте экстремизма, в частности на примере Республики Крым.

Annotation. The article is devoted to the analysis of migration processes as a determinant factor of extremism, in particular on the example of the Republic of Crimea.

Современная геополитическая ситуация, складывающаяся в мире, и возросшая в связи с этим военно-политическая напряженность, практически незамедлительно спровоцировали волну миграции, тем самым существенно повышая миграционные риски для Российской Федерации в целом и ее отдельных субъектов, в частности Республики Крым.

По данным Управления по вопросам миграции МВД России по Республике Крым, количество фактов постановки на миграционный учет за девять месяца текущего года выросло почти на 60% в сравнении с предыдущим периодом и составило 133 619 человек (в 2021 году – 83 785) [5]. Большую часть мигрантов, прибывающих на территорию Республики Крым составляют граждане Украины. Таким образом, можно утверждать, что миграция в настоящее время и в ближайшей перспективе остается постоянно действующим явлением.

Традиционным является понимание того, что миграционные процессы содержат как позитивные, так и негативные последствия для принимающих стран. В последнее время усилившиеся миграционные потоки в локальном, региональном и глобальном измерениях нередко становятся источником, детерминантами либо следствием внутренней внешней протестной активности, одним из главных условий расширения социальной базы противоправной деятельности, в первую очередь сопряженной с преступностью экстремистского характера и террористической направленности [1, с. 59].

Преступная деятельность организаций и группировок, связанная с организацией нелегальной миграции, является основной угрозой национальной и общественной безопасности. Противодействие незаконной миграции, усиление контроля за миграционными потоками, социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов обозначены Стратегией национальной безопасности Российской Федерации в качестве одной из приоритетных задач для достижения цели обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики [3, п.47].

Не случайно, в феврале 2022 года, в ходе расширенного заседания коллегии МВД России, Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул важность укрепления национальной безопасности в миграционной сфере, отметив, что это «будет содействовать регулированию этих процессов так, чтобы они не создавали риски и угрозы, а служили социально-экономическому развитию нашего государства» [4].

Таким образом, неконтролируемая миграция может быть причиной межнациональной напряженности в Республике Крым. На примере отдельных европейских стран, где постоянно возникают вспышки агрессии, видим, к чему это может привести. Нелегальная миграция провоцирует рост социальной напряженности, что в последствии ведет к явлениям ксенофобии и экстремизма.

Учитывая изложенное считаем, что противодействие незаконной миграции, и как следствие экстремистских проявлений, должно реализовываться не только силами МВД, но и всеми заинтересованными субъектами [1, с. 210]. Только слаженное взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества позволит стабилизировать миграционную обстановку в Республике Крым, выявлять и своевременно пресекать факты незаконной миграции, проявления экстремистских проявлений. А эффективность положительного воздействия на противодействие незаконной миграции во многом зависит от согласованности действий субъектов, своевременного обмена информацией между органами, осуществляющими превентивные функции.

Список использованных источников:

1. Буткевич С. А. Современные риски и угрозы протестной активности мигрантов: оценка, прогноз и превенция / С. А. Буткевич // Протестная активность несовершеннолетних и молодежи: причины, формы и методы профилактики деструктивных и радикальных проявлений. – Симферополь : Полипринт, 2022. – С. 58-70.
2. Климова Д. В. Социально-культурная адаптация мигрантов в Российской Федерации (на примере Республики Крым) / Д. В. Климова // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2022. – № 22-2. С. 210-212.
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2.07.2021 г. № 400 // ИПП «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/401425792>
4. Расширенное заседание коллегии МВД России [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/67795
5. Сервис обеспечения деятельности подразделений по вопросам миграции МВД России [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://it/mvd.ru>

УДК 343.215

Скворцова О.В.

кандидат юридических наук, доцент,

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЖЕСТОКОМУ ОБРАЩЕНИЮ С ЖИВОТНЫМИ

Аннотация: В рамках поиска путей устранения недостатков и пробелов отечественного регулирования уголовной ответственности и предупреждения преступности в сфере жестокого обращения с животными исследуется опыт зарубежных стран в данном вопросе.

Abstract: As part of the search for ways to eliminate the shortcomings and gaps in the domestic regulation of criminal liability and crime prevention in the field of cruelty to animals, the experience of foreign countries in this matter is being investigated.

Предупреждение преступлений – это процесс выявления и устранения причин и условий преступного поведения с учетом криминологических особенностей личности преступника, проявляющийся в конкретных мерах и способах противодействия общественно опасному уголовно наказуемому явлению. Данная функция возлагается на государство, которое несет ответственность за противодействие преступности.

Неблагоприятная динамика жестокого обращения с животными, достаточно высокая степень их общественной опасности вызывает необходимость создания надёжной системы выявления, профилактики и предупреждения этих преступлений.

Качественно разработанная нормативно-правовая база является важнейшим условием эффективности предупреждения преступлений.

Международным сообществом на данный момент разработан ряд Конвенций, направленных на защиту и охрану животных. Россия, к сожалению, не участвует и не ратифицировала основные конвенции по защите животных, в том числе, «единственная страна в Европе, не подписавшая Страсбургскую конвенцию 1959 г. о безболезненном забое домашних животных» [1, с. 21].

Проведенный уголовно-правовой анализ состава жестокого обращения с животными, ответственность за который регламентируется ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2], позволил выявить имеющиеся недостатки и пробелы в отечественном регулировании ответственности и предупреждения такой преступности уголовно-правовыми способами. В целях повышения эффективности предупреждения и противодействия жестокому обращению с животными уголовно-правовыми средствами предлагается исследовать положительный опыт зарубежных стран в данном вопросе.

Так, высокой гуманностью к животным характеризуется законодательство Австралии, где к жестокому обращению с животным относятся не только умышленные действия, причиняющие боль и страдания последнего, но и такие, что совершены по неосторожности, и повлекли для животного неблагоприятные последствия (ощущения). К противоправным деяниям относятся не только непосредственно жестокое обращение с животным, которое повлекло гибель или серьезное ранение, но и умышленное раскладывание ядов (не только отравляющих химических веществ, но и любых веществ (компонентов), при поедании которых животное может отравиться, погибнуть (съестное, смешанное с толченым стеклом) с целью отравления или травли (убийства) животного, а равно и хранение ядов с этой целью применения. Соответствующее положение содержится в ст. 8 Уголовного кодекса Швеции [3, с. 27]. Также к уголовной ответственности привлекаются за действия, которые в РФ признаются правонарушениями: содержание в ненадлежащих условиях, лишение еды и пищи, запугивание и оставление в опасности, а равно и неоказание необходимой медицинской (ветеринарной) помощи.

В 2016 году в Новой Зеландии был принят закон, который признает всех животных разумными существами, в связи с чем, люди, жестоко обращающиеся с животными, подлежат уголовному преследованию. При этом к уголовной ответственности привлекаются лица и за проведение опытов и экспериментов над животными; запрещается охота и ловля диких животных [4]. Соответствующее отношение к животным и в «Швейцарии, где официально предписано называть животных не «вещами», а соответственно «существами» [5].

Австрийский законодатель считает, что раз человек взял на себя обязательства по содержанию большого количества животных, он обязан обеспечить им надлежащие условия, достаточное пропитание и уход. И даже непредумышленное нарушение их влечет уголовную ответственность. Как, например, по неосторожности непредоставление пищи животным в том случае, когда собственник (владелец) ухаживает за большим количеством животных [6, с. 50; 7, с. 48].

Законодательство Америки состоит из законодательства штатов. Однако есть федеральный закон «О благополучии животных», которым, помимо основных требований к гуманному обращению с животными, предписываются правила обращения с животными в исследовательских учреждениях; на законодательном уровне учреждаются государственные приюты и определяется порядок создания и деятельности частных приютов; также здесь закрепляются правила содержания в них животных, их транспортировки; устанавливается ответственность за их хищение [5]. В большинстве штатов жестокое обращение с животными относится к серьезным особо тяжким преступлениям.

Интересным представляется уголовно-правовая политика Италии в данном вопросе. Так, Уголовный кодекс Италии предусматривает и частноправовой, и публичный характер данного преступления. Так, по ст. 638 к уголовной ответственности будет привлекаться лицо за совершение убийства или причинения увечья чужому животному, если об этом поступит заявление собственника. А ст. 727 криминализованы деяния, подпадающие под признаки издевательства, к которым относятся пытки, причинение страданий во время игр с прирученными и брошенными домашними животными, организация и участие в боях, причиняющих животным мучения. Квалифицированный состав устанавливает уголовную ответственность за «применение особо болезненных способов либо приводит к их гибели» [3, с. 27].

Представляется, что учет опыта уголовно-правового противодействия жестокому обращению с животными в зарубежных странах повысит эффективность отечественного предупреждения данного вида преступности.

Список использованных источников:

1. Кургузкина, Е.Б., Саратова, О.В. Правовые основы предупреждения преступлений, связанных с жестоким обращением с животными. // Вестник Воронежского института МВД России, № 1, 2011, С. 20 - 24.
2. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022)" от 13.06.1996 // Официальный интернет-портал правовой информации. - 1996 г. - Ст. 151.1.
3. Богатова, Е.В. Жестокое обращение с животными: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Богатова Елена Валерьевна; [Место защиты: Ом. акад. МВД РФ]. – Екатеринбург, 2013. – 186 с.
4. Золотарь В.В. Жестокое обращение с животными: уголовно-правовое регулирование в странах системы общего права // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по мат. LXXII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 12(71). [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://sibac.info/archive/social/12\(71\).pdf](https://sibac.info/archive/social/12(71).pdf)
5. Ускеев Д. Б. Развитие уголовного законодательства об ответственности за жестокое обращение с животными в зарубежных странах // Молодой ученый. – 2019. – №13. – С. 211 - 214.
6. Лобов, И. И. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными: Дисс. ... канд. юрид. наук.: 12.00.08: Юридический институт МВД России. – Москва, 2000, – 169 с.

7. Саратова, О.В. // Криминологическая характеристика преступлений, связанных с жестоким обращением с животными. // Вестник Воронежского института МВД России, № 3, 2008, С. 46 - 49.

Шутьева А. О.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Россия, г. Москва

ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация:** поднимается вопрос о возможности введения процедуры медиации в уголовное право Российской Федерации. Анализируется законодательство зарубежных стран, в части их опыта применения процедуры медиации в уголовном праве и возможности применения этого опыта в Российской Федерации.*

***Annotation:** in this article the question of possibility of introducing the mediation procedure into the criminal law of the Russian Federation is raised. The legislation of foreign countries is analyzed, in terms of their experience in applying the mediation procedure in criminal law and the possibility of applying this experience in the Russian Federation.*

Вопрос о введении процедуры медиации в уголовное законодательство Российской Федерации не является новым для науки уголовного права, он подлежал исследованию в зарубежных странах. Актуальность поставленной проблемы связана с распространением идей восстановительного правосудия, которые основаны на поиске альтернативы карательным методам наказания. В уголовном процессе медиация рассматривается как способ урегулирования конфликтов, основывающийся на интересах сторон, способствующий погашению последствий преступлений, и способствующий созданию эффективной работе судебной системы, путем снятия с нее излишней нагрузки [1].

Опыт зарубежных странах отличается разнообразностью применения процедуры медиации. Во Франции по статье 41-1 УПК прокурор наделен полномочиями начать по просьбе или с согласия потерпевшего осуществлять медиацию между ним и преступником, что является основанием прекращения уголовного дела [2]. Прокурор во Франции является центральным элементом согласительных процедур [3]. При этом в юридической доктрине выделяют два вида медиации: судебную и общественную. В первом случае примирительную процедуру проводит сам прокурор, а во втором предполагается передача дела в органы, осуществляющие медиацию, которыми могут быть как частные лица, так и специализированные организации. Но в каждом случае решение о ее проведении принимает прокурор [4].

В § 46а УК ФРГ установлено основание освобождения от наказания в виде примирения с потерпевшим, при условии, что за деяние предусмотрено лишение свободы на срок до одного года или денежный штраф достигающий размера годового дохода и лицо загладило причиненный потерпевшему вред. Так же если правонарушитель искренне пытается достигнуть примирения с потерпевшим или возместить ущерб, но потерпевший отказывается от медиации, то суд имеет право уменьшить тюремный срок или освободить от наказания. Примечательно, что в Германии суд и прокуратура на каждой стадии производства по делу должны исследовать возможность проведения медиации. Рассматриваемая примирительная

процедура может быть применена и во время отбывания тюремного заключения, при этом достижение согласия может служить основанием уменьшения срока заключения [5].

В зарубежном опыте можно выделить основные проблемы имплементации данной процедуры в уголовное законодательство: порядок регламентации в законодательстве; место в уголовной системе; основания и условия применения; этапы уголовного процесса, на которых можно реализовать медиацию; перечень участвующих лиц [6]. Решение этих вопросов позволит обосновать теоритическую основу для введения медиации в отечественную правовую систему.

В России существует Федеральный закон "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" [7], который регулирует отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений. Возможность применение этого закона к уголовно-правовым отношениям не однозначно трактуется среди ученых. Одни говорят, что в соответствии со статьей первой указанного закона медиация не может быть применена в уголовном процессе [8]. Другие не видят препятствий для введения медиации, потому что в части пятой статьи первой закреплен запрет на применение именно этого Федерального закона к спорам, затрагивающим публичный интерес, а не запрет применения медиации по уголовным делам вообще [9]. Стоит согласиться с последней точкой зрения, поскольку категорический запрет медиации стал бы препятствием для реализации одной из задач уголовном судопроизводстве, а именно примирения сторон.

Основываясь на том, что в современной России преобладает карательный подход к реагированию на преступление, внедрение медиации будет возможно только как дополнение к судебному разбирательству, которое сможет оказывать влияние на уголовный процесс в части освобождения от уголовной ответственности и смягчения наказания при вынесении приговора. Медиация как отдельная обязательная стадия пока не может быть применена, в виду неготовности системы государственных органов и общества к столь резким изменениям, а в качестве альтернативы судебному разбирательству.

Для внедрения рассматриваемого института целесообразно установить этап уголовного судопроизводства, на котором возможно применение медиации. Учитывая опыт зарубежных стран, этими этапами могут являться досудебные стадии производства по делу, а также судебное разбирательство в первой инстанции. Это связано с тем, что именно на этих этапах обвиняемый, подсудимый может иметь возможность и желание примириться с потерпевшим и возместить причиненный вред, поскольку в отношении его еще не будет принято окончательное решение в виде приговора. На дальнейших этапах, отсутствует целесообразность применения этой процедуры, потому что это может сделать ничтожным и не существенным разбирательство в первой инстанции. Применение медиации во время отбывания наказания, как в Германии, видится невозможным в виду сложности его исполнения, с учетом особенностей организации отбывания лишения свободы.

Сторонами, участвующими в процедуре медиации должны быть подозреваемый (обвиняемый) и потерпевший. При этом сложным вопросом является установление лица или круга лиц, которые будут уполномочены в принятии решения о начале медиации и непосредственном проведении этой процедуры. Наиболее приемлемой видится кандидатура прокурора, что является применением французского опыта. Именно прокурор сможет в процессе примирения учесть публичные интересы и позицию потерпевшего. Участие профессиональных медиаторов было бы идеально, но особенности медиации по иным спорам в Российской Федерации доказывают, что приоритет при разрешении споров отдается официальным процедурам [10].

Теоретической проблемой является определение категорий преступлений к которым целесообразно применять медиацию. Большинство исследователей сходятся на мнении применения процедуры к преступлениям небольшой и средней тяжести, что соответствует принципам применения не реабилитирующих оснований освобождения от уголовной

ответственности по главе 11 Уголовного кодекса Российской Федерации. Также некоторые ученые видят возможность применения медиации к несовершеннолетним, впервые совершившим тяжкие преступления [10]. При этом в ученой среде сходятся на том, что нельзя применять медиацию к преступным деяниям, повлекшим смерть человека, потому что это урон, который невозможно возместить.

Особое внимание уделяется рассмотрению вопроса о возможности применения медиации в отношении несовершеннолетних. Эта альтернатива уже используется в зарубежных странах и неоднократно являлась предметом дискуссий среди российских ученых, так же Министерством юстиции России был подготовлен законопроект "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с реализацией Концепции развития сети служб медиации до 2017 года в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе, совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации" [11]. Он не был внесен в Государственную Думу, но попытка введения института восстановительного правосудия на законодательном уровне, показывает потребность общества и государства в этом институте. Этот законопроект строится на создании дружественного к ребенку правосудия, которое соответствует возрасту и психологическому развитию лица, совершившего преступление [12]. Рассматриваемый документ направлен на внедрение механизмов предупреждения и разрешения конфликтов в основе которых лежит идея ресоциализации, то есть возвращение подростка в общество в качестве полноценного его члена [13].

Итак, в доктрине российского права уже сложилась концепция по внедрению института медиации в уголовное законодательство, даже предприняты попытки разработки законопроектов в этой области. Из этого следует, что в Российской Федерации уже сложились основания и предпосылки введения медиации, но реальное ее применение зависит от общественных ценностей и от пути, по которому пойдет законодатель.

Список использованных источников:

1. Карягина О.В. Перспективы медиации в российском уголовном процессе: зарубежный опыт примирительных процедур // "Российская юстиция", 2011, N 6
2. Code de procédure pénale (Version en vigueur au 20 mars 2022) // Электронный ресурс: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006071154/LEGISCTA000006167418?init=true&nomCode=aQb8lg%3D%3D&page=1&query=&searchField=ALL&tab_selection=code&anchor=LEGISCTA000006167418#LEGISCTA000006167418
3. Аблямитова С.Ш. О примирительных процедурах в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных стран // "Российская юстиция", 2019, N 7
4. Арутюнян А.А. Концепция восстановительной юстиции и медиация в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2011, № 5
5. Аблямитова С.Ш. О примирительных процедурах в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных стран // "Российская юстиция", 2019, N 7
6. Каминский Э.С. Прокурорская медиация в России: есть ли перспективы? // "Российский судья", 2021, N 3
7. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" // "Российская газета", N 168, 30.07.2010
8. Карягина О.В. Перспективы медиации в российском уголовном процессе: зарубежный опыт примирительных процедур // "Российская юстиция", 2011, N 6
9. Карнозова Л. М. Указ. Соч. С. 152
10. Каминский Э.С. Прокурорская медиация в России: есть ли перспективы? // "Российский судья", 2021, N 3

11. Пояснительная записка к проекту Федерального закона "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с реализацией Концепции развития сети служб медиации до 2017 года в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе, совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации" (подготовлен Минюстом России 07.08.2017) // Электронный ресурс: <https://base.garant.ru/56723614/>

12. Проект Федерального закона "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с реализацией Концепции развития сети служб медиации до 2017 года в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе, совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации" // Электронный ресурс:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=PRJ&dst=100001&n=162565&req=doc#IFzZD1Ts97V2sVg8>

13. Хромова Н.М. Реализация концепции восстановительного правосудия по делам в отношении несовершеннолетних // "Адвокат", N 3, март 2017 г.

УДК 343.3/7.

Кучерук В.В.

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

**ВВЕДЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОДАЖУ
АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ КАК МЕРА
ПРЕСЕЧЕНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЕМ И СОВЕРШЕНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ**

Аннотация: В статье исследуются особенности состава преступления, закрепленного статьей 151.1 Уголовного кодекса РФ. Отличительной чертой данного состава является наличие в нем бланкетности и административной преюдиции.

Abstract: The article examines the peculiarities of the corpus delicti, enshrined in article 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The distinctive feature of this corpus delicti is the presence in it of blanket and administrative prejudice.

Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что проблема в алкоголизации спиртных напитков наблюдается в мире уже длительное время. Естественным образом, данная тенденция вызвана различными причинами на каждый отдельный исторический период. Однако, ситуация в РФ имеет более низкие показатели по истечению 2021 года, нежели за 2008. Так, по словам замглавы Минздрава Олега Салагай, по данным на 2021 год в Российской Федерации, количество употребления этилового спирта на душу населения снижается, начиная с 2008 года [1]. Но тем не менее, данная проблема имеет место быть, так как показатели неутешительны.

При общей структуре алкоголизма удельный вес принадлежит подростковому. В 2021 году по статистике количество молодых людей, которые поддались пагубному пристрастию, заметно увеличилось. Число алкоголиков среди девушек составило 20%, а среди юношей – 33%. Такой показатель довольно угрожающий, он говорит о том, что молодежное пьянство процветает, а возраст малолетних алкоголиков молодеет [2].

Длительный период времени не принимались никаких существенных мер по борьбе с данной проблемой. Вследствие этого росло и количество преступлений в сфере незаконного оборота алкогольной продукции. 21 июля 2011 Федеральным законом №253-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции» [3] была введена ст. 151.1 в Уголовный Кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ). Рассмотрим особенности квалификации данного состава более подробно.

Итак, в соответствии с комментарием к ст. 151.1 УК РФ, Федеральный закон № 218-ФЗ «О Государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» дает толкование понятия «алкогольная продукция». Под данным определением следует понимать пищевую продукцию, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5% объема готовой продукции, за исключением пищевой продукции в соответствии с перечнем, установленным Правительством РФ. Алкогольная продукция подразделяется на такие виды, как спиртные напитки (в том числе водка), вино, фруктовое вино, ликерное вино, игристое вино (шампанское), винные напитки, пиво и напитки, изготавливаемые на основе пива, сидр, пуаре, медовуха [4]. Розничная торговля представляет собой реализацию продукции юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, физическим лицам. Также, согласно п. 2 ст. 16 Федерального закона от 22.11.1995 №171-ФЗ розничная продажа алкогольной продукции не допускается лицам, не достигшим совершеннолетия. В случае, если продавец сомневается в возрасте покупателя, то он вправе потребовать у данного лица документ, удостоверяющий личность-паспорт, который позволит установить возраст этого лица [5].

Основным непосредственным объектом данного состава преступления являются общественные отношения по обеспечению нравственного и психофизиологического формирования личности несовершеннолетнего лица, в качестве дополнительного объекта можно считать здоровье несовершеннолетнего. Объективная сторона выражена в неоднократной розничной продаже несовершеннолетнему алкогольной продукции. Здесь, объективная сторона преступления служит некой чертой разграничения между составом уголовного преступления и административного правонарушения. Как отмечают многие авторы, квалификация ст. 151.1 УК РФ осложняется наличием в ней административной преюдиции. Административная преюдиция, в свою очередь, это закреплённая специальной конструкцией состава преступления преюдициальная связь между несколькими аналогичными правонарушениями, совершенными в течение года после применения к виновному мер административного взыскания за одно из правонарушений, в силу которой содеянное оценивается как преступление, и к виновному применяются меры уголовной ответственности [6, с. 22]. Так, если указанное выше деяние будет совершено однократно, и тем самым, повлечет административную ответственность, данная квалификация закреплена в ч. 2.1 ст. 14.16 Кодекса об административных правонарушениях РФ. Затем следует, что основанием для привлечения к уголовной ответственности является розничная продажа лицом, которое ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние в течение 180 дней [7]. Таким образом, объективная сторона данного преступления заключается в совершении вышеуказанных действий в течение 180 дней при наличии административного взыскания за аналогичные действия.

Исходя из комментариев к ст. 151.1 субъектом данного состава преступления является физическое лицо, которое фактически производит продажу алкогольной продукции несовершеннолетнему лицу. Должность субъекта может быть различной (продавец, бармен, официант и др.). В статье не регламентируется прямое указание на возрастные ограничения субъекта преступления, однако, если обратиться к ст. 265 Трудового кодекса РФ, то отсюда вытекает, что лицом, который осуществляет продажу алкоголя, должно быть 18 лет [8]. Также следует иметь в виду, что иные должностные лица, организации, предприятия, индивидуальные предприниматели, которые прямо не реализовывают отпуск алкоголя, но способствовали и не препятствовали субъекту, состоящему с ними в трудовых правоотношениях по организации продажи спиртосодержащих напитков, также подлежат уголовной ответственности по ст. 33 УК РФ. Субъектом будет признано только вменяемое лицо [9]. Субъективная сторона же выражена в отношении субъекта к совершенному деянию. Лицо полностью осознает противоправность и опасность своих деяний. Если же продавец изначально был осведомлен о признаках объективной стороны данного преступления, то можно считать, что преступление было совершено путем прямого умысла.

Таким образом, как показывает правоприменительная практика, учет всех признаков, присущих составу преступления розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним способствует снижению уровня потребления спиртосодержащих напитков несовершеннолетними, вследствие чего также и понижается уровень количества преступлений в целом, а также повышается эффективность профилактики и пресечения злоупотребления алкоголем. Уголовная ответственность за продажу спиртного несовершеннолетним является профилактической мерой в деле борьбы с пьянством, а также в деле борьбы с иными преступлениями, совершенными в состоянии опьянения. Именно данным фактором и продиктована социальная необходимость существования уголовной ответственности за указанное деяние.

Список использованных источников:

1. Алкогольные напитки (рынок России) // TADVISER URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Алкогольные_напитки_\(рынок_России\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Алкогольные_напитки_(рынок_России)) (дата обращения: 10.10.2022).
2. Статистика алкоголизма в России в 2021 году // Нарколог-24 URL: <https://narkolog-24.ru/news/statistika-alkogolizma-v-rossii-v-2021-godu/> (дата обращения: 10.10.2022).
3. Федеральный закон от 21.07.2011 № 253-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции» // Российская газета. – 2011.
4. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О Государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» // Российская газета. – 2015.
5. Федеральный закон от 22.11.1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции» // Российская газета. – 1995.
6. Грунтов, И. О. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / И. О. Грунтов; БГУ им. В. И. Ленина. – Минск, 1985.
7. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 24.09.2022)" от 30.12.2001 // Официальный интернет-портал правовой информации. - 2001 г. - Ст. 14.16.

8. "Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 07.10.2022)" от 30.12.2001 // Официальный интернет-портал правовой информации. - 2001 г. - Ст. 265.

9. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022)" от 13.06.1996 // Официальный интернет-портал правовой информации. - 1996 г. - Ст. 151.1.

УДК 343.85

Лазарева Е.А.

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

МОБИЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ ДЛЯ УЧАСТИЯ В СВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассмотрены законодательные инициативы сенаторов о мобилизации осужденных лиц. Раскрыты исторические аспекты привлечения осужденных во время Великой Отечественной Войны, условия и предпосылки привлечения на военный фронт данной категории лиц. Особое внимание уделяется проблемным вопросам мобилизации осужденных для участия в ходе специальной военной операции на территории Украины.

Annotation. The article considers the legislative initiatives of senators on the mobilization of convicted persons. The historical aspects of attracting convicts during the Great Patriotic War, the conditions and prerequisites for attracting this category of persons to the military front are revealed. Particular attention is paid to the problematic issues of mobilizing convicts to participate in the Special Military Operation.

События, произошедшие в стране и мире за последние несколько лет, показали, что пенитенциарная система должна быть достаточно гибкой и готовой к быстрым изменениям соответственно вызовам времени.

В феврале 2022 года Президент Российской Федерации объявил о начале Специальной военной операции на территории Украины. В связи с этим 13 октября 2022 года сенатор Ольга Ковитиди, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от исполнительного органа власти Республики Крым, совместно с сенатором Андреем Клишасом разработали законопроект «Об участии осужденных военнослужащих и гражданских лиц в боевых действиях с перспективой освобождения от наказания» [1].

Рассмотрим предложенные инициативы с помощью ретроспективного анализа. Как известно, практика использования штрафных батальонов для укрепления дисциплины в войсках известна еще со времен принятия И.В. Сталиным приказа «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещения самовольного отхода с боевых позиций» от 28 июля 1942 года № 227. Основной задачей подразделений, сформированных из совершивших правонарушения офицеров и солдат, являлась возможность доказать свою

преданность Родине, свое исправление. Штрафные батальоны создавались прежде всего из симулирующих болезни солдат, уличенных в членовредительстве, как способе избежать участия в боевых действиях, мародеров и совершивших мелкое хищение офицеров. Данный приказ вошел в историю под названием «Ни шагу назад!».

Необходимо отметить, что создание воинских штрафных батальонов в годы Великой Отечественной Войны было оправдано критической ситуацией на линии фронта, массовым отступлением Красной Армии и потерей ключевых позиций. Стоит сказать, что за весь период Великой Отечественной Войны в ряды Вооруженных сил было призвано свыше 32 миллионов человек [2], и, конечно, создание заграничных и штрафных батальонов было вынужденной мерой.

На сегодняшний день в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» от 21 сентября 2022 года № 647, для участия в военных сборах призвано порядка 300 тысяч человек.

Законопроект сенаторов предлагает дополнить Уголовный кодекс России статьей 82.2, предусматривающей «возможность предоставления в военное время, в период мобилизации, военного положения или вооруженного конфликта определенным категориям осужденных отсрочки исполнения наказания в связи с направлением их для участия в боевых действиях» [3]. В законопроекте сказано, что от наказания осужденные, принявшие участие в боевых действиях, будут освобождаться по решению суда на основании ходатайства военного командования и заключению прокурора.

Спорным в законодательной инициативе сенаторов является тезис о проявлении осужденными «мужества и героизма при исполнении воинского долга, добросовестное отношение к исполнению обязанностей военной службы и тем самым доказывание своего исправления» как условия для представления военным командованием положительной характеристики в адрес суда. Законопроект содержит оценочные критерии, которые могут трактоваться судами субъективно, не устанавливает градации и временных промежутков участия осужденных в боевых действиях. Также остаются актуальными вопросы о том, будет ли возможность у осужденного заключить контракт с Министерством обороны Российской Федерации для участия в боевых действиях, сборах и учениях, будут ли для осужденных отличаться условия прохождения военных сборов, закрепится ли за командованием воинских частей обязанность по контролю за поведением осужденного, проведение с ним профилактической работы и иных мероприятий, создадутся ли специальные воинские формирования с осужденными или они будут принимать участие в боевых действиях в общем порядке, актуальным является вопрос и о наличии судимости у мобилизованных осужденных.

В случае возможности заключения контракта между осужденным и Министерством обороны России законодателю будет необходимо внести поправки в нормативные акты, регламентирующие порядок прохождения государственной гражданской службы, а также воинской службы, уголовно-исполнительный кодекс и ряд других актов.

Вопрос участия осужденных в боевых действиях остается достаточно острым, многие высказываются как в поддержку создания законопроекта о мобилизации, так и против.

Так, Члены Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека написали обращение генеральному прокурору Российской Федерации И.В. Краснову с просьбой разъяснить ситуацию с участием осужденных в Специальной военной операции. В обращении особо подчеркивается, что в настоящее время освободить осужденного от отбывания назначенного ему по приговору суда наказания возможно лишь в случае: помилования, амнистии, условно-досрочном освобождении. [4].

По нашему мнению, для повышения эффективности привлечения осужденных к участию в боевых действиях, а также предотвращения возможности бунтов и разобщения дисциплины внутри воинских подразделений, необходимо сделать акцент на добровольном участии осужденных в боевых действиях, предоставлении возможности «доказать исправление», а не обязательном характере участия. Необходимо также определить четкие

критерии, по которым осужденным будет предоставлена возможность участия в военных сборах, учениях и боевых действиях, а также их статус.

Список использованных источников:

1. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ «Об использовании вооруженных сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации» от 22 февраля 2022 г. № 35-СФ;
2. Материалы Научно-исследовательского института Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. Электронный ресурс. Режим доступа: https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=10638542@cmsArticle ;
3. Официальная страница сенатора О. Ковитиди. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://t.me/kovitidi/2205> ;
4. Электронная приемная. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://hrcspb.org/2022/09/18/obrashhenie-k-general-nomu-prokuroru-rf-s-pros-boj-raz-yasnit-situatsiyu-s-zaklyuchenny-mi-prinimayushhimi-uchastie-v-svo/>.

УДК 348.8

Новицкий К.Н.

Институт «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

АРЕСТ КАК ВИД НАКАЗАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: *в статье раскрывается проблема применения ареста как вида наказания, а также необходимость внесения изменений в действующую редакцию Уголовного кодекса Российской Федерации.*

Abstract: *the article reveals the problem of the use of arrest as a type of punishment, as well as the need to exclude arrest as a type of punishment from the current version of the Criminal Code of the Russian Federation.*

Арест как вид наказания давно известен в истории наказаний, применяемых к осужденным, согласно положениям, закреплённым в гл. 2 «О наказаниях» Уложения о наказании уголовных и исправительных 1845 года, арест относился к исправительным наказаниям. Отбытие ареста зависело от сословного происхождения того времени, так дворяне и чиновники отбывали его в специальных помещениях находящихся при тюрьме, на военных гауптвахтах, в собственном доме, либо в специальных помещениях при ведомстве в котором последние проходили государственную службу, остальные лица отбывали арест в специальных помещениях при полиции либо тюрьме [1].

Уголовное уложение 1903 года, в п.4 ст.2 закрепило «заключение в исправительном доме» как одно из наказаний за преступное деяние. Для содержания лиц, получивших такой вид наказания, создавались арестные дома [2].

В нормативных актах, регулирующих преступность и наказание за совершения деяний советского периода, а именно в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года, Уголовном кодексе РСФСР 1926 года, Уголовном кодексе РСФСР 1960 года, арест как вид наказания отсутствовал и не применялся.

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года (далее – УК РФ), представляет собой строго определенный, нормативный правовой акт, который устанавливает положения преступности и наказуемости деяния. Все нормы, закрепленные как в Общей, так и Особенной частях УК РФ, должны исключать неоднозначность, неясность и противоречивость.

Раздел 3 УК РФ, посвящен наказаниям, которые применяются в Российской Федерации. Согласно п. «и» ст. 44 УК РФ, одним из видов наказаний является Арест.

Статья 54 УК РФ, устанавливает, что «Арест заключается в содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества и устанавливается на срок от одного до шести месяцев. Военнослужащие отбывают арест на гауптвахте» [3, с.28].

В тесной взаимосвязи УК РФ, находится с Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации (далее - УИК РФ), который в соответствии с ч.2 ст. 1 УИК РФ, ставит перед собой одну из задач «регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний». [4, с. 4]. Глава 10 УИК РФ, определяет порядок и условия отбывания наказания в виде ареста, согласно ч.1 ст. 68 УИК РФ, осужденные отбывают наказание в виде ареста по месту осуждения в арестных домах. [4, с. 39].

Согласно ст. 4 Федерального закона №64-ФЗ от 13.16.1997 г, «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» положения УК РФ, о наказании в виде ареста вводятся в действие в силу после вступления в законную силу УИК РФ, по мере создания необходимых условий, но при этом о наказании в виде аресте – не позднее 2006 года [5]. Однако формально закрепленные правовые нормы в УК РФ и УИК РФ, с конкретным указанием на вид учреждения, в котором отбывают наказание в виде ареста казалось бы не должны создавать правовых проблем при реализации данного вида наказания, но в действительности это не так, есть проблема реализации, а что еще хуже есть правовая проблема наличия в действующем УК РФ «мертвой нормы».

Попытки исключения положений о наказании в виде ареста предпринимались, так, например, в Государственной Думе Российской Федерации (далее- ГД РФ), обсуждался и был внесен на рассмотрение проект федерального закона №241727-4, связанный с исключением всех положений в котором арест является видом наказания. Здесь хотелось бы подробнее рассмотреть сроки рассмотрения вышеуказанного проекта, так законопроект был зарегистрирован 30.11.2005 г., а 04.07.2018 г. законопроект, принятый в первом чтении, был отклонен, т.е. на протяжении 13 лет, было допущено большое количество судебных ошибок [6].

Согласно заключению Комитета ГД РФ, по государственному строительству и законодательству на проект федерального закона №241727-4, отмечается, что действующей редакцией федерального закона не учитывается, положение согласно которому арест кроме всего прочего применяется к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту или призыву, которые отбывают его на гауптвахте. Так, Особенной частью УК РФ, главой 33 «Преступления против военной службы» арест предусмотрен в следующих воинских преступлениях - ч.1 и ч.2 ст. 332, ч.1 ст. 339, ч.1 ст.342-344, ч.1 ст. 346, кроме того ч.1 ст.332, ч.3 ст. 332, ч.1 ст. 339, с. 344 не предполагают применения к осужденным наказания в виде лишения свободы, что усложнит военным судам дифференциацию наказания [7].

По истечению шестнадцати лет с момента окончания предельного срока создания необходимых условий для исполнения наказания, вопрос об аресте как виде наказания, так и не решен, что порождает существенные правовые ошибки при назначении наказаний по приговорам суда.

Так, 28.04.2020 г. Макаровский районный суд Сахалинской области по уголовному делу № 1-21/2020, вынес приговор в отношении гражданина Г., которым признал его

виновным в совершении преступления предусмотренного ч.2 ст. 325 УК РФ, и назначил ему наказание в виде одного месяца ареста. Не согласившись с приговором, осужденный подал апелляционную жалобу в Сахалинский областной суд. 29.07.2020 г. суд апелляционной инстанции вынес апелляционное постановление № 22-901/2020 по делу № 1-21/2020, которым, изменил приговор Макаровского районного суда Сахалинской области от 28.04.2020 г. в отношении Г., исключив из резолютивной части указание на наказание в виде 1 месяца ареста [8].

Аналогичные проблемы применения ареста как вида наказания содержатся во многих других приговорах, например: Апелляционное постановление №10-2/2019 от 21.01.2019 на приговор мирового судьи судебного участка №3 г. Петушки и Петушинского района Владимирской области от 19.09.2018 по делу № 10-2/2019, которым арест был избран в качестве меры наказания [9]; Апелляционное постановление №10-71/2018 от 24.09.2018, на приговор мирового судьи судебного участка №4 Калининского района г. Чебоксары Чувашской Республики от 11.07.2018 по делу № 10-71/2018, которым арест избран в качестве меры наказания [10].

Таким образом, сохранение ареста в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве, влечет правовые ошибки при избрании судами такого вида наказания как арест, что в свою очередь является недопустимым и требует скорейшего разрешения, пересмотр либо унификация нормы об аресте как вида наказания в действующей редакции УК РФ позволила бы избежать ряд проблем.

Список использованных источников:

1. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года : сайт - URL : <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/8933> (дата обращения 27.10.2022) Текст электронный;
2. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. : С мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. юстиции в Государственном совете и журналов - особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного совета / Издание Н. С. Таганцева. - Санкт-Петербург : Государственная типография, 1904 года : сайт – URL : <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/17772?mode=simple> (дата обращения 27.10.2022) Текст электронный;
3. Уголовный кодекс Российской Федерации : Официальный текст : текст кодекса приводиться по состоянию на 1 октября 2022 года. – Москва : Проспект, 2022 – 384 с;
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Официальный текст : текст кодекса приводиться по состоянию на 1 октября 2022 года. – Москва : Проспект, 2022 – 112 с;
5. О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон № 64 – ФЗ от 13.16.1997 года. : сайт – URL : <https://base.garant.ru/10108004/> (дата обращения 27.10.2022) Текст электронный;
6. Текст законопроекта федерального закона «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации, связанных с исключением положений о наказании в виде ареста»: сайт – URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/241727-4> (дата обращения 27.10.2022) Текст электронный;
7. Текст заключения Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству на проект федерального закона №241727-4. : сайт – URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/241727-4> (дата обращения 28.10.2022) Текст электронный;
8. Апелляционное постановление № 22-901/2020 Сахалинского городского суда по делу № 1-21/2020 от 29.07.2020 на приговор Макаровского районного суд Сахалинской области от 28.04.2020 по делу № 1-21/2020. : сайт - URL : <https://oblsud-->

sah.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4210203&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения 28.10.2022) Текст электронный;

9. Апелляционное постановление Петушинского районного суда Владимирской области №10-2/2019 от 21.01.2019 на приговор мирового судьи судебного участка №3 г. Петушки и Петушинского района Владимирской области от 19.09.2018 по делу № 10-2/2019. : сайт – URL : https://petushinsky-wld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6864022&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения 28.10.2022) Текст электронный;

10. Апелляционное постановление Калининского районного суда г. Чебоксары Чувашской области №10-71/2018 от 24.09.2018 на приговор мирового судьи судебного участка №4 Калининского района г. Чебоксары Чувашской Республики от 11.07.2018 по делу № 10-71/2018. : сайт – URL : https://kalininsky-chv.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2#id=3_010e45794be388579e66d18c6c018293&shard (дата обращения 28.10.2022) Текст электронный.

УДК 343.24

Рахимджанова Д.С.

Академия права и управления ФСИН России,

Российская Федерация, г. Рязань,

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ УКЛОНЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Аннотация: В статье рассматривается целесообразность установления уголовной ответственности за уклонение от отбывания принудительных работ. Проводится анализ статистических данных и доктринальных положений.

Abstract: The article considers the appropriateness of criminalising the evasion of compulsory labour. Statistical data and doctrinal provisions are analysed.

Проводимая в Российской Федерации уголовная политика направлена на смягчение карательного воздействия на правонарушителей, которая проявляется, прежде всего в увеличении числа назначений уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы. Принудительные работы являются новым видом уголовного наказания, применение которого началось с 2017 года. Они заключаются в привлечении лица к трудовой деятельности на работах, определенных администрацией учреждений с удержанием из заработной платы денежных средств в доход государства в установленных судом размерах.

Статистические данные Управления организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества ФСИН России свидетельствуют о постоянном увеличении количества лиц, отбывающих данное наказание (2017 г.-587, 2018 г.-2501, 2019 г.-8616, 2020 г.-12298, 2021 г.-15791). Согласно официальному сайту ФСИН России на 01.10.2022 года на учете 42 исправительных центров (далее – ИЦ) и 214 изолированных участков, функционирующих как исправительные центры, состоят 12 849 осужденных к принудительным работам [1]. Согласно ст. 60.17 УИК РФ лицом, уклоняющимся от отбывания исследуемого вида наказания, признается: 1) уклонившееся от получения предписания о направлении в ИЦ; 2) лицо, которое не прибыло в ИЦ в установленный в предписании срок; 3) лицо, которое не вернулось в ИЦ по истечении разрешенного срока выезда; 4) самовольно

оставившее ИЦ, место работы и (или) место проживания, определенные администрацией ИЦ, на срок свыше 24 часов.

Данные статистики также подтверждают увеличение числа указанных нарушений (2017 г.-94, 16%; 2018 г.-346, 13,8%; 2019 г.-1010, 11,7%; 2020 г.-928, 7,5%; 2021 г.-994, 6,3%). Преобладающее число уклонений совершается путем неприбытия в ИЦ в установленный в предписании срок (2017 г.-50; 2018 г.-256; 2019 г.-566; 2020 г.-417; 2021 г.-458). С 2019 года произошло значительное расширение сети ИЦ, которое привело также к увеличению числа невозвращений в ИЦ по истечении разрешенного срока выезда (2017 г.-9; 2018 г.-41; 2019 г.-244; 2020 г.-307; 2021 г.-309). Ответственность за указанные нарушения выражается в направлении представления в суд о замене не отбытой части принудительных работ лишением свободы. Вышеназванные актуализирует вопрос об ужесточении ответственности за уклонение от отбывания принудительных работ.

Уклонение осужденного от отбывания уголовного наказания традиционно рассматривается как акт посткриминального негативного, неправомерного поведения. В ст. 314 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее-УК РФ) закреплена уголовная ответственность за злостное уклонение от ограничения свободы, признаки которого не раскрыты в уголовном законе. Диспозиция правовой нормы отсылает к положениям уголовно-исполнительного законодательства, однако в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации закреплены только условия признания осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания. Интересно мнение Л.Л. Кругликова, который считает, что уклонение от отбывания наказаний следует рассматривать в качестве самостоятельных видов преступления, так как такое уклонение характеризуется общественной опасностью, наносящее существенный вред общественным отношениям, находящимся под охраной уголовного закона [2, с. 64]. По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации за 2021 год по ч. 1 ст. 314 УК РФ осуждено 501 чел., по ч.2 ст. 314 УК РФ – 18 чел.

В ст. 313 УК РФ прописана уголовная ответственность за совершение побега из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, совершенного лицом, отбывающим наказание или находящимся в предварительном заключении. По мнению П.С. Метельского целью данного преступления является уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы, ареста или уклонение от уголовной ответственности [3, с. 40]. Другими словами, побег осужденного и злостное уклонение являются юридическими разновидностями уклонения от отбывания наказания. В обоснование следует привести тезис о единой форме деяния – отказ осужденного от исполнения предписаний приговора, его стремление избежать уголовной ответственности. Аргументом криминализации уголовной ответственности от отбывания исследуемого вида наказания также является наличие изоляции, как при аресте и лишении свободы. В свою очередь, В.В. Ким, наоборот обращает внимание на сходство исполнения принудительных работ и лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении в контексте декриминализации побегов их последних [4, с. 40]. По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации за 2021 год по ч. 1 ст. 313 УК РФ осуждены 98 лиц.

Правило 14.3 Стандартных минимальных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), рекомендует автоматически не заменять данные виды уголовных наказаний на меры, связанной с тюремным заключением. Однако в случае с принудительными работами, более строгим видом также является лишение свободы. Другими словами, в случае криминализации рекомендация будет соблюдена.

Нельзя не согласиться с мнением И.В. Дворянскова и А.Б. Баумштейна, которые справедливо замечают, что криминализация злостного уклонения отбывания принудительных работ обеспечит большую эффективность предупреждения повторного совершения преступлений [5, с. 122].

Таким образом, правоприменительная практика исполнения принудительных работ свидетельствует о значительном количестве уклонений от отбывания наказания. Учитывая

вектор современной уголовно-исполнительной политики, направленный на расширение сети ИЦ предполагается дальнейшее увеличение числа подобных нарушений. В связи с этим, видится целесообразным с целью превенции криминализировать совершение уклонения от принудительных работ.

Список использованных источников:

1. Краткая характеристика Уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 10.09.2022).
2. Кругликов Л.Л., Е.А. Тимофеева Юридическая природа злостного уклонения от отбывания наказания: дискуссионные вопросы // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 2(7). С. 63-65.
3. Метельский П.С. Уголовная ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2008. Т. 4. № 2. С. 37-45.
4. Ким В.В. Теоретико-правовые аспекты побега и уклонения от отбывания наказания в учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 25–26 октября 2017 года / Отв. ред. А. Г. Чириков. Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. С. 38-41.
5. Дворянсков И.В., Баумштейн А.Б. О необходимости восполнения пробелов в регулировании уголовной ответственности за уклонение от отбывания наказания // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 121-124.

Секция 4

Современные проблемы предпринимательского и экологического права

УДК 349.6

Москвина В.И.,

*Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, Минск.*

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЛОКАЛЬНОГО МОНИТОРИНГА ПОДЗЕМНЫХ ВОД В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В статье автор предлагает понятие и рассматривает «локальный мониторинг» как составляющую мониторинга подземных вод. Выделяет основные

направления локального мониторинга подземных вод, объекты локального мониторинга, а также проводит анализ законодательства в области локального мониторинга подземных вод.

Annotation. In the article, the author proposes the concept and considers "local monitoring" as a component of groundwater monitoring. Identifies the main directions of local monitoring of groundwater, objects of local monitoring, and also analyzes legislation in the field of local monitoring of groundwater.

Альтернативы подземным водам, как более надежному источнику питьевого водоснабжения, не существует, а значит качественная составляющая данного компонента природной среды требует пристального и постоянного внимания государственных органов. Для данной задачи существует локальный мониторинг.

Основной целью локального мониторинга подземных вод в соответствии с законодательством Республики Беларусь является проведение наблюдений за состоянием воды в подземных водах в районах, где хозяйственная или иная деятельность оказывает высокий уровень вредного воздействия на данный водный объект [1, 2].

Локальный мониторинг подземных вод в Республики Беларусь осуществляется в рамках Национальной системы мониторинга окружающей среды и регулируется: Водным Кодексом Республики Беларусь, Постановлением Совета Министров Республики Беларусь «О национальной системе мониторинга окружающей среды в Республике Беларусь», Постановлением Совета Министров Республики Беларусь «О проведении отдельных видов мониторинга окружающей среды и использовании их данных», Постановлением Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь «Об утверждении Инструкции о порядке проведения локального мониторинга окружающей среды».

Объектами наблюдений локального мониторинга подземных вод являются: «захоронения непригодных пестицидов; захоронения отходов; объектов хранения, обезвреживания отходов, при проектировании которых при проведении оценки воздействия на окружающую среду установлено воздействие на подземные воды; сооружений биологической очистки сточных вод в искусственных условиях (иловых и (или) шламовых площадок) производительностью 50 тыс. куб. м/сутки и более; сооружений биологической очистки сточных вод в естественных условиях (полей фильтрации, полей подземной фильтрации) производительностью 200 куб. м/сутки и более в случае, если негативные последствия для подземных вод подтверждены научными гидрогеологическими исследованиями, заказчиком которых выступает Минприроды; объектов нефтепереработки и хранения нефти, складов хранения нефтепродуктов; в границах предоставленного горного отвода, а также за его пределами при осуществлении экономической деятельности, связанной с использованием недрами, в случае, если негативные последствия для подземных вод могут быть связаны с проведением горных работ; иных объектов, если негативные последствия для подземных вод могут быть связаны с их эксплуатацией» [3].

Локальный мониторинг подземных вод осуществляется 250 природопользователями в 1659 пунктах наблюдений. Пунктами наблюдения локального мониторинга подземных вод являются наблюдательные скважины и (или) колодцы [2].

Согласно законодательству Республики Беларусь, юридические лица и индивидуальные предприниматели обязаны проводить локальный мониторинг подземных вод. Постановлением Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь «Об утверждении Инструкции о порядке проведения локального мониторинга окружающей среды» пунктом 5 устанавливает периодичность проведения мониторинга подземных вод. В первый год периодичность наблюдений составляет 1 раз в квартал, в последующие годы периодичность наблюдений сходиться к 1 разу в год в весенний период. Для объектов захоронения отходов после их рекультивации период проведения

локального мониторинга определяется прежде всего проектом рекультивации данных объектов, но не менее пяти лет после их рекультивации. В местах размещения объектов захоронения непригодных пестицидов локальный мониторинг проводится в течение 10 лет после ликвидации данных объектов [3].

Постановление Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь «Об утверждении экологических норм и правил» регламентирует правила проведения локального мониторинга подземных вод [4].

Контроль за организацией и проведением локального мониторинга осуществляется Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь и его территориальными органами в порядке, установленном законодательством [3].

В результатах локального мониторинга подземных вод на 2021 год отмечается, что высокий уровень воздействия на подземные воды оказывают объекты расположенные в районах: хранения и захоронения промышленных отходов (ОАО «Беларуськалий», ОАО «Гомельский химический завод»); химической и нефтехимической промышленности («Полимир» ОАО «Нафтан», ОАО «СветлогорскХимволокно»); предприятий металлургической отрасли (ОАО «Речицкий метизный завод», ПУП «БМЗ-Эксервис», ОАО «Мозырьсоль»); хранения и захоронения промышленных отходов предприятий энергетики (филиал «Мозырьская ТЭЦ» РУП «Гомельэнерго», филиал «Светлогорская ТЭЦ» РУП «Гомельэнерго», филиал «Березовская ГРЭС» РУП «Брестэнерго», филиал «Лукомльская ГРЭС» РУП «Витесбкэнерго», филиал «Лидские тепловые сети» РУП «Гродноэнерго»); складирования осадка очистных сооружений (КПУП «Борисовводоканал», КУП «Слуцкводоканал», Городского КУП «Солигорскводоканал», КПУП «Гомельводоканал»); хранения нефтепродуктов (склад № 3 РУП «Белоруснефть-Минскоблнефтепродукт»); транспортировки и хранения нефтепродуктов (НГДУ «Речицанефть», ГПО «Белоруснефть» Гомельской области, АЗС № 41, № 43, № 62, № 75, № 82, № 83 склада РУП «Белоруснефть-Гомельоблнефтепродукт»); полигоны ТКО в районах: г. Лоев, г. Молодечно, г. Верхнедвинск, г. Кричев, г. Слуцк, г. Смолевичи, г. Рогачев, г. Минск; полей фильтрации (ЗАО «Добрушский фарфоровый завод», ОАО «Жабинский сахарный завод», ОАО «Глубокский мясокомбинат», филиал «Добрушская бумажная фабрика «Героя труда» ОАО «УКХ «Белорусские обои»); непригодные пестициды (ГЛХУ «Слонимский лесхоз», ГЛХУ «Суражский лесхоз»); хранилищ газов (филиал «Осиповическое УМГ», ОАО «Газпром трансгаз Беларусь») [2].

Для недопущения дальнейшего ухудшения состояния подземных вод в районах с высоким уровнем вредных воздействий, необходимо разработать нормативно правовой акт регламентирующий порядок проведения наблюдений за режимом подземных вод на территориях с высоким уровнем вредного воздействия, а также провести мероприятия по совершенствованию системы локального мониторинга.

Список использованных источников:

1. Балашенко, А.С. Экологическое право : учебник / С.А. Балашенко, Т.И. Макарова, В.Е. Лизгаро. – 2-е изд., перераб. – Минск: Высшая школа, 2021. – 399 с.
2. Национальная система мониторинга окружающей среды в Республике Беларусь: результаты наблюдений, 2021 год / Под общей редакцией М.И.Лемутовой – Минск, Государственное учреждение «Республиканский центр по гидрометеорологии, контролю радиоактивного загрязнения и мониторингу окружающей среды». – 2022. – 556 с.
3. Об утверждении Инструкции о порядке проведения локального мониторинга окружающей среды [Электронный ресурс] : Постановление Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, 1 февраля 2007 г., №9 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Об утверждении экологических норм и правил [Электронный ресурс] : Постановление Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, 18 июля 2017 г., №5-Т // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.